

Ана Дем

бывшее
счастье

— Н-но как же наши чувства? — отбросив все свои слезы прочь, вскинув гордо голову, девица зыркнула гневным взглядом. — Ты сам орал, что её бросишь ради меня! Что со мной лучше, чем с ней.

Отойдя чуть вглубь собравшихся, боясь быть замеченной, прикрыла рот. Рвотный позыв даёт о себе знать прямо здесь и сейчас. Нельзя, дыши спокойно и равномерно, стараясь привести мысли в порядок. Никто не должен узнать о моей тайне, что выльется в девятимесячную историю. Или восьми... Срок же не известен.

— Я ведь... — вслушиваюсь в её охрипший от криков голос, — я ведь беременна!

Пролог

— Алло, Варь, — в дверцу школьного туалета бьётся Дианка, моя лучшая подружка с третьего класса, — давай быстрее, скоро звонок на урок!

Меня всю трясет. Руки, ноги, голова. Не могу твёрдо мыслить, только видеть.

— А... — закрываю рот ладонью, смотрю на ужас каждой девчонки подростка.

Нет... Нет, нет... Не-ет! Не могу поверить в то, что передо мной светит двумя красными полосками на маленьком тоненьком листочке — тесте на беременность.

В голове прорываются сотню мыслей: когда у нас с Даней получилась осечка? Мы же всегда предохранялись: он презервативы постоянно носил в кармане джинс, я пила противозачаточные. Спасибо старшеклассникам, они смогли приобрести их для меня будучи невинной девчонкой.

— Варя, — стучат по двери, вырывая из мыслей, — ну же-е-е.

Кое-как встаю, ощущая ватность в ногах, дрожащими руками открываю дверцу. Оглядываю — никого нет, кроме Дианы. Её серо-голубые глаза пробирают до кончиков ушей, словно поняла всю суть моих проблем.

— О нет, — проблеяла она, вырывая положительный тест. — Тебе же пятнадцать.

— Как и тебе, — выдыхаю, подходя ближе к окну.

Серые тучи заснеженного города огромным камнем сваливаются на мои плечи. Казалось бы зима не осень, депрессивный настрой нельзя заработать от прохладной бури и обледеневших после потепления дорог.

Моя жизнь перевернулась с ног на голову именно этой зимой, когда идут подготовки к экзаменам. Мне пятнадцать, избраннику, совершивший вместе со мной такой серьёзный шаг скоро будет восемнадцать.

Узнай об этом мама разгневется, превратит серьёзную проблему в катастрофу мирового масштаба. Отец вообще голову оторвёт, не забыв повести всю семью в полицию — писать заявление об изнасиловании.

— Что мне делать? — мёртвым телом скатываюсь на прохладную плитку. Прислонившись спиной к тёплой батарее, прижала колени к груди.

— М-м... — задумавшись, подруга спустилась ко мне. Сев на корточки, обняла за поникшие плечи. — Тут только два варианта: рожать или становиться бесплодной на всю оставшуюся жизнь.

Да, шмыгаю носом, ощущая неприятный большой комок в горле. Я читала на разных форумах о подростковой беременности, обрушившейся на них критики, трудном вынашивании плода. Даже про аборты рассказывали: после подросткового, даже осознанно взрослого, аборта вероятность забеременеть крайне мала. Большинство случаев убийство ребёнка равняется бесплодием.

— Надо что-то решать, — моя любимая зажигалочка подаёт руку. Приняв её, сжав со всей оставшейся силы, встала с места. — А не сидеть сложа ручки и ножки.

— Ты права.

Сделав два глубоких вдоха, ощутив неприятное покалывание в груди, взмахнула непрошенные слезы. Вытерев солёные капли длинным рукавом свитера, ощутила неприятный порыв тошноты. Поднявшийся к горлу комок желчи обжигает неба. Зажав рот ладонью, побежала обратно в кабинку.

Вот и первые признаки беременности: тошнота с чувством опустошенности в животе. Выплевав весь свой школьный завтрак, прислонив чистую ладонь к низу живота, вернулась к Диане.

— Иди умойся, — видя моё состояние, подруга, перехватив меня под подмышку, отвела к раковинам.

Умыться толком не дали. Распахнув на распашку ведущую в женский туалет дверь, наша одноклассница, Сашка, раскрыв до пятирублевой монеты глаза, уставилась на меня. Весь шок и ужас виднеются на миловидном красивом лице, вытерев со рта горечь, прислонившись к краю раковины, решила таки поинтересоваться: что случилось?

— Там твой, — бегая глазами в разные стороны, боясь быть пойманной на лжи — она с лёгкостью могла приврать, взяв мелкую каплю правды, — поспешила убежать обратно.

— Алло, — щёлкает пальцами перед её перепуганной мордашкой Диана, — говори уже. Скоро звонок на урок.

Прикусывает губу, сжимает покрашенными прозрачным лаком ногтями дверной косяк. Секунда-две, пройдя вглубь помещения, прикрыв за собой проём, остановилась в метре от нас. Достав из кармана классических брюк свой новомодный телефон, клацнул пару раз экрану, зашла в галерею.

Даже отсюда была замечена её нервозность. Губы шевелятся в произвольном такте — словно шептала под нос, — мелкие покусывания пальцев, цоканье.

За стенами туалета начинается гул. Крики, плачи, ругань преподавателей. Переглянувшись с Дианой взглядами, та, словно прочитав мои мысли, отодвинула в сторону возмущенную такому поведению Сашку, направилась по заполненному коридору младшекласников.

— А это, — сломав пополам затем ещё раз пополам тест на беременность, подруга засунула его в карман штанов. — Это мы спрячем от всех глаз.

— Да, — соглашаюсь с ней.

Гул становился все сильнее и сильнее, проталкиваясь между девятиклассников с одиннадцатиклассников к центру кипиша, чуть было не приземлилась на коленки.

— Аккуратнее, — перехватив мою ладонь, переплетя пальцы, Дианка повела на самое развлекательное представление...

Сломавшее мою жизнь.

Окружившие словно волки люди взирали на заплаканную девчонку. Блондинистые локоны спадали с плеч, ладони закрывали зарёванное лицо. Истеричные всхлипы раздражали с каждой секундой, хотелось закрыть уши и уйти в класс. Но мне мешал это сделать он: мой парень.

Неприступный как скала возвышался над незнакомой для меня девочкой. Разглядывая его крепкую спину, плечи, не заметила снимающего все на телефон Антона. Гогоча над всей картиной, раскрывая свою волчью пасть для выговора нелепых шуточек, он чего-то ждал.

— Давай уже, — подначивал Антон своего друга.

А я, сквозь громкий шёпот тысячи учащихся, старалась вслушаться в ИХ разговор.

— Ты совсем страх потеряла? — грубый голос Даниила, моего парня, режет слух. Таким он был только на личных разборках за школой или на районе, рядом со мной Даня всегда был нежным и покладистым. — Я даю тебе форум в три минуты, за это время ты должна сбежать из школы и больше не попадаться на глаза.

— Н-но как же наши чувства? — отбросив все свои слезы прочь, вскинув гордо голову,

девица зыркнула гневным взглядом. — Ты сам орал, что её бросишь ради меня! Что со мной лучше, чем с ней.

Отойдя чуть вглубь собравшихся, боясь быть замеченной, прикрыла рот. Рвотный позыв даёт о себе знать прямо здесь и сейчас. Нельзя, дыши спокойно и равномерно, стараясь привести мысли в порядок. Никто не должен узнать о моей тайне, что выльется в девятимесячную историю. Или восьми... Срок же не известен.

— Я ведь... — вслушиваюсь в её охрипший от криков голос, — я ведь беременна!

Глава 1

— Артём, — дёргаю шторы, разрешая проникнуть солнечные блики в комнату, — просыпайся.

Смотрю на сопящую макушку сына, думаю, проиграет ли он моим щекоткам в этот раз, если не откроет глаза и не пойдёт умываться? Подросток: вечно недовольный, хмурый, любитель поискать приключения на своё имя.

Оставив его одного, приду через пять минут для проверки, направилась на кухню. Шоркая домашними тапочками по укрытому ковром полу, завернув за угол коридора, врзалась в холодильник. Кухня маленькая, развернуться можно, но принимать гостей для обычного чаепития стоит в гостиной комнате. Именно там сейчас спит Дианка.

Совсем не изменилась, как была оторвой с языком без костей, такой и осталась. Благо умудрилась карьерную лестницу построить да обзавестись поклонниками среди мужской толпы.

— «Переходим к новостям...» — маленький кухонный телевизор работает, изображает различные картины из новостей. Я не любитель слушать такую ерунду, знать о новых тенденциях этой весны, свадьбы бизнесменов с моделями из других стран... Сделав звук чуть тише, нажав кнопку на чайнике, поспешила достать из холодильника яйца с докторской колбасой.

За моей спиной послышался топот босых пяток. Ага, ребёнок проснулся и тут же пошёл под напор тёплого душа. Отлично, есть время приготовить для нашей маленькой семейки глазунью с жареной колбаской. Чайник вскипел, можно смело доставать чашки и делать бодрящий кофейный напиток: одной со сливками, второму просто кофе с одной ложкой сахара.

Сегодня прекрасный солнечный день: сердце ликует, душа просит напевать различные мелодии. Мысленно подпевая припев вспомнившейся песни, разбила яичную скорлупу над разогретой сковородой.

Разогретое масло мигом зашипело. Выбросив весь ненужный мусор в мусорное ведро, разлив по чашкам кипятка, расставила на столе. Осталось немножко, стоит дождаться полноценного приготовления яичницы, после пойти проверить сопящую в мёртвом сне подругу.

Наша с ней комната, по совместительству гостиная, походила на наркопритон. Разбросанная грязная одежда, флакончики от косметики, черновые бумаги по работе. Наклоняюсь к одному из листьев, схватив его большим и указательным пальцами, поднесла к лицу.

Вчитаться не удалось, настолько мелкий подчёрк заставит кровь из носа течь. Привыкшая расписывать мелкими буквами шпаргалки, Диана не заметила как её размашистый почерк изменился на еле различимый. Даже мне с моим то зрением не удаётся понять: там «К» выписана или «Г».

Не будем заморачиваться над этим. Положив листок на рабочий стол, поспешила к спящей красавице. Перекрашенные в чёрный оттенок локоны разбросались по подушкам, лицо спряталось под укывшим одеялом. Переступив через ещё одно одеяние, отбросив носком тапка в глубь комнаты, добрела до дивана. Именно на нём лежали и видели десятый по счету сон.

— Диан, — кладу ладонь на её плечо, начиная делать массирующие движения. — Вставай уже, тебе скоро на работу!

Сегодня у неё знаменательный день, не проснётся и не приведёт себя в порядок отдадут важную работу конкурентам. Вернее красивой пышногрудой конкурентке, которая имеет связи через свой рот и директорский кабинет. На моих губах проявляется смешок от воспоминаний: подруга всеми мировыми выражениями оскорбляла ту девицу, посмевшую забрать за пять минут до интервью работу.

Надеюсь в этот день такого не случится. Подруга всеми силами надеется на сегодняшнее дело, за которым последует премия в пять нолей. Поэтому пускай подымает свою попу и бредёт умываться. Как раз Артём вышел из ванной, шагая босыми мокрыми пятками к себе.

— Вставай! — кричу подруге, забегая обратно на кухню.

Не успевай вовремя и вместо яичницы ели уголь. Перекрыв газ, достав для каждого по тарелке, поспешила разложить тёплую еду. Одной хлеб, второму кетчуп к колбасе, третьей, мне, обычный кофе с сухими бутербродами.

Расставив на столе, схватила пульт от телевизора. Надоели новости, щелкая по каналам, выбирая один из музыкальных, остановилась на знакомой музыке. Да, пускай играет, уводит все нервы прочь. Время семь, на работу нужно явиться к девяти для подготовки проекта по строительству нового бизнес центра. Ещё один огромный штаб, где будут работать обычные люди вроде меня.

— Кхы-ы, — проснувшаяся подруга напоминает явившуюся из сказок бабу Ягу.

Волосы — воронье гнездо, на лице сонный отпечаток от руки. Ни доброго утра, ни другого хорошего пожелания к новому дню. Просто юркнула за дверь ванной комнаты, бросила грязные вещи прямо в коридор, закрылась на щеколду.

Стоит напомнить ей о стиральной машинке, может прекратит разбрасывать вещи и начнёт за ними следить. Ой, какой была в юношеские годы такой и осталась. Ничего не поменялось, осталась хулиганкой с твёрдым характером.

— Мам, — зашедший на кухню сын предстал в школьной форме.

Классические чёрные брюки, отбеленная от чёрных пятен белая рубашка, сверху должна быть жилетка, но её он никогда не надевает. За что лично я получаю по шапке от классной руководительницы.

— Доброе утро, — целую того в копну тёмных волос, подставляя ближе к нему тарелку, — приятного аппетита.

— Угу.

Весь в него. Такой же хмурый и подавленный, проявляя порой агрессию к внешнему миру. Сколько раз ходила в школу ради выговоров за нанесённые на одноклассника кулаки. Сколько раз слышала о будущем звонке в органы опеки и попечительства с угрозой лишить меня родительских прав, если не найду способ избавиться от злобы, находившейся внутри сына.

Записала на бокс. Ходит с удовольствием бить грушу, представляя лица школьных врагов среди девятиклассников и одиннадцатиклассников. Вот только приходит ближе к вечеру, даже на уроки порой забывает — бегом в душ и валяться на кровати с наушниками в ушах.

Стучу ногтями по кромке чашки, думаю: поговорить с ним сейчас, обсудить будущую поездку к бабушке с дедушкой. Те навряд ли захотят видеть своего родного внука: отец вновь

заставит его отжиматься за каждую провинность, мама читать русскую классику.

— Мам, ты чего? — смотрю в его карие глаза и вижу его.

Тёмные волосы, тёмные глаза, острые скулы с тонкими линиями губ, широкие плечи. От меня совсем ничего, только связывающая нас кровь и бабушкина двухкомнатная квартира, в которой живём маленькой семейкой.

— Думаю, — улыбаюсь уголком губ, — сегодня пятница, не хочешь сходить с друзьями в кинотеатр?

Я люблю его, разрешаю делать то, чего мне не разрешали в подростковом возрасте: ходить по кафе с друзьями, гулять до десяти ночи, заказывать на дом пиццу. Все осуществляется в пределах возможностей нашего лицевого счета, куда приходят проценты от накопившейся суммы.

Ещё поднакопим и сможем отремонтировать наш крохотный домик: поклеим новые обои, заменим плитку в туалете, закажем новую мебель.

— Хотелось бы, — пролетает ответ, — но Глеб в этот день будет работать нянькой для младшей сестры, а Валеру закрыли на две недели — он сломал отцовский ноутбук.

— А как же девчонки? — из ванной комнаты, в одном лишь халатике, вышла мокрая Диана. Стекающие с волос капли падали прямо под ноги, оставляя за собой небольшие лужицы.

— Диан. — прошу её уйти в комнату дабы одеться и не щеголять голыми ляшками вокруг мальчишки подростка.

Она не реагирует на это внимание, стоит и общается с любимым крестником по-поводу отношений между мальчиком и девочкой. И это не детские поцелуйчики, ходьба за ручку, написание прямо на уроке открытки признания. С её уст идёт краткое описание подростковой половой жизни: как хомутать красавицу школы, что такое контрацептивы.

— Теть, — закинув одну ногу на табурет, Артём поспешил закрыть эту тему. — Нам про секс говорили ещё в начале девятого класса, к тому же у нас нет девчонок, которые могли влюбить себя.

— Согласна, — заметила подруга, забирая из моих рук остывший кофе. — На прошлой неделе разглядела: одни проститомы и швабры. Нормальных девиц уже испортили балладами о любви на старом матрасе спортивного зала.

Прыскаю со смеха. Вспоминаем прошлое, в котором имело место быть этой ситуации. Дианка же там умудрилась лишиться девственности, с каким-то мальчиком-футболистом из чужой школы. Пока два разных класса воевали за первое место по футболу, её хорошенько так отжарили в подсобке школьного спортивного зала.

Об этом до сих пор никто не знает. Только я и она, моя лучшая подруга, по совместительству крёстная Темы.

— В общем чего хочу вам сказать, — допив за несколько больших глотков своё кофе, с неохотой взглянув на завтрак, Диана поспешила в комнату. — Если сегодня на работе ничего плохого не произойдёт, то одеваемся и идём в кафешку отмечать маленький праздник живота.

— А если нет, — в ребёнке проснулся пессимист. Он не любитель такого, сыну проще с друзьями погулять в парке или же у кого-то дома засесть с джойстиком в руках.

— Закажем на дом из фаст-фуд кафешки гамбургеры с картошкой фри и наедемся ними дома.

Глава 2

Смотрю на висевшие на стене часы. «12:45» — думаю про себя, потирая подбородок. Ребёнок давным-давно должен освободиться от пятничных занятий, прийти со школы и завалиться играть в онлайн игрушки. Написать через мессенджер, спросить, покушал ли дома отварные макароны с котлетками или оставить все свои переживания в сторону?

Мечусь между тем и этим, не знаю, какой выбор предпринять для правильного шага. Внутри все переворачивается, становится невыносимо дышать. Выключив тёплый воздух с кондиционера, открыв кверху окошко, втянула освежающий аромат наступившей весны.

Изучая новые для меня места с открытой главной дорогой местности, разглядывая проходящих мимо людей по красному светофору по своим делам, отчаянно цокнула.

Сидеть до самого вечера за столом, ждать опоздавшего клиента... Не самый хороший расклад на этот прекрасный день, стоит поговорить с директором, попросить уйти домой немного пораньше, к своему времени. А не сидеть до часу ночи, работая в программах, расписывая все подетально для отчётности на бумажке «а4».

Возвращаюсь обратно за стол, нажимаю на кнопки клавиатуры, стараюсь разблокировать компьютер, откидываюсь на спинку кресла. Дернув носком туфель в бок, заставила себя кружиться против часовой стрелки. Детское занятие, кружиться сидя в офисном кресле вокруг своей оси, считая сколько раз совершил оборотов.

Четыре и пятый не полный круг. Рекорд, раньше могла три раза прокрутиться.

— Ах. — устало вздыхаю, беря в руки телефон.

Сообщения от Дианки, одно от Артёма с фразой: «Я дома», кучу спама в беседе наших сотрудников. Все бегают, копошатся, боятся быть подставленными с опоздавшим заказчиком. Мне все равно: весь план, шаблон и документы находится в закрытом на несколько замков конференц-зале. Пускай сами решают оставшиеся проблемы.

От меня единственное, что потребуется — электронные документы, если их умудрятся потерять. Для остального у меня нет заказов, поэтому в компьютере сияет белый фон открытой программы.

Воссоздать для самой себя дизайн будущей гостевой комнаты, где живут две обделенные мужским вниманием тридцатилетние тётки или ванной комнаты? В наше время жить среди советского ремонта не принято, тем более у нас давным-давно откололась с одной стороны плитка и под стиральной машиной затесался зазор.

— Варя, — ко мне забегает жена шефа, по совместительству секретарь. — Мне нужна твоя помощь.

Маленькая пышка — так называют нашего любимого второго начальника, — прилетела ко мне с огромной кучей журналов по дизайну. Их было очень много, отчего маленькие ладошки не смогли все сдержать и вся стопка полетела к её туфлям на широком каблуке.

— Анна Алексеевна, — подбегаю к ней, стараясь как можно скорее помочь собрать с пола, — ну нельзя же так.

Она младше меня на два-три года, не удивительно то, как я о ней забочусь, желая осчастливить жену работодателя. То вместе выпьем чашечку кофе в нашей маленькой кухоньке, то сходим прогуляться в ближайший от работы парк, расписывая наши скетчбуки прояснившимися вдохновением дизайны небольшой кафешки, детской спальни или же гостиничных номеров: от обычных до люксовых.

— Ой, я б такой не была сейчас, если муженёк не попросил передать тебе срочный заказ, касающийся одного богатейника. — выдыхает та, складировав принесённые на мой рабочий стол журналы.

Заказ человека с огромным доходом мечта каждого работающего. Выполни рабочий план на все сто процентов и тебя ждёт приличная премия в размере трёх-четырёх нулей. Раз меня просят о таком, значит стоит выложиться по полной программе, рассчитывая только на свои приобретённые за эти годы знания.

— И что от меня требуется? — сажусь обратно в компьютерное кресло, доставая из выдвигающегося ящика свой расписанный блокнот. Хватаю из органайзера ручку, нажимаю на колпачок отчего тот с щелчком выдвигает кончик с шариком на конце, вожу несколько раз круги по белому в клетку листу. — Создать проект нового торгового центра, который будет строиться у нас здесь, салона красоты для жены?

Все люди, которые имели хороший доход, прибывали к нам только для одних целей: воссоздать для жен идеальный салон, куда будут приходить девочки прихорашиваться, торговый центр или спортивный комплекс. Дизайн спален, кухонь и прочего просят только те, кто хочет обновить ремонт в квартире.

Тяжело однако, но ничего с этим не поделать.

— Совсем не угадала, — угадывать для меня самое последнее дело, проще сразу рассказать всю суть надвигающейся работенки и приступить к делам. — Мы не знаем его имени и не знаем фамилии, за этого человека звонила молодая особа, которая, представившись его ассистенткой, попросила нашу фирму организовать план проект будущего двухэтажного дома.

Оу, какое серьёзное дельце приплыло от золотой рыбки. Записываю все в блокнот широким подчерком, подмечая несколькими полосками самое основное для меня. Так легче ориентироваться в дальнейшем, принимая конструктивную критику без каких-либо детских обидок.

— Если все удачно сложится, то муженёк выплатит тебе, как лучшему работнику нашей маленькой компании премию! — радости Анны Алексеевны нет предела.

Очень хочу поспорить с лучшим работником любимой работки. У нас работают ребята, которые лучше меня самой в сто крат. Ольга Юрьевна шикарно воспроизводит дизайн будущих садов, совмещая красоты обычных и фруктовых деревьев, Степан же вытворяет обычным графическим планшетом и стилусом прекрасные для моих глаз проект дизайны загородных домов.

Одна я не пришей туда рукав. Там беру, тут кусочек оторву, где-нибудь оттяпаю да заштопаю, раскрывая гадкого гусенка в прекрасного лебедя, который мне платит заработную плату.

— Тем более, — в серых глазах заплясали самые настоящие черти, — ты сейчас находишься на распутье, моя хорошая, поэтому тебе как никак нужны оранжевые купюры.

Она права. Артему через полгода исполняется шестнадцать лет. Нужно подготавливаться к празднику. Накапливая на открытом несколько лет тому назад вкладе деньги, с которых уже каплют немаленькие проценты, мне удастся устроить ему хорошую вечеринку. Если же нет, то хорошенький игровой ноутбук с наушниками сойдут за оптимальный вариант.

Сколько там накопилось? Девяносто пять тысяч? За долгий срок сумма маленькая, можно было накопить куда больше — сто или двести, триста тысяч, — но живя не по

планам, беря каждый раз по тысяче рублей на нашу маленькую семью, все же остаёшься с разбитым корытом.

И не смотря на хорошую работу у меня и Дианки, раз в несколько месяцев кто-то да остаётся без всего. То новых клиентов нет, то мелкие подработки... Приходится выкручиваться, засиживаясь на сайтах фриланса.

— Так, — достав из кармана брюк телефон, кляцнув по нему пару раз, Анна Алексеевна отправила на мою электронную почту текстовый документ с перечнем необходимых для проекта просьб в лице тайного заказчика. — Ты посмотри все, разложи как умеешь по полочкам, а потом, когда будет свободное время, зайди к моему муженьку — обсудим что да как разложить и съесть.

— Хорошо, — сухо отвечаю, открывая то, что было отправлено. — И как мне соединить викторианский стиль с лофтом?

Глава 3

Устала, мозг отказывается воспринимать всю дальнейшую информацию, начиная отключаться через каждые пять минут. Ещё немного и мои глаза под давлением век закроются, отгородив весь тёмный мир от сна тоненькой перегородкой.

Заползаю домой в десятом часу ночи, сидевший за компьютерным столом сын, увидев моё состояние, тут же встал с насиженного места и поспешил ко мне. Интересуясь моим подкосившимся здоровьем, помог снять с опухших голеностопов туфли.

— Ах, — не сдерживаюсь от приятных ощущений лёгкой свободы, скользя размявшимися пальчиками в прорези мягких тапочек. — Как же я устала.

Устала бегать от своего кабинета к директорскому, прося Олега Владимировича обзвонить тех самых клиентов и его ассистента, требуя решить эту проблему. Совершенно два разных стиля, которые никак не сочетаются между собой должны быть внутри не «отстроенного» здания.

Пока сидели втроём — я, директор и секретарша, — слушая целый нелицеприятный разговор от миловидной девицы — по голосу ей меньше двадцати шести, — потихоньку распивали разбавленный чай с коньяком. На работе такого нельзя вытворять, в любой момент может явиться проверка, но что было поделать со слов:

— Вы вообще профессиональная фирма или нет?! — кричала в трубку девушка. — Мой босс захотел такой дизайн, так что вы обязаны это сделать!

И сбросила звонок. Правда через минуток три перезвонила и сказала, что проект дома не нужно составлять, так как её босс приобрёл загородный дом вблизи соснового двора — там отстроены коттеджу для богатеньких людей, — поэтому от нас требуется подчиниться приказу и придумать способ вместить в спальню лофт громоздкую кровать прошедшей несколько веков назад эпохи правящей королевы Виктории.

— Я тебе купила твои любимые снеки с газировкой. — в моё время такое не разрешали употреблять, так почему я должна делать с собственным ребёнком? Здоровье позволяет, он волен делать все, что ему захочется в подростковом возрасте.

— Спасибо, — схватившись за магазинный пакет, подав мне ладонь, Тёма помог встать с насиженного места. — Ты кушал?

Кивок головой и мы все равно отправляемся на кухню. Надо разгрузить продукты, разогреть для себя поздний ночной ужин, затем принять горячий душ, броситься под ватное одеяло спать. Ребёнок пускай сидит до двух часов ночи, у него законные выходные, а Дианка...

— Где крёстная? — по пути осматриваю нашу с ней комнату, замечая одно чёрное пятно и разбросанные по всюду платья.

— Она ещё не прибыла. — все ясно, видимо все произошло слишком удачно в её ситуации, раз не спешит домой.

Пускай развеется, погуляет по ночному городу с каким-нибудь красавчиком мужчиной по работе, позволит расслабиться под крепкими ладонями. Не маленькие, бояться опозориться на весь город обычным сексом в номере какого-нибудь отеля или гостиницы больше не страшит, как в подростковом возрасте.

Сейчас можно делать абсолютно все, даже групповое с различными игрушками для интима.

Но это кому как заблагорассудится, может кто-то ведёт строгий пост или принял обед на запрет заниматься чревоугодием.

— Милый, — сажусь за стол, поглядывая на такого прекрасного помощника. Тот постепенно вытаскивает из пакета обычные продукты, своё любимое лакомство, средство для мытья посуды, а я, взглянув со стороны, понимаю — с ним я как королева.

— М? — вопросительное мычание со звуком шипящей газировки прорывают мои дамские мыслишки. — Чего?

— Да так. — улыбаюсь своим глупым мыслям. — Как прошёл твой день?

— Нормально. — пожимают плечами, отрезая на разложенный по тарелке белый хлеб тонкую нарезку докторской колбасы. В животе тут же сдавило неприятным спазмом. — Получил четвёрку по контрольной биологии, тройку за неправильное решение двух математических уравнений.

Передо мной ставят ту самую тарелку с двумя бутербродами. К этому всему добавилась кружка горячего чёрного чая с толстой долькой лимона.

— Я не буду тебя за это ругать, — во мне нет желания становиться злой матерью, которая затрясет своего ребёнка из-за плохих оценок до нервного срыва. У него и так нервы от будущих экзаменов, ещё я досаждаю начну, капая на мозг. — Просто постарайся хорошо себя вести в школе, запоминая самую важную информацию для будущих зачётов.

Медленно, но уверенно кивает, соглашаясь с моей жалобной просьбой. Разговаривать дальше нет смысла, отпустив Артёма к себе в комнату, тот, забрав собой чипсы и газировку, поспешил за включённый ноутбук.

— И не порть своё зрение, — ещё одна просьба слетает с моих уст, — включи ночник.

— Разберусь. — и ушёл.

Тяжко вздохнув, схватив за ручку кружки, прислонила ту к губам. Сделав два глубоких глотка, ощутив на языке поправшуюся косточку кислого цитруса, выплюнула на ладонь. Бросив ту на стол — потом приберусь, выкинув весь мусор с деревянной поверхности, — скушав сделанный ребёнком бутерброд, решила пойти к себе.

Время ещё есть, соберу все Дианкины шмотки в мешок для грязного белья, переоденусь в домашнюю одежду из домашних бридж и футболки с короткими рукавами, лягу на более менее чистую постель.

Нет, последний вариант мне не нравится. Во мне проснулась настоящая сова: кроме закинутых стираться вещей, сменю грязноватое на мой взгляд постельное, соберу скопившийся мусор оставшийся от шоколадных конфет, наведу на рабочем столе порядок. Уберу с поверхности все то, что связано с моей работой — бывшие черновые работы от законченных проектов, — неудавшиеся оригами и квиллинг.

Хотела заняться полезным хобби: научиться собирать красивые конвертики из цветной бумаги, вышивать крестиком, шить из старой одежды кухонные прихватки... Моим рукам, все благодаря моей любимой бабушке по отцовской линии, свойственно вязать красивые узоры с помощью спиц и крючка.

Пока жила здесь, я столько всего связала для маленького Артемки. И носочки, и чепчики пока тому было несколько месяцев от рождения, даже зимние вещи пришлось научиться вязать, когда нам приходилось выживать на скромную бабушкину пенсию и на наши с подругой деньги, которые зарабатывались непосильным трудом официанток. Да и то эта работа никак не спасла нас от недельных голодовок. Пришлось свалить оттуда, где бегали как шакалы с двумя подносами одновременно, и устроиться на ночные смены в

кафешку быстрого питания.

Там мы занимались всем, что от нас требовали: чистили картошку, резали остальные овощи кубиками, соломкой или слайсами, меняли порой масло во фритюрницах, стояли на раздаче ночного авто-кафе. За-то приходили счастливыми, держа на руках те же самые пятнадцать тысяч.

— Тема, — заглядываю к нему, мимолетно оглядывев его спальню. Да, все же стоит обновить ему обои и прикупить хорошую кровать. — Если будет шумно с моей стороны, то заранее прошу у тебя прощения.

Удостоив себя согласительным мычание в ответ, прикрыв его комнату дверью, юркаю за мусорными пакетами.

Уборка длилась недолго — полтора часа. Излив в таз с тряпкой и грязной водой всю накопившуюся бурную энергию, протерев ладонью лоб, поспешила отнести все собранные мешки в коридор. С утра, если кто-то из нас встанет, пойдёт за свежим хлебом, обязательно выкинет. Наверное.

Например, Дианка будет ходить мимо него и кричать о том, что кто-то дома гадит и от этого вся вонь у нас стоит.

Ладно, сама выкину.

Время близится к первому часу ночи, наша комната немного поблескивает от уборки. Завершив последние штрихи, убрав все предметы под ванную, не забыв после этого помыть руки с мыльцем, — поспешила лечь отдыхать.

— Ма, — зовёт из коридора ребёнок, надевая на себя куртку и кроссовки. — Там тётя Диана приехала. Вся зареванная какая-то.

— Что с ней? — выбегаю к нему, попутно надевая своё пальто. — Она внизу?

Не успеваю услышать ответа, раскрываю входную дверь и бегу, спотыкаясь на ступеньках от задиранья тапок, вниз. Сердце громыхает от ударов в грудную клетку, виски начинают неумолимо сдавливать черепную коробку.

Поскальзываюсь на последней ступени, резко расставляю ладони для восстановления равновесия. Тяжело дышу: один, два, три, делаю шумный выдох. Подхожу к большой металлической серой двери с домофоном. Качнувшись пальцами ту самую злосчастную мелкую кнопку, что вызывает неприятное пиликанье, отворяю дверь на распашку.

Все равно не никто не закроет, даже ветер, которого не было от слова совсем. Была лёгкая прохлада тёмной ночи, зажженные фары такси и стоящая рядом с незнакомым мне мужчиной Дианка. Вся заплаканная, дрожащая словно выброшенный питомец на произвол судьбы.

— Варя, — пищит как котёнок, вызывая кашель с горла.

— Мам, — за моей спиной слышится голос Артёма, подойдя ближе, он, как и я, разглядывает всю ситуацию со своей стороны.

Стоявший вблизи мужчина в дорогом смокинге неожиданно напрягся, на его лице проявились неприятные в данной ситуации желваки. Это такая реакция на выбежавшего из подъезда ребёнка, я никак не могу понять?

— Возьми крестную, — прошу Артёма, касаясь его плеча ладонью, — отведи к нам.

Кивок и он выполняет мою просьбу. Скинув с себя куртку, оставшись в одной лёгкой футболке, накинул ту на подрагивающие плечи подруги. У неё настоящий шок, иначе почему она резко перехватила руку крестника, сжимая её со всей силы.

Шагая на ватных ногах к подъезду, переступая порог железной двери, двое родных мне

всем сердцем человек скрылись за ступенями, ведущих на второй этаж.

Что-ж, осталась одна, поблизости стоит незнакомец, тот моментально спрятал ладони в карманы брюк, стараясь привлечь внимание к расстёгнутой на две пуговицы от воротника рубашке.

— Прошу прощения за такой казус, — извиняюсь, подходя ближе к такси, легонько хлопая пустые карманы пальто. Ужас, мой кошелёк остался в сумочке. — Вы подождёте меня, я забегу домой за кошельком.

— Да... — сухой ответ слетел с губ, — подожду, как и пятнадцать лет.

Да быть того не может!

— И-извините, — медленными шагами спиной к двери отступаю к выходу. — Вы, наверное, ошиблись.

И бегу напрямик домой. Незнакомый мне мужчина побежал вслед за моими сверкающими пятками, дернув одним резким движением металлическую дверь, закрываю прям перед носом.

Сильный выброс адреналина позволил убежать на два этажа вверх, по путно содрав с ног злосчастные тапки, которые так и наровились спастись, перехватив покрепче в руках — будет чем отбиваться от злоумышленника, — поспешила прочь из подъезда.

Ощущая всеми пальцами прохладу бетонных ступеней, поднимаясь все выше, краем уха услышала звук вырванной двери. Ладно подростки, которые любят посидеть в чужих подъездах, ломают магнитные замки одним вырыванием двери со всей пацанской силы, но взрослый мужчина!

Опередив все свои эмоции одним прыжком в квартиру, тихо закрыв дверь — не забыв повернуть на два оборота запирающий механизм, — попросила всех вести себя тише воды, ниже травы.

— Не включайте свет, выключите все звуки в квартире. — бросив тапки на пол, чувствуя неприятное покалывание в районе сердца, поспешила на кухню.

Диана тихо сопела лёжа на диване, раздеваться не захотела, легла в чем приехала, Артём, видя моё перепуганное трясущиеся состояние удивлённо моргнул. Даже интересоваться не стал, почему надо сделать так, как попросила несколькими минутами ранее. Взмахнул ладонью, пожелал всем добрых снов, ушёл к себе.

— И тебе добрых снов, — шепчу вслед, подходя ближе к кухонному окну. Спасибо живём на пятом этаже, можно спокойно разглядывать проезжающих мимо по шоссе машин, гуляющих по утрам людей с собаками, пьяные компании, которые никак не смогут дотянуться брошенной бутылкой в окно.

Смотрю, а там такси. Водитель вышел покурить: втягивая в себя табачные затяжки, выдыхая огромные облака дыма, тот терпеливо дожидался заказчика. Может заказ был выполнен на имя подруги и мне, видя её состояние, стоило заплатить, отблагодарив спасителя за великодушный жест с его то стороны.

Нет. Мотаю головой, дернувшись как ошпаренная от звуков на лестничной площадке. Шум поднимающегося мужчины на этажи выше отчётливо слышался в квартире. Все-таки старый дом, панельный. Тут попробуй чихнуть без шума, мигом соседи из другого подъезда пожелают доброго здоровья, требуя обратиться к врачу ради осмотра здоровой меня.

А сердце стучит, медленно сползая к пяткам, сворачивая на пути рёбра, что впились острыми концами в лёгкие... Прижав к груди руки, медленно ступая, боясь разбудить сына, двинулась в коридор. Подойдя к двери, аккуратно раскрыв глазок, дабы видеть подъезд, тихонько взглянула.

Затаив дыхание, разглядывая обшарпанные голубые стены, ободранную уличными котами и кошками дверь пожилой женщины, увидела спускающиеся с шестого этажа — у нас девятиэтажка, — мужчину.

Боясь вскрикнуть от вырывающихся наружу эмоций, прижимаю ладонь к губам. Так крепко, отчего зубы царапают нежную плоть до неприятных пощипываний. Придется

воспользоваться Дианкой косметикой в дальнейшем, надеюсь у неё найдётся для такого простенькая гигиеническая помада.

— Черт! — ругается мужчина, запуская пятерню в свои волосы. Ну вот, вся прилизанная причёска превращается в осиновое гнездо, оставляя за собой растрепавшуюся копну волос над чёлкой.

Я не знаю его, но он хорошо знает меня. Пятнадцать лет... он напомнил эту цифру, заставив стусеваться от своего ужасного прошлого, повлекшего за собой банальные разрыв с бывшим городом, где жила и училась, друзьями, одноклассниками...

Может он один из бывших одноклассников? Вовка или Серёжка, которые так отчаянно хотели поступить на журналистику? Дианка встретила одного, попросила помощи. Точно, стоит её расспросить об этом человеке, глядишь вспомню бывшего товарища, поговорю на будущем вечере выпускников.

Больше нет смысла разглядывать кого-то, закрыв за собой глазок, сняв с плеч пальто — я так и ходила в нём все это время, — повесив на вешалку, поспешила к подруге. Та быстро успокоилась, перестала всхлипывать, причитать уткнувшись в подушку. Смирено лежав на своей стороне дивана — около стенки, — ковыряя сломанным ногтем порванные колготки, как можно тише просипела:

— Я больше не буду там работать. — и снова в её сломанном от слез голосе проявились всхлипы. — Это кошмар какой-то, а не работа мечты в самом престижном месте!

— Почему? — будет лучше, если она расскажет о том произошедшем кошмаре. Ложусь на свою подушку, подкладывая под щеку руку. В заплаканных глазах читается настоящий ужас и боль, сломавших такую бойкую девушку. Прекратив колупать колготы, создавая из них одни сплошные дырки, Диана тяжело вздохнула.

— Пёс сутулый, — таким ласковым прозвищем называет только одного человека — своего директора, — совсем на старости лет мозги отсохли.

Дальше следует критика всего бывшего коллектива. Облила с ног до головы грязью всех, включая злую уборщицу, что крапа из их офиса средства для уборки: хлорку, тряпки, даже новейшую швабру сумела умыкнуть прямо перед камерами. Сколько смеху было с моей стороны, когда подруга рассказывала об этом со своей интонацией.

— Ты представляешь, — она резко садится в свою любимую позу йоги. — Я же тебе говорила утром, что в моей жизни этот день самый главный? Если все произойдёт удачно, то сходим куда-нибудь поесть дорожкой еды.

— Угу. — соглашаюсь с ней, видя рассвирепевшую лисицу.

— Так вот... — она вспоминает на чем остановилась, — так как наш коллектив был приглашён в очень элитный и дорогий ресторан, где, собственно, брала интервью у того, кто меня привёз сюда.

Тот, кто побежал за мной словно маньяк из дешёвых фильмов ужасов. Спасибо богу сбежать умудрилась от загребущих рученок и его двусмысленных фразочек. «Подожду, как и пятнадцать лет...» — такую фразу не будут говорить бывшие одноклассники. Тем более обычные, с которыми не особо общалась.

— В общем, — возвращаемся к монологу от подруги, — гуляем по ресторану, общаемся с другими шишками, которые присутствовали, другими журналистами... И тут ко мне подходит наша стерва, трогает за плечо и тихо, чтоб никто не услышал, шепчет на ухо: «Ты можешь помочь мне в женском туалете?»

Банальный вопрос девочке к девочке, попросив с ней сходить в дамскую комнату ради

помощи поправить макияж, последить за приближающимися мальчишками. Такое есть и будет существовать среди женского пола.

— Я оглядываю по сторонам, никого из наших девчонок не вижу, — на этом моменте Диана начинает резво жестикулировать, создавая ту самую атмосферу, которую чувствовала часами ранее. — Ту же Наташку, которая, как сообщили позднее, поспешила домой из-за маленького ребенка. А ты меня ещё знаешь, если ну на помощь, то всегда помогу в любом случае.

— Ты пошла в туалет, — решила состроить свою глупую гипотезу, — и эту девушка накинулась на тебя, создрав кожу с плеча?

Только сейчас заметила. Сразу на двух миниатюрных плечиках виднелись кровавые борозды с высохшей кровью, что пролилась на платье. Будет трудно отстирать, но зная свою лучшую со школьной скамьи подружку — выкинуть оптимальный вариант. Ходить в чём-то несколько раз не про неё.

— Кстати, — с отвращением разглядывает тело, почему-то внюхиваясь, — спасибо, что напомнила. Схожу завтра в ментовку, напишу на старого пса и эту швабру заявление на покушение жизни и групповое изнасилование.

— Что? — вырывается из моих уст прежде, чем понимаю сказанное. Мои шестерёнки перестают работать от выброшенной на берег информации. — Она попросила тебя прийти в туалет, где ждали твой директор и его друг?

— Все гораздо хуже. — новые всхлипы слетели с покусанных губ Дианы.

Так, без незаменимого средства слушать всю эту историю крайне затруднительно. В нашей с ней комнате были припрятаны пару бутылочек вина и шампанского. Если же кто-то с работы крал моющие средства, то алкоголь дарили одной из нас в качестве хорошего презента за отличные успехи.

Где-то у меня было красное полусладкое вино. Вспомнила, встав с нашей кровати, мысленно ударив по лбу за оставшиеся в коридоре тапочки — без них дома как без пальцев на кухне, — поспешила к зашторенному ночными шторами окну.

— Вот черт. — имею право ругнуться, заведев стоящую под нашими окнами такси!

Этот наглый мужлан до сих пор не уехал. Ждёт не дождётся того самого злого момента, когда включится свет и покажется одна из наших мордашек. Не бывать этому, номер квартиры и этаж узнать не удастся, сегодня выходной — у половины квартир зажжён ночник или РГБ-подсветка.

— Диан, — зову по имени, морщась от всей ситуации в целом. Ещё немного и моя бедная голова взорвётся вулканом. — А ты свой телефон забрала?

— Ясен перец, — слышу ответ, — он у меня в сумке находится.

Простите, не моё дело и не моя жизнь, но хочу узнать: ей ли строчат через каждую минуту сообщения на улице или левому человеку. Не нравится этот мужчина, ох как не нравится. Вызову завтра участкового, составлю с ним заявление на нарушение неприкосновенности частной жизни.

Глядишь штраф выпишут или хуже. Привлекут к уголовной ответственности за прошлые грехи.

— Схожу за бокалами. — оповещаю, передавая в руки найденную бутылку. — Заодно штопор принесу.

— И закуски. — от истерики ни следа.

На закуску нарезка копчёной колбасы, сыр и завалившийся виноград. В некоторых

виноградинках есть потемнения, их можно смело сорвать и выбросить в мусорное ведро. Остальные промыть под водой, разложить аккуратно на тарелке, отнести обратно в комнату.

Мне никак не даёт покоя тот мужчина. Взглянув через окно на освещенную фонарями улицу, пожелав всех благ бедному таксисту, удивилась. След простыл, уехал, оставив моё загнанное в угол состояние в покое. Можно смело расслабиться, отпустить намотанный клубок нервов, выпить, услышать испугавший мою нервную психику рассказ.

— Держи, — подаю тарелку с закусками, удерживая в правой руке два бокала.

— Штопор забыла.

— Вовсе нет, — вытаскиваю прибор из мелкого кармашка футболки, отдавая профессионалу собственного дела.

Раскрыл, воткнул в деревянную пробку, покрутил по часовой стрелке, потужился и вот по всей комнате витает сладкий винный аромат. Отбросив штопор с пробкой в сторону, глянула вопросительно на бокалы. Из горла пить дело такое себе, лучше излить сей напиток в ту же самую чашку и пить как дамы, нежели превращаться в выпивох со стажем.

— Меня попытались изнасиловать, — бьёт сокрушающим ударом по груди Дианка, отпивая из бутылки любимый напиток греческого бога Диониса, — старый пёс и его третья по счету любовница.

Сколько у незнакомого мужчин любовниц мне не приятно слышать. Мне сразу становится жаль ту женщину, что смотрела на него любовными глазами, шагая под венец и отвечая с придыханием в сердце то самое «да».

— У твоего директора странные вкусы, — замечаю, прислоняя к губам потеплевший от касаний бокал.

— Это у его ведьмы мазохистские вкусы, — рычит, сжимая до поселения костяшек кулаки. Узнаю свою боевую подругу, готова надрать всем пятые точки за одно только в свой адрес. — Представляешь, захожу вместе с ней в женский туалет, а там стоит давит лыбу хрыч пятидесятилетний! Она такая к нему подходит, ласкает везде, где только достаёт руками, а затем, обернувшись к моей ошалевшей персоне, произносит: «Ну что ты как не родная, присоединяйся».

Слава богу она не орёт во все горло, а только шёпотом, иначе разбудили всех соседей и спящего за стенкой ребёнка. На моих губах проскальзывает глупая улыбка, ум воспроизводит во всех ярких красках ту самую сценку из женского туалета ресторана.

— Ладно, — поднимает свободную ладонь в жесте сдаваться, — где-то девять лет назад, пока ещё училась в технаре, у меня был половой опыт с несколькими партнёрами на закрытой вечеринке, но чтоб такое...

У кого-то были пелёнки и распашонки после учёбы, а кто-то развлекался как мог. И каждый раз, когда Дианка приходила домой с покусанной шеей или расстегнутой одеждой, стойким запахом мужского парфюма, дожидаясь ночного время — вот как сейчас, — рассказывала абсолютно все и без какой-либо утайки.

— Домашний кинотеатр «3Д», — прыскаю со смеха, чувствуя лёгкий удар в плечо. — Любуешься, познаешь новый опыт.

— Опыт сосать? — задают риторический вопрос. — Я и так это умею, как я по твоему ем чупа-чупсы?

Пора заканчивать пить, иначе весь разговор превратится в смех и грех. Допив свой бокал вина, закусив неприятное обжигающее послевкусие оставшимся виноградом, поспешила лечь на подушку. Может так поздний сон нагрнет к нам и приведёт ща собой

следующий чистый день.

— Стыдно об этом говорить, — голос стих, подбородок повис. Цокая пальцами по бутылке, обкусывая до этого серьёзно истерзанные губы, Диана практически мёртвым голосом произнесла. — Когда они начали это делать, я застопорилась. Отключилась от мира всего. Но я все чувствовала и ощущала: как касаются открытых участков рук ладони этой стервы, как ведёт к столешнице рядом с мойками...

— Они тебя трогали? — задаю главный вопрос, на который был самый сложный ответ.

— Он не успел, — не знаю почему, но с моих плеч спал тяжёлый камень. Я рада тому, что этот хмырь не дотронулся всем своим чревом до подруги. Сделай он это и его искали полицейские с ищейками. — Я проснулась ровно в тот миг, когда эта дрянь коснулась меня своими пальцами. Хах, видела бы ты, как они падают вместе на пол, крича от боли. Этот старпер натягивал её уже в тот момент, когда похотливая овца решила поиграть со мной.

— А тот мужчина... — зеваю в ладонь, чувствуя тяжесть на веках.

— Он помог мне вырваться из лап двух крыс, вызвав за свой счёт такси. — шмыгнув носом, разведя по всему лицу остатки водостойкого макияжа. Нет, туш все-таки оставила чёрный отпечаток. — А что такое?

Пришлось рассказать.

Первый выходной на неделе и в нашей маленькой уютной квартирке витает сплошная тишина. Все спят свернувшись под одеялами, видят энные по счету сны. Одна я с утра на ногах, бегаю по кухне, выпекая на бабушкиной чугунной сковороде блинчики по её фирменному рецепту.

В холодильнике валяется банка не открытой сметаны, упаковка сгущенного молока, плюс в раковине лежит оттаивает куриная печень. Сделаю из неё начинку, которую любит и обожает до безумия Артём. Ох, спасибо бабушке, та смогла приучить его ещё в самом юном детстве уплетать её — печенку, — за обе пухлые щеки. Теперь готовлю без страха выкинуть все приготовленное на завтрак туалету.

Вчерашние ночные посиделки закончились на начале третьего ночи. Рассказывая во всех подробностях о том самом мужчине, Диана, хмуро покосившись, позволила поинтересоваться странным для меня вопросом: не встречалась ли я ранее с таким богатым человеком.

Мой ответ: нет. С таким богатым человеком я не могла встретиться обычным взглядом на дороге пятнадцать лет назад, так как постоянно скрывалась от всех своих родственников и школьных друзей в четырёх стенах. Тогда мне даже интернет страницы пришлось удалить, в придачу заблокировав номер телефона.

Из-за ранней беременности я даже в новую школу не пошла, сидела за компьютером и писала под диктовку учителей конспекты. Только экзамен пришлось сдавать вне дома, но там тоже практически никого не видела: только организованный отдельно класс, комиссия из трёх преподавателей, записывающая всех нас камера с ноутбука.

— Ай, — умудрившись обжечься, рефлекторно подняла пальцы к губам, аккуратно дует прохладным потоком воздуха. Заживёт, не впервой обжигаясь, режусь, попадаю чем-то в глаза.

В общем счёте, вчера я так и не узнала о том самом мужчине. Просто богатая личность у которого решили взять интервью по случаю нового открытия автомобильного салона в нашем городе. Ни имени, ни фамилии от засыпающей на тот момент подруги не узнала, да и в телефон к ней не смогла залезть.

Вроде бы чужая собственность и чужие личные границы, которые не стоит переходить даже мне.

— Уа, — зевая, потягиваясь ладонями кверху, спящая на ходу Дианка брякнулась за стол. Как говорится: вспомнишь солнце — вот и лучик. — Сколько сейчас времени?

— Двенадцатый час пошёл, — отвечаю ей, ставя перед её сонной моськой тарелку с блинчиками. — Все остальное в холодильнике.

И возвращаюсь к плите. Последний блинчик выдается на удивлении тоненьким и воздушным, румяным. Аккуратненько сместив его на гору таких же ажурных блинчиков, выключила конфорку. Быстро управилась, если не считать во внимание то, что до этого сидела в пустой комнате, разглядывая фонарный столб на улице.

— Кстати, где мой телефон? — приплыли, лучшая подруга позабыла о своем смартфоне, что находился у нее в сумочке.

Уйдя на поиски в нашу с ней комнату, минуток через две возвращается со своим аппаратом связи. Никуда без него не идет. Даже в туалет, мало ли произойдут в

общественном месте новости, достойные звания «Лучший журналист месяца», надо будет все заснять и расписать до мельчайших потребностях.

— Ту-ту-ту, — напеваю незамысловатую песенку, включая кухонный телевизор. Сделав звук побольше, чтоб было слышно те же самые новости от знаменитых звезд, поспешила за стол.

— Уважаемая Диана... ты-ты-ты, — хорошо вчитывается в текст на экране смартфона, — примите, пожалуйста... Цветы?

Рывком соскочив со стула, подойдя к окну, подруга внимательно разглядывала то, что невидимо для моих глаз. Ее эмоции менялись каждый миг: вот она хмурится, тяжело дыша, вот она удивленно машет ресницами.

— Варь, — зовут меня, — ты можешь спуститься за меня во-о-он к той машине и забрать у симпатичного паренька подарок?

Подхожу к окну, стараюсь увидеть того самого мальченка у незнакомой мне машины. Ах, вон он стоит, прямо на выезде из нашей улицы. Что-то мне подсказывает идти просто так туда не следует, захвачу собой кухонный молоток отбивания. Мало-ли накинется со смаченной в хлороформе тряпкой, будет хороший шанс отбиться сломав несколько пальцев.

— И от кого это может быть? — иду в коридор.

— Пока не увижу записку — не узнаю. — рычит она, тыкая по телефону. — К тому же номер, с которого отправили это сообщение неизвестен.

Только вчера плакала гремучими слезами, а сейчас ведет себя как ни в чем не бывало. Дуреха, мало ей вчера было, хочет сейчас испытать не словимый оргазм от «поклонников».

Иду на улицу. Вдыхая свежий аромат весеннего денька, ощущая теплые лучи на макушке, прожигаящий с пятого этажа взор Дианкиных глаз, спокойным размеренным шагом добралась до ребенка. Подросток, ему от силы семнадцать-восемнадцать исполнилось, — стараясь не так уж сильно дрожать от прохладного ветерка, завидев меня, поинтересовался:

— Вы Диана Савельева? — смотрит на прикрепленную к планшету бумажке, выискивая нужный заказ.

— Я ее подруга, — спокойно отвечаю, — закидывая за ухо выпавшие пряди волос.

Понимающе кивнув, мальчишка поспешил к машине. Среднего размера автомобиль неприятно скрипел под щелчок открывающегося капота. Мне не дано увидеть все спрятанное за стенками железа на колесах, но вот сладкий аромат... Чувствую себя феей цветов, слышу каждый аромат, что исходил от запрятанных букетов.

— Держите. — вытащив среднюю по размерам корзинку разноцветных гербер, мальчишка не собирался уезжать. Он поинтересовался о моём имени и фамилии. — От этого человека есть ещё один заказ на этот адрес, но уже к Ильиной Варваре.

— Это... я. — отвечаю с запинкой, насторожившись от вышеупомянутых фраз. Стало как-то не по себе после такого, честно. — Простите, а вы не можете мне сказать, кто этот ваш заказчик?

— Извините, — мне мельком улыбаются, прячась за машиной. — Но я всего лишь курьер, моя работа отвезти заказы и все.

— Ясно, — отвечаю самой себе, прикусывая нижнюю губу.

Секунд десять стою на своём месте, смотрю на проскальзывающие в круглой коробочке бело-желтые нарциссы. Из моих уст вылетает смешок, да, кому-то дарят ослепительные букет из ста одних роз, кому-то большие плюшевые мишки, даже огромную коробку с

косметикой и конфетами дарят.

А мне... букет нарциссов. Неужели я действительно высокомерная особа, которой нужно показать с другой стороны?

Отблагодарив мальчика за букеты, стыдясь своих обиженных мыслей, вернулась домой. Артём уже не спал, сидя за столом, кушая блинчики со сметаной, лицезрел что-то в своём телефоне. Фильм смотрит или сериала, может интересные гайды на его компьютерную игру.

Тихо, пока он не видит, спешу в гостиную к подоконнику. Расставив там цветы, налюбовавшись ними при свете дня, обернулась на звуки топающих пяток Дианки. Увидев подаренные букеты, её тут же не стошнило. Да, это не розы твоих бывших кавалеров, не дорожные украшения или платья, что безжалостным способом избавляешься от них после расставаний.

— Быстро находим записку и выкидываем их к праотцам. — жёстко осведомляет она, начиная обыскивать то корзинку гербер, то нарциссов.

Маленькие открытки с красивым подчерком нашлись глубоко в цветах. Пришлось повозиться дабы не испортить прекрасное грубой силой. Боясь увидеть страшную надпись «Я слежу за тобой», отдала свою в руки подруги. Что-то трудно дышать становится, хочется прилечь и закрыть на минуту потяжелевшие глаза.

Тот, кто отправил нам эти букеты хорошо знал нас. Наши имена, фамилии, адрес проживания и сменившийся за этот длинный срок номер телефона Дианы. К тому же она не один раз меняла сим-карту, минимум три-четыре раза, избавляясь от приставучих поклонников. Да и я два раза меняла, боясь быть вычисленной хакерами.

Бурная молодость, боялась всего и вся, придумывая в своей беременной голове различные глупые страхи. Спасибо бабушка помогала в такие моменты, давая дельные секреты и настоящую поддержку.

— Что там? — интересуюсь, поджимая к сердцу ладони. Становится очень страшно.

— В цветных ромашках была надпись: «Был рад повидать подругу», а в нарциссах: «Я скучал»... Не понял, кто скучал?

Сама не знаю, мысленно произношу, чувствуя нарастающий комок тошноты. Стало невероятно трудно дышать, сердце бьёт невыносимо сильно для организма. Стоит подняться на этаж выше к соседке, у той есть аппарат от давления, может померит за ту же шоколадку для маленького внука.

— Так я не поняла, кто скучал то?!

— Мам, я гулять! — хлопок входной двери и подростка след остыл.

— Удачи... — произношу прояснившейся пустоте, чувствуя подавленное состояние.

Пока Дианка сидела в гостиной за просмотром турецких сериалов, я, бросив попытку не вторгаться в чужую обитель, перерыла комнату влажной тряпкой и пылесосом. Расставленные по хотению вещи остались на своих местах, мне было стыдно их брать и перекладывать туда, куда хотелось переложить изначально.

Такая мелочь могла разразить целый скандал между мной и сыном, который мог ранить всего на просто подростковыми высказываниями, в форме: «Не суйся туда, куда не просят!» либо: «Не смей трогать мои вещи!». Я это проходила со своими родителями, когда те могли без разрешения перерыть мои вещи и найти в них то, что могло показаться верхом моего скверного поведения.

Ах, до сих пор помню те неприятные моменты: мама сидит за столом, я напротив, отец, решающий меня за найденные шпаргалки, тройку по русскому языку или замечание в дневнике от классного руководителя за обычный смешок на уроке. За такие косяки следовали серьёзные наказания: сидеть часами и решать все задания школьного учебника — не важно какого предмета, — лишение карманных денег...

Слава богу, когда у меня наступали каникулы, я могла поехать к бабушке и делать все, что хочется юному ребёнку. Даже гулять допоздна.

— Так, — оглядываю комнату по углам, — вроде бы чистенько.

Ухожу с тяжёлым грузом на сердце, боясь быть отруганной собственным сыном за уборку. Сам он этого делать не хочет, а жить словно поросёнок никому не по душе. Хотя бы полы чистые и полки с компьютерным столом, остальное сам сделать — не пять лет.

— Вот козёл, — иду в сторону всхлипов, — бросил беременную, уйдя к любовнице.

И как ей нравится такое смотреть? Различные любовницы, любовь и ненависть, страдание двух или больше героев переднего и заднего плана. Не удивлюсь, если они там пишут «основано на реальных событиях», добавляя некую отрешённость в романтике.

Звук включённого телевизора прекратился. Выключив недосмотренных серию, бросив в сторону перекоцанный от таких подбрасываний пульт, Дианка громко процедила:

— Не буду больше такое смотреть! Главная героиня в конце умрёт, а лишившийся отца сын будет мстить ему...

— Так ты же его смотрела. — замечаю, подходя к ней.

Поговорить толком не удалось. По всей квартире заиграла мелодия со звонка на мой номер телефона. После нескольких действий со стороны незнакомой личности — сюда можно вписать вчерашнего ночного гостя, что помог Диане уехать с места происшествия, — очень страшно лицезреть незнакомые номера, письма с левых электронных почт, подарков в виде цветов.

— На, — лицо подруги стало более холодным и беспристрастным, — твоя мать звонит.

Ох, она словно чувствует, когда вспоминаю о ней и об отце в добром или злом ключе. Начинают резко названивать по несколько раз каждые пять минут — им даже не важно, на совещании нахожусь или в душе, — требуя принять вызов. У них нет никаких добрых слов по отношению ко мне, все разговоры, которые осуществлялись на мой телефон, были: о моей старшей сестре и её детях, о моём невоспитанном сыне, о взятии бессрочного долга на

крупную сумму. И это только цветочки с их стороны.

Хватаю в руки бренчащий второй раз за эту минуту телефон. Если же моя эгоистичность не взяла звонок с первого раза, то нужно понять взрослой головой о моих внеплановых делах на выходных. Может я вышла в магазин, а средство для общения осталось на зарядке дома.

Нет, у них такого не будет. Наоборот начнут ругаться, стоит нажать на зелёную трубку и ответить:

— Алло, — нажимаю на динамик, делая звук ещё громче, и кладу телефон рядом собой.

— Я, разумеется, знала о твоей нелюбви к нам, но могла, хотя бы для приличия, ответить на мамин звонок! — слышится с той стороны трубки негодование от взрослой женщины.

— Так я же ответила, — прикладываю к губам указательный палец, прося подругу сидеть тихо. Зная её она может с первой секунды наговорить им гадостей.

Тяжкий вздох, непонятный бормотание, в котором можно было различить некоторые слова, касающихся моего неправильного воспитания, просьба к сидящему на любимом кресле отцу последить за маленьким Коленькой — младшим племянником, третьим сыном моей сестры.

— Да-да, возьмите с любимым дедушкой машинки и идите погуляйте на детской площадке. Только не забудь протереть ему антибактериальными салфетками ладошки. Мало ли у других детей какая-нибудь кожная болезнь есть. — от этого сладко-приторного щебетания уши сворачиваются в трубочку. Хочется взять и нажать отбой, закинув все её с отцом номера в чёрный список. — Так, о чем это я? Ах, да... Я хотела позвонить Артёму и обсудить с ним его каникулы, которые хотел провести с нами, но у него как всегда телефон вне зоны действия сети... Господи, что за не воспитанный ребёнок...

Этот невоспитанный ребёнок закинул твой номер в чёрный список ещё два года назад, когда все летние каникулы провёл даже не на даче за грядками, а в четырёх стенах маленькой комнаты с подсунутыми детьми сестры.

Отец решил воспитать из него будущего кадета, надеясь отдать того в военное училище. Постоянно заставлял вставать того рано утром для разминки в пять кругов вокруг дома, отжиманий на одной руке, подтягиваний на турнике детской площадки.

После этого, запыхавшийся и больно уставший от тяжёлой нагрузки ребёнок валился с ног. Слава богу мы с Дианой раньше времени приехали за ним и увидели серьёзную для скандалов картину: напоминавший зомби Артём выслушивал от моей мамы нотации по поводу своих младших братьев, умудрившихся достать его рюкзак с одеждой и ту перерезать большими кухонными ножницами.

Для меня это было цветочками, ведь вещи можно приобрести в любом магазине одежды. Но не изрисованный красками и фломастерами паспорт! Я тогда взорвалась, высказалась матери насчёт этого инцидента все, что держала в голове.

После этого несколько месяцев не общалась, видеть не хотела и слышать в сторону собственного ребёнка высказывания насчёт его воспитания. А я между прочим, воспитала сына более достойно, чем они нас.

Ведь я не просто так начала прятаться от их гнёта на улице, гуляя со старшеклассниками.

— В общем, передай Артёму, если он поедет к нам, то...

— Он не сможет поехать, — обрываю маму на окончании предложения. — Эти

каникулы он занят подготовкой к экзамену по английскому языку.

Смотрю на экран телефона. Прошло пять минут с начала разговора, никаких тёплых отношений по отношению к младшей дочери уже быть не должно. Улегшись рядом, Диана коснулась моего правого плеча в знак своей поддержки.

— Спасибо... — произношу очень тихо, чтоб ничтобэтого не слышал.

Время идёт, мама молчит. Думает, что же такого сказать младшей дочери для сбрасывания трубки. Делай это как можно быстрее, мне ещё думать: стоит ли ехать в другой город на вечер встречи бывших выпускников нашей школы или остаться дома с книжкой в руках. Дианка по-любому уедет покорять внимание, ставя бывших врагов на место колкими фразами, а вот я... стоит подумать.

Для такого случая мне предстоит поговорить с сыном на эту тему. Оставлять дома одного пока страшновато — квартира у нас одна, множество гостей из друзей и подруг не выдержит. Это я так намекаю на скрытые планы по подростковым вечеринкам.

Была одна — пять лет назад, — хватит с этого. В то время детей можно было завлечь вкусным тортом и детский шампанским, сейчас же такой фокус не прокатит. Настоящий алкоголь, припрятанные в чьих то карманах презервативы...

Нет, не стоит повторять мою судьбу. Пускай ходит девственником до своего восемнадцатилетия. А может и до двадцатилетия, до самой свадьбы.

— Так он не приедет к нам, да? — такой вопрос меня вгоняет в тупик. Вернее интонация, которой произнесли сие фразу. — Что-ж, ладно. Все равно у нас в квартире ремонт намечился, спальных мест немного поубавилось...

И сбросила эту чёртову трубку! Как же она меня разозлила этими словами, выживших весь воздух из лёгких. Вот оно что, хотели поиметь бесплатную рабочую силу, что будет перетаскивать мебель из комнаты в комнату, клеить обои и спать где-нибудь на раскладушке или ещё хуже — на постеленном матрасике.

Ладно, как мама собственного ребёнка, я могла выдать ему на его банковскую карточку деньги и снять комнату в общежитии, где мог спокойно находиться и не слышать упрёки, касающиеся даже его внешности. Но зная свою собственную семью, те обязательно выставят счёт за продукты, которыми они его кормили.

Нет. Однозначно нет. Никаких поездок, никаких разговоров с ним на эти темы, лучше дома будет или поедет вместе со мной покорять просторы незнакомого города.

— Как они ещё не требовали с тебя компенсацию за твоё же рождение? — поджимает губы подруга, переваривая все услышанное вместе со мной.

Ответ — не знаю. Мне не известно, какие мысли в тех старческих головушках витают, обхватывая все грехи семьи. Да, я не сахар, не выросла так, как они хотели. И вместо того, чтобы спокойно сесть и обговорить все прошлые обиды, они нацепили на меня клеймо «кукушки», выставили позором рода.

Да и плевать на это хотела. Все же тридцать лет, не шестнадцать. Дуться и плакать за обиду на собственных родителей не стану.

Вот только они... могут...

Суббота прошла в медленном темпе вальса. После разговора с мамой, я, опустошая чашку за чашкой чая, поедая по инерции до готовившиеся блинчики с печенью, оставшееся печенье — что иссохло за длительный период нахождения на полке, — купленные Дианкой эклеры с заварным кремом, ждала того самого момента...

Серьёзного разговора с сыном. Артём не любил такие моменты, ему сразу становилось не комфортно. Такому как он хочется закрыться от внешнего серьёзного мира обычными наушниками, вставленных в разъём телефона. В принципе не только он так делает, я каждый раз, проходя мимо школьников на работу, вижу, как большая часть повзрослевших детей идут с воткнутыми бананами в ушах.

И это у них считается нормой, которую стараюсь принять вот уже несколько лет.

— Я дома. — звук закрывающейся двери вывел из раздумий.

Встав с насиженного места, ойкнул от неприятных покалываний в районе икр, поспешила на встречу к уставшему ребёнку. Время десять, он спокойно мог погулять с друзьями до одиннадцати: сходить в любимый геймерский клуб, кафе, кино.

Вот только истерзанный вид меня смущает. Испачканные в грязи кроссовки, порванные на одном коленке штаны. Ссадины тоже имеются: разодранные костяшки правой ладони, разбитая нижняя губа.

От испуга жалобно вскрикиваю. Ох, вновь налетел на штану из соседских дворов, решил показать всю свою крутость перед понравившейся девочкой, не позволил грабителям украсть деньги с кассы магазина?

Каждая глупая мысль, удерживающая меня от горьких слез и нападок на сына не дают сотворить непоправимый вред. Хочется ударить по лбу, встряхнуть за плечи и крикнуть о плохом поведении с его стороны... Да только руки становятся ватными, холодными от проступившего холода.

Глупый, такой же как и он: лезет в драки, получает хороших подзатыльников, а я, видя все это, захлебывалась в слезах. Истерила, рыдала, выворачивала от долгих завываний желудок.

Вот и сейчас точно так же. Слезы постепенно набегают на глаза, быстро стряхнув их тыльной стороной ладони, побежала в гостиную за коробкой с медикаментами. Надеюсь после прошлых драк остались перекись с ватными шариками, иначе в гроб закатаю!

Буду плакать, винить себя за необдуманный шаг, но закопаю.

За несколько минут моего замешательства, сняв с себя всю верхнюю одежду, Артём ушёл к себе. По тяжкому болезненному стону можно понять одно: дрался применяя запретные приёмы с бокса.

Ух, паразит маленький, доведёт меня одну до белого каления, оставит на десерт убежавшей на запланированный маникюр в салон красоты. Придёт, увидит и как раскричится благим матом, обманывая всех будущих присутствующих о былых временах, когда она ходила в школу и получала одни пятёрки.

— Мам, — гневно восклицают на моё вторжение. — Уйди, я сам разберусь!

С чем это он разберётся? С еле двигающимся правым кулаком или с огромным разодранным участком на коленке? Пускай не расстраивает материнское сердце, иначе точно помру раньше срока с такими то вот проблемами.

— Мам... — не обращаю на него внимание, кладя рядом на кровать обычную обувную коробку с лекарствами.

Отбросив крышку в сторону, неуклюже порывшись среди огромного количества обезболивающих и жаропонижающих таблеток, нашла запрятанный пакетик ватных шариков. Порывшись ещё, нахожу бутылек перекиси водорода.

— Мам! — третье предупреждение и из моей хватки попытались вырвать найденное сокровище.

— Ну-ка тихо! — в первые за долго время повышаю на него тон, надеясь быть услышанной. — Не смотря на твой запрет, я все равно бы пришла к тебе в комнату для разговора.

Открываю колпачок и, не жалея жидкости, лью прямо на колено. Надо мной очень громко засвистели, пытались выкрикнуть блаженное русское матерное — в литературе его не считают таковым, — слово на «С», Артём, ощутив второй раз перекись, уткнулся лицом в подушку. Там, не жалея всех своих нервов, выругался. Даже английский задел, пару раз выкрикнул иностранные словечки: «бич», «фак».

Перевод знаю, ругаться за такое излишне. Пускай на иностранном говорит, может подтянет свой разговорный для поступления в колледж нашего города.

— Все хорошо, — стараюсь успокоить и не стошнить одновременно.

Пролила перекись на ободранное место, увидела бурлящее алое шипение, что оседало мелкими грязными каплями, стекающих вниз на мои ноги. Мне до сих пор не привычно видеть кровь, особенно от собственного ребёнка — любителя уличных потасовок.

Втянув побольше воздуха, забыв как надо дышать, пролила ещё немного. Стараясь аккуратно протирать ободранный участок, вытирая след от попавшей внутрь грязь, медленно считала до десяти. Благодаря такому счету мой организм успокаивается и мозг начинает здраво мыслить.

— Мне бабушка Лера звонила. — успокоив свой пыл, Артём решил начать разговор со своей темы. — Видел через оповещение чёрного списка два пропущенных от неё.

— Мне тоже. — закончив с коленом — не забыв сделать компрессор из ранозаживляющей мази, — обмотала все это дело вытащенным из коробки бинтом. Да, все же хорошо иметь дома все подряд. Глядишь пригодится, как сейчас. — Звонила с вопросом: когда ты к ним приедешь на каникулы... помогать с ремонтом.

Ещё одно шипение — на сей раз от залитых перекисью костяшек, — и мне неожиданно прилетает:

— Они вечно говорят об отце. — в его голосе слышится скрытая временем печаль и обида. — Говорят о тебе, как ты забеременела мной в свои пятнадцать лет...

— И что? — поджимаю губы, чувствуя нарастающую злобу от услышанного. А я ведь даже не догадывалась о таких разговорах. — Сынок, если они в тех разговорах затрагивают меня, тебя и твоего биологического отца, то не принимай все близко к сердцу.

Через пару минут добавляю:

— Тем более бить лица хуком.

М-да, не ожидала такого от собственных родителей. Разговаривать о сложившейся жизни в таком ключе, стараясь задеть грубыми словами подростковую душевную психику, при этом ведя себя как ни в чем не бывало. Что же они о старшей сестре такого не говорят? Как она вышла замуж в свои двадцать лет за мужчину, который ни во что её не ставил и родила от него первого ребёнка. Или, раз на то пошло, вспомним бедного второго зятя, от

которого она родила ещё двух деток, сбежавшего из семьи благодаря маминым упрёком.

«Он очень мало зарабатывал!» — каждый раз проговаривала данную фразу мама, от которой пользы мало. Савелий хорошо зарабатывал для своей семьи — приносил домой по пятьдесят тысяч в месяц, от которых оставались копейки на продукты в дом. Конечно, надо семье помогать, приобретать лекарства, которые выписывают совершенно бесплатно...

Фу, противно вспоминать их семейные дела. Аж тошнотворный комок к горлу прилип, прицепился словно коллочка обыкновенная своими иглами, держит от застывших на глазах слез. Замкнутый круг какой-то.

— Мам, — закончив с обработкой, убрав все обратно в коробку — кроме мусора, — подняла голову кверху. Карий взгляд моего маленького оленёнка изменился, стал тусклым, затуманенным. — Это правда то, что мой отец являлся бандитом, с которым ты спала ради денег?

— Что?

Мой голос осип до мышинного писка. Хлопаю словно маленькая девочка глазами, думаю, кто же мог такое ляпнуть моему сыну и кому придётся жить всю оставшуюся жизнь под землёй с соседями в виде червей. Думать и гадать о такой взбесившей, казалось бы, мелочи не нужно. Ответ и так стоит на поверхности ледяного айсберга.

Мама. Отец такой ерундой страдать не будет, он человек военный, для него проще заставить человека отжиматься энное количество раз или пробежать километры с портфелем кирпичей на спине. Трепать языком и придумывать разные гадкие теории, слухи достаются родной бабушке Артёма.

— Милый, — аккуратно, боясь ещё сильнее навредить, обхватываю его руки в свои, — послушай меня внимательно. Твой папа не является бандитом или кем-то ещё. В то время, когда ты был маленьким эмбриончиком, жившим под моим сердцем, человек, которого любила, учился вместе со мной в одной школе. И поэтому не слушай старческие бредни, плюй с высокой колокольни на все это и живи спокойно. Хорошо?

Он медленно кивает, обдумывая все мои слова. Надо же, какая я была далёким человеком, раз не смогла узнать о таком раньше. Бандит... то же мне, лягнули непристойную глупость.

— Тем более, — встаю с пола, подсаживаясь ближе к ребёнку на кровать, — это моя вина в том, что ты растешь без родного папы. Боясь быть отправленной собственными родителями на аборт, я уехала, порвав все бывшие связи. Даже с твоим папой.

Этот разговор прошёл гораздо мягче, чем я представляла себе, заедая стресс сладким и чаем. Такое время могло прийти гораздо позже и тогда не было бы известно: выслушал бы Артём тогда, не разозлился иди накричал бы за то, что оставила его без родного отца. Я же все время ему врала о нём, заставляя верить в капитана дальнего плавания или космонавта, улетевшего покорять на Луну.

Одно точно я не скажу никогда и ни за что. И это о той самой стреляющей прямо в сердце школьной трагедии, из-за которой мне по настоящему пришлось бросить все и уехать из города, оставив прошлую себя среди огромного столпотворения.

— Тебе придётся брать отгул на работе, — листая модный журнал с великолепными вечерними платьями, Диана отхлебнула горячую кружку кофе. — Ведь вечер выпускников состоится в эту пятницу, а нам ещё предстоит добраться до той местности, где решились собраться практически все.

— Кого-то не будет? — интересуюсь, разглядывая свой телефон.

Не смотря на обеденное время, в любое время может позвонить анна Алексеевна, с просьбой поторопиться с распитием кофейных напитков и поспешить к нашему главному клиенту. Тому самому, у которого должен быть смешанный викторианский стиль с лофтом.

Этот заказ весь вечер воскресенья разбивал мою голову огромной кувалдой из многочисленных писем от секретаря. Сначала была просьба сделать только одну комнату в викторианском стиле — это рабочая зона, кабинет. Далее пришло оповещение с просьбой сделать под такой стиль ванную комнату.

И я это делала. С большим трудом сидела за ноутбуком и вырисовывалась в программе то, что от нас всех требовали. Ко всей моей усталости добавился псих от ещё одного сообщения секретаря, где чёрным по белому просили видоизменить эти две комнаты в лофт.

Написать грубый ответ в адрес заказчика не могла — могли уволить или лишить данного проекта, от которого зависела дальнейшая судьба ремонта комнаты сына.

В итоге пришлось делать сразу несколько проектов, создавая нужные комнаты так, как захотелось наглой пятой точке. Вдруг заказчику захочется вернуть кошку до собаки, а тут вот вам, пожалуйста, любуйтесь четырьмя разными эскизами. И обычный лофт, и смешанный с другим стилем.

— Та кто их знает, — долистав до последней странички, захлопнув громким хлопком журнал, Диана убрала его в свою сумочку. — Ты же знаешь, я толком ни с кем там не общалась.

— Знаю, — выдыхаю, откидываясь на спинку мягкого стула. Обожаю сидеть в этом уютном кафе напротив работы, тут такое хорошее кофе или чай с десертами. Даже сейчас, смотрю на тарелку, которую украшал съеденный чизкейк и думаю — заказать ли ещё или хватит? — Кстати, как твоё заявление об уходе?

Не знаю, чем думала Диана эти несколько дней, но идти и писать заявление о групповом изнасиловании не стала. Наоборот выплакала все свои слезы, намотала сопли на кулак и решительным тоном произнесла: «Я увольняюсь!». Наступил понедельник и она, сияя белоснежной улыбкой, произнесла:

— Представляешь, пришла увольняться, а вместо того старого пса и его ведьмы в кабинете сидит тако-ой красавчик! — и таким восхищённым голосом было произнесено... — Как выяснилось это наш новый начальник.

— О нет. — смотрю на неё, вижу в ослепительно сверкающих глазах танцующих чертов. Ох не нравится мне все это, ох как не нравится. — Только не говори мне про любовь с первого взгляда.

— Ну ты и дуреха, — разлилась звонким смехом, привлекая сидевших в кофейне мужской пол. Один из них умудрился заказать нам по два десерта, сообщив через официанта:

— Таким прекрасным дамам, украсивших такой теплый солнечный день. — и

молоденький юноша поспешил удалиться. Хм, банально все. Очень приторные для нас самих десерты, кое-как слепленные из разбросанных слов комплимент. Но все равно женской душе приятно осознавать то, что на нас обращают тысячи взглядов мужчин. И один из них сидит за барной стойкой, попивает медленными глотками кофе, разговаривает с барменом одновременно косясь на нас.

— Не беспокойся, — тёплая ладонь ложится поверх моей, — я же не такая, как другие. Заигрывать ради повышения с новым начальником не собираюсь, кокетничать и смеяться над его глупыми шутками тоже.

Чувствую все эти слова перельются в настоящую романтику между рабочим персоналом и красивым боссом. Хм, не мне тут учить кому как правильно жить, создавая самую изящную судьбу из судеб. У подруги своя голова на плечах, имея способность разглядывать произошедшую ситуацию с разных углов, смело идёт в бой, вооружаясь несколькими многоходовочками.

Шахматная королева отдыхает в сторонке, здесь её власть абсолютно бессильна. — В общем не волнуйся, — заверяет подруга, вставая с места и поправляя на себе приталенное бежевое платье. — Буду дома ровно к шести, по дороге захвачу нам всем коробку пиццы с салями.

Обед закончился, пора уходить по своим рабочим местам, безотрывно пялясь в экран монитора, сменяясь со всем рабочим планом. Оплатив заказ, не забыв оставить официанту, чаевые, поспешила вместе с Дианой покинуть это, не зная почему, душное место.

Все эти пошлые взгляды на наши виднеющиеся из под платьев колени и выпирающие части тела — грудь и попа, — не давали спокойно выйти. Кто-то присвистнул, кто-то постарался коснуться моего локтя, стараясь приблизиться и поговорить «по душам».

В одночасье милое и уютное домашним стилем кафе превратилось в бордель. Даже сидящие по уголкам парочки не смогли разукрасить посеревшее место радужными красками.

— Ладно, родная, — остановившись возле пешеходного перехода, дождавшись красный свет, Дианка поспешила к себе на работу. — Если что-то случится напишу!

— Хорошо. — махаю в её спину ладонью, разворачиваясь на девяносто градусов.

Шагая по потрескавшейся временем дорожке, сворачивая за угол, добралась до своей любимой работы. Сидевший в будке охранник ловко пропустил меня через закрытую магнитным замком калитку, сквозь которую должны приходиться и уходить все работники.

Поблагодарив наклоном головы, добралась до открытого чёрного входа. Забравшись по трём ступенькам, отворив для себя тяжёлую железную дверь, юркнула внутрь.

— Павлуш, — подхожу к стойке с нашим молодым охранником. — как у тебя дела?

На самом деле вместо пришедшего только что с техникума мальчика должна была быть пожилая женщина вахтерша, которая подавала всем нам пришедшим ключи от кабинетов из припрятанного за картиной с натюрмортом ящичке. Но бедная Алевтина Ивановна ушла на пенсию, уступив место своему внуку — Павлу.

Хорошо упитанный парнишка умело выполнял свою работу. Постоянно сидел на своём месте, записывал в огромную тетрадь пришедших к нам клиентов. Ничего плохого о нём не могу сказать, с ним даже Артемка порой сидит в комок разговаривает, слушая различные истории с учёбы.

— Все хорошо, Варвара Григорьевна. — он тут же заливается небольшим румянцем. — Сижу, выполняю свою работу.

— Какой ты молодец, — не знаю почему, но мне так хочется потискать его за такие

пышные щёчки. Может это из-за того, что у маленького Темы такие же были? — Пропустишь меня?

Лифты были перегорожены двумя турникетами. В ту сторону невозможно было пройти без пропуска или обычной просьбы, с той же стороны, когда хочешь вернуться домой, ты просто пробегаешь через железную палку и бежишь на свой автобус.

Щелчок и до этого красная стрелочка загорелась зелёным. Отблагодарив Павла обычным «спасибо», ринулась к открывшемуся лифту. Оттуда столько народа вышло, столько работников с разных этажей. И всем куда-то нужно бежать, разнося огромные папки с документацией по кабинетам.

Дождавшись выхода людей, чуть-чуть замявшись, зашла в освещённое пространство. Отвернувшись от огромного зеркала — не люблю взирать на себя, — подождав, когда внутрь протиснутся большее количество людей, чем нужно, нажала на кнопку своего этажа.

Уф, в следующий раз буду подниматься по ступенькам. Там хоть не слышится запах пота и носков от стоявших рядом мужчин, обильно политых духами молоденьких девушек. Стараясь держаться на максимум, задержав собственное дыхание, дождалась того, когда двери лифта отворятся и я выбегу оттуда сломя голову.

— Ой, — от испуга отшатываюсь назад, предо мной явилась перепуганная до жути Анна Алексеевна.

— Варя, это кошмар какой-то! — она не сдерживает свои эмоции, рыдает прямо возле лифтов. — Это конец.

— Что случилось? — перехватив её под локоток, увела в сторону бытовой кухни. Там нас никто не должен услышать из чужих глаз.

— Помнишь того самого заказчика, который нервы нам трепал с двумя разными стилями? — на этот вопрос решительно киваю. — Он сегодня прибыл к нам на обеде вместе с той самой помощницей, которая и заставила нас дрожать от всех эмоций эти несколько дней подряд. И знаешь что...

— Что? — мои руки начинают медленно хладеть от всей информации.

— Муженёк им показал все твои отправленные работы, — девушка стала всхлипывать от нарастающей истерики. Метнувшись к кулеру, налив оттуда прохладной воды, подала прямо в дрожащие руки. — И знаешь что? Тот самый заказчик, гневно глянув на свою ассистентку, одним лишь словом заставил дрожать нас всех... И это слово касалось перепуганной до дрожи под кожей девахы, сбегавшей из кабинета директора, а нас же попросил спровадить его в твой кабинет.

Ничего не понятно, но очень интересно. Прибывший заказчик является самым злющим из всех заказчиков, которые были даже на моей практике. Если от одного только слова его же ассистента сбегала сверкая пятками, то стоит держаться, держаться и ещё раз держаться, не показывая ему асе свои слабости и ломающийся в некоторых местах стержень.

— Он у меня? — больше утверждаю, чем спрашиваю, наливая для себя пластиковый стаканчик воды.

— Да. — кивает Анна Алексеевна, шмыгая носом. — Сидит ждёт тебя, заставляя всех нас нервничать.

Работа есть работа. Иду к своему главному палачу — клиенту, — пропуская удар за ударом ослабевшего сердца, павшего прямо в опустевший желудок. Вроде бы плотно покушала дома, плюс в кафе перекусила, а такое неприятное чувство, словно все внутренние органы превратятся в тугой узел.

Возле моего кабинета сидит не молодая, в моём возрасте, женщина. Удерживая в одной руке огромную папку с документами, по верх них раскрытый расписанный разными чернилами блокнот, девушка с кем-то разговаривала через спрятанный под блондинистыми волосами наушник.

Прохожу мимо неё, цепляюсь за её уставшее лицо. Бедная, работает не покладая рук, ей бы чашку кофе кто-нибудь подал с печеньем. Иначе загнётся как молоденькое деревце, не познавшее тёплых лучей.

Взираю на дверь рабочего кабинета, вижу табличку со своим именем и фамилией. Думаю, развернуться ли сейчас и сбежать от всех преследующих меня проблем либо же столкнуться с ними, проявляя всю стойкость во всей красе.

Выбираю второй вариант. Ловко дернув за ручку, открыв для себя проход в освещенный светом кабинет, прохожу внутрь.

Самые первые мысли увидев того самого спасителя подруги — бежать точно также, как и в ту самую ночь. Скинуть туфли, бросить их прямо в привлекательное лицо и бежать без оглядки до лифта, до коморки, где сидел и кушал вкусные бабушкины пирожки с картошкой наш охранник Павел.

Мои ноги пригвоздились к полу, удерживая на лице свою профессионально-рабочую улыбку, разглядывая, казалось бы, знакомые самим временем черты мужского лица, кое-как заставила себя говорить:

— Добрый день, — отвечаю, стараясь перебирать деревянными ногами к своему рабочему месту.

Какое облегчение испытало тело, упавшее в рабочее кресло мертвым грузом. Я словно живой труп: хожу, живу, двигаюсь к поставленным целям вперёд, испытывая внутри меня пустоту. Словно душу вырвали с корнем, отдав на съедение самому дьяволу. И такие чувства прояснились только сейчас.

Компьютер находился в ждущем режиме. Быстренько клацнув по пробелу, заставив монитор засиять поставленной на фон рабочего стола картинкой, вернулась к мужчине. Что-то было в нём знакомое: спрятанные под темно-синим пиджаком крепкие плечи, изучающий мою женскую натуру темно-карий взгляд, родинка ближе к правому уху.

У Артёма точно такая же родинка на том самом месте. Это он получил от...
Него.

Громкий выстрел с осознанием всего происходящего врывается в мою глупую голову, заставляя ощутить все отрицательные чувства. Боль, унижение, предательство, обида на всех близких и дорогих мне людей превратились в устрашающие цепи, ринувшихся ко мне обжигаящим кожу холодом.

Я так и чувствую это все: сковывание рук и ног, придавливание к спинке кресла шеи. Становится очень трудно дышать, хочется сглотнуть, проглотить накопившуюся вязкую слюну, что раздражала все сильнее и сильнее.

Так, глубокий вдох, выдох. Вдох. Выдох. Перед тем, как забить саму себя в мышинный угол стоит проверить саму информацию. Действительно этот мужчина является тем, о ком могла подумать или это совершенно незнакомый человек, заказчик, прибывший сюда ради своего «выполненного» заказа.

— Простите, — держась на последних силах, решаю поинтересоваться, — мы с вами раньше нигде не пересекались?

Пристально изучающий взгляд сменился на более тёплый с нотками маленькой грусти. На меня смотрели так, как будто я главная героиня любовного фильма или сериала: только выйди на светское мероприятие и тот, кто уготован тебе судьбой, будет восхищённо наблюдать за твоей притягательно-завораживающей красотой.

— Да, — спокойный тон мужчины заставляет вздрогнуть, — мы пересекались с вами раньше. Скажите, вы не учились в школе... Назвав полное название учебного заведения, с которого ушла под строгим надзором бывших преподавателей, слегка поежилась. Ничего не отвечая, сжимая до болезненных ощущений от ногтей ладони в кулаки, прикусывая внутреннюю щек, медленно кивнула.

Да кто же он такой, черт возьми?! Пускай не травит душу жестокими догадками, глупой

интуицией, которая толком не может разобраться: что, где и как. Ах, зла не хватает от всей развёрнутой картины в целом, хочется бросить работу, пойти под тёплые струйки душа в собственной квартире.

— Да, — спокойный тон мужчины заставляет вздрогнуть, — мы пересекались с вами раньше. Скажите, вы не учились в школе...

Назвав полное название учебного заведения, с которого ушла под строгим надзором бывших преподавателей, слегка поежилась. Ничего не отвечая, сжимая до болезненных ощущений от ногтей ладони в кулаки, прикусывая внутреннюю щек, медленно кивнула.

Да кто же он такой, черт возьми?! Пускай не травит душу жестокими догадками, глупой интуицией, которая толком не может разобраться: что, где и как. Ах, зла не хватает от всей развёрнутой картины в целом, хочется бросить работу, пойти под тёплые струйки душа в собственной квартире.

— Училась, — отвечаю с опаской в голосе, пытаюсь найти под столом ту самую мелкую кнопку вызова охраны.

Словесная перепалка из двусмысленных фраз прервалась влетевшей девушкой, что сидела до этого времени в холле с блокнотов в руках. Увидев своего нанимателя, ассистентка тут же затараторила о срочных проблемах, касающихся нового бизнеса.

— Даниил Игоревич, — девушка продолжала говорить, а я, не веря всему происходящему, теряла последние капли рассудка. — Звонили из нашей компании, они хотели вам передать, чтобы вы срочно вернулись... Сложилось трудности с вашим новым бизнесом... И ещё...

— Элис, — холодный тембр ЕГО голоса заставил застыть её, а меня в свою очередь остудиться от всех непрошенных мыслей.

Черт, что же мне делать с этим всем? Оставить их двоих в кабинете, а самой упорхнуть на остановку? Как раз через пятнадцать минут прибудет автобус, успею добежать до ринувшегося за моей ничтожной душой, как и в ту роковую ночь, мужчины.

— Хорошо. — не знаю о чем говорили между собой, но я прекрасно осознаю самый важный для собственной жизни момент.

Меня закрыли в клетке с волком! Господи, как же мне страшно: дурные мысли бьют набатом по моей голове, придумывая глупые идеи по спасению разбивающегося на мелкие осколки сердце. Вступи на него и один из них вопьется в нежную кожу, заставив кричать от пронзающей до мозга костей боли.

— Мне не передать словами мои чувства, которые испытываю сейчас, — этим самым подтверждаю свои догадки, испытывая на собственной шкуре вину и отвращение к самой себе.

— Я тоже. — в его голосе ощущается горечь.

Встав со своего места, Даниил, улыбнувшись краем губ, раскинул ладони на ширине плеч. Как бы подначивал, призывал мои прошлые чувства пуститься в пляс, запрыгивая к нему в объятия.

— Ну, — не зная почему, но от его открытости на моём измученном лице проскальзывает полуулыбка, — не хочешь обняться после долгого отсутствия в моей брэнной жизни? — В твоей брэнной жизни? — усмехаюсь, вставая с места.

Мамочки, что же я творю сейчас? Иду к своей бывшей школьной любви на еле гнущийся ногах, мысленно поправляю на себе не позволительно короткое платье с открытыми коленками. Чувствую воспламеняющийся от одного только вдыхания аромата его парфюма

огонёк.

Терпкий, цитрусовый отголосок сопровождался ещё в школе. Было двадцать третье февраля, каждая девчонка из класса должна была скинуться на подарки для одноклассников. Подарив тем по обычной молочной шоколадке и обложке с любимыми героями, актёрами на паспорт, другие девушки, в том числе была я, у кого были парни, пришлось тратиться вдвойне.

Родители особо не давали денег. Так, на школьную еду, спрашивая по возвращению домой: действительно ли потратила на обед или промотала с друзьями, накупив всякой гадости. Приходилось выворачиваться, аккуратно врать, заставляя маму поверить моим перекусам сухими макаронами и рыбной запеканкой.

Таким враньём, я смогла накопить около пятиста рублей, приобретя в первом попавшемся магазине дешёвые мужские духи. И это самый дешёвый подарок по сравнению с моим. Ведь в тот момент во мне зародился маленький сыночек.

По моим щекам потекли предательские слезы. Боже, я так по нему скучала все эти годы, видя в нашем сыне подрастающую копию, взявшее от Даниила абсолютно все: внешность, характер, привычки. От меня досталось только воспитание, катившееся каждый месяц в тартарары.

— Я так рада тебя видеть, — выдыхаю, отстраняясь от его тёплых объятий. Ловко отвернувшись, стирая последнюю влагу с глаз, присаживаюсь обратно на своё место. — Как ты? Что нового в твоей жизни приключилось? Видимо ты и есть тот самый заказчик со специфичным вкусом.

Он начинает посмеиваться от моей последней фразы. На его месте другой любой уважающий себя человек рассмеется, понимая всю сложность сия дела. Разумеется, у нас существуют такие тенденции, как соединение двух стилей в один, выполняя свою работу на двести, а то и больше, процентов.

Вот только тут... понравится ли Даниилу сочетание двух атмосфер: прошлого и современного, включая уникальный стиль с добавлением винтажной мебели... Для такой работы мне пришлось проштудировать разных иностранных дизайнеров, просмотреть самые лучшие работы, выбрать для самой себя идеи.

— Увы, — он присаживается на своё место, начиная пристально разглядывать немигающим взором мои пальцы. Неужели хочет увидеть то самое обручальное кольцо, которым ни разу не обзавелась? — Но это не моё решение было выбрав то, чего сам терпеть не могу. А так... отучился в школе, закончил шарагу, улетел покорять границу... Два раза женился, развёлся.

— Какая... — моя реакция на его рассказ поразительна. Даже придумать ничего не могу, то и дело закрываю рот от шокового удивления. — Бурная у тебя жизнь.

— А ты... — его вопрос перебивается звонком моего телефона.

Оборачиваюсь на кресле к подоконнику, где таилась моя сумка. Раскрыв замок, пошуршав несколько секунд, достала звенящее устройство. На дисплее высветилось имя, от которого встают волосы даже у самой строгой родительницы нашего класса. Звонил классный руководитель Артема, наша «любимая» и «уважаемая» Валентина Ивановна.

— Алло, — не гоже отвечать на звонок пред чужим человеком, но тут уже крайняя точка, с которой даже уйти в другое место не удастся.

— Алло, Анна Алексеевна, — её громкий тон слышится даже на отстранённом от уха расстоянии. — Вас беспокоит классная руководительница Артема.

— Что-то произошло с моим сыном?

Краем глаза взираю на Даниила. Он резко сменился в лице, стал холодным и отстранённым, слегка бледноватым, потерявшимся среди моего разговора с учителем сына. Явно желает услышать нечто скользкое, противное, за что можно зацепиться крюком и выловить с самой тяжёлой правдой.

Я совершаю самый настоящий грех, сидя здесь вместе с ним, слушая, как на том конце провода резко высказываются о плохом поведении подростка. Отвернувшись обратно к окну, тяжело дыша от пронзившего мои глаза света, боялась одного.

— К четырём часам жду вас возле кабинета директора, — именно этого и боялась услышать, — будем обсуждать отчисление вашего сына из нашей школы.

— Добрый день. — о нет.

— Мне нужно срочно бежать, — вскакиваю с места, собирая все свои вещи на ходу. Так, сумка, пальто...

— Стой, — перехватившие ладони легонько сжимают мои плечи. Со своими мыслями, не заметила его шагов ко мне. — Куда ты так торопишься? Давай я тебя подвезу?

— Не стоит.

Не хочу его видеть рядом с сыном, пускай он не знает о нём до поры до времени. Может Даниил и не узнаёт о ребёнке вплоть до самого конца, живя как ни в чем не бывало как и эти пятнадцать лет.

Отпрянув от мужчины так, будто моё тело ошпарили только что вскипятившемся в чайнике кипятком, ринулась к лифту, попутно набирая выученный наизусть номер такси. Назвав точные адреса моего рабочего места и самой школы, узнав для себя цену, отключилась.

Пробегавшая мимо меня Анна Алексеевна, завидев моё закрутившееся состояние поняла без малейших подсказок. Она у нас хорошая, может договориться со своим мужем, выдвинув неотработанные часы как отработанные, отпустив того или иного сотрудника по горящим делам.

Вот и тут также. Попрошавшись обычным кивком головы, метнулась на улицу, к ожидавшемуся возле главного входа на парковке такси. Средних лет мужчина с восточной внешностью, попросив пристегнуться ради соблюдения техники безопасности, аккуратно выехал на проезжую часть.

Пока едем к нужному месту набираю ищу в списках контактов Диану. Секунду погодя, найдя её и нажав на звонок, прислонила телефон к уху. За место обычных монотонных гудков воспроизводится припев иностранной песни. Мысленно подпевая, похлопывая по коленке ритм, услышала профессиональный разговор любимой шутницы.

— Ты можешь подъехать к школе? — задаю вопрос, поглядывая через дверное стекло проезжающую местность.

— Звонила училка? — интересуется, клацая по клавиатуре, печатая текст к газете или журналу. — Что на этот раз Артём натворил: сгрыз школьный мел, подсыпал в её чашку с чаем слабительное? На его месте, я бы так и сделала.

— Диана. — пресекаю такой разговор на корню. — Я не знаю, что именно случилось в школе, но она хочет добиться отчисления Артёма.

Наш с ней разговор был окончен на серьёзной ноте. Отключившись на фразе: «Буду через десять минут», я, увидев проявляющийся на горизонте длинный железный школьный забор, достала из своей сумки кошелёк. Щёлкнув магнитным замком, увидев внутри небольших карманов несколько смятых купюр, достала.

— Сдачи не нужно. — отблагодарив лишней купюрой в пятьдесят рублей за хорошую комфортную поездку, выпорхнула на улицу.

Оглядев салон на оставленные случайным образом предметы, убедившись в своих мыслях — ненароком вылетели обычные сосульки из кармана пальто, — захлопнула дверь.

Направляясь к старинному, ветхому зданию — дунь на него и все сложенные в аккуратные ряды кирпичики повалятся на землю, — проходя мимо оставленной другими школьниками грязи, добрела до входа в здание.

Услышав за собой цоканье шпилек, обернулась в сторону приехавшей на чей-то личной машине Дианы. Смотрю за её спину, замечаю огромный джип с сидящим за рулём Даниила. Ох, черт! Неужели он пустился следом, решив подбросить по пути подругу?

— Ты с кем приехала? — начинаю наезжать на подругу, видя её ошалевший взгляд.

— Ты чего, мать, — говорит, словно ничего не понимает. И да, она не понимает до поры до времени, выискивая в висящей на локте сумке телефон. — Это тот самый мужчина, что спас меня в ту пятницу.

Я не сдерживаюсь. Взрываюсь прямо посреди школьного двора, начиная резко жестикулировать свободной левой рукой.

— Это Даниил, — твержу ей ту самую неприглядную истину, — тот самый, Устинов!

Минутное осознание происходящего, постепенно формирующийся в букву «о» рот, раскрывшиеся по пять рублей глаза. Хлопая аккуратно нарощенными ресницами, поглядывая боковым зрением в сторону выходящего из машины Даниила, Диана, подхватив под локоть, поспешила спрятаться от него за стенами учебного заведения.

— Твою ж мать, — не сдерживается от порывов Диана, шагая вместе со мной к будке охраны. — Вот это мы с тобой попали. Слушай, а я ведь не узнала его даже.

— Я тоже. — сознаюсь, доставая паспорт.

Как на работе: предъяви сидящему за столом охраннику паспорт, тот запишет номер, серию и ФИО в тетрадь посещений, даст небольшую розовую бумажку с пропуском, благодаря которой пройдем через бесполезный турникет. Весь переломанный, обклеенный с внутренней стороны жевательной резинкой.

Мерзость.

— Что будем делать? — наш разговор продолжился уже в длинном, застеленным старым линолеумом, коридоре. — Ты же не рассказывала ему о пятнадцатилетнем конфузе?

— Нет. — сдержанно отвечаю, вчитываясь в поменявшиеся дверные таблички. — Зачем знать об этом человеку, что побывал в двух браках?

— Что? — не веря такой информации, подруга прыскает со смеху. — Никогда не поверю тому, что Устинов смог создать идеальную семью из Золушки-жены, пухлощеких смазливых детей и страдающего лишним весом кота.

Вот и я не верю. Как такой человек смог два раза быть под венцом, принимая клятву о жизни в бедности и богатстве, пока не помрем в один день? Хотя, зная его характер, он может сделать абсолютно все, даже на Северный полюс поехать ради обычного доказательства любви к тебе.

Все, не хочу больше думать о такой мерзости. Хватит, все в далёком прошлом. Думать и рассуждать, какие у него родились замечательные карапузы в двух браках не для меня. Пускай этим делом бабушки занимаются: сидят возле подъезда на лавочках, щёлкают семечки и говорят, какая же соседка с пятого этажа кукушка, родившая в свои пятнадцать лет ребёнка.

— Вот он, — вчитываюсь в табличку с именем директора.

Постучав по совершенно новой лакированной двери костяшкой указательного пальца, дождавшись сухого «войдите», дёрнула за круглую ручку. Зайдя вместе с Дианой в отремонтированный, видимо за собранные на собрании деньги, кабинет, оглядев всех присутствующих — сидящего за столом директора, классного руководителя Артёма, его самого и сидящего на противоположной стороне истерзанного мальчика, — удивлённым взглядом, боясь нарушить тишину, аккуратно спросила:

— Что здесь происходит?

Стоявшая подле меня Диана поспешила к крестнику. Никого не стесняясь, она, подсев на диван, перехватила побитое субботней дракой лицо ребёнка. Разглядывая распухшую с огромной ссадиной губу, правую ладонь, хмыкнула.

— Уважаемая, — менторским тоном произносит Валентина Ивановна, снимая с глазочки. — Будьте добры посидеть в холле, мы ждали только Анну Алексеевну.

Зря она начала восклицать. Диана за словом в карман не полезет, опустит человека без каких-либо крайних фраз. Надменно оглядев преподавателя русского языка и литературы, удерживая на ухоженном лице безэмоциональную маску, подруга выпустила клыкки.

— Я, уважаемая, являюсь крёстной матерью для Артёма. И, узнав об отчислении моего крестного сына, прибежала разбираться: за что, почему и с какими факторами связано ваше требование?

Моментально разболевшаяся в висках голова заставила сесть на диван к сыну. Перехватив в свои руки его ладонь, аккуратно сжав, боясь повредить побитую часть сустава, решительно посмотрела на седовласого мужчину.

Савелий Эдуардович, так звали директора учебного заведения, вытащив из внутреннего кармана пиджака платок, протёр им свой вспотевший до омерзения лоб. Не моё личное дело, но пожилому мужчине стоит сходить на осмотр к врачу. Иметь чрезмерно повышенное потоотделение негативно сказывается на здоровье самого тела.

— Раз все тут собрались, — начал было толковать свою скучную и нудную речь директор, складывая руки в замок, — тогда приступим к главной проблеме, которая затребовала явиться не только самих учеников и их классных руководителей, но и родителей.

Со стороны избитого мальчика я не наблюдала ни того, ни другого. Сидел с рассечённой левой бровью, прикрытым обычным пластырем синяком над ухом. Костяшки его пальцев точно также были разодраны, кровоточили от сильных сжимания рук в кулаки.

Театр одного актёра. Специально делает больно, заставляя других сбежаться и курлыкать словно голуби о сочувствии. Может к школьной медсестре или отпустить вовсе домой, бедный мальчик не в состоянии находиться здесь... Здесь нет виновного и не виновного, оба должны понести наказание за содеянное. — Валентина Ивановна, — классному руководителю дали право высказаться.

— Благодарю, Савелий Эдуардович, — оглядев всех присутствующих изучающим взглядом, остановившись на долю секунды на нас троих, меня с сыном и Дианой, повторила жест с очками. — Как вы уже поняли, мы собрались здесь для того, чтобы решить проблему, касающуюся безопасности учеников и самой школы.

Время тянется, только недавно было «16:05», сейчас же, если взглянуть на висевшие ближе к потолку часы, можно увидеть большую стрелку на двойке. Пришло от силы пять минут, Валентина Ивановна продолжает вести монолог о безопасности жизни других учеников от вспышек агрессии.

Здесь она затронула моего сына. Рассказывая про бесконечные драки со стороны Артёма на собственных одноклассников или бывших друзей, отказавшихся с ним дружить по одной простой причине, классная руководительница подошла к важной на мой взгляд теме.

— С субботы по воскресенье случилась ситуация, которая не осталась без внимания со стороны самой школы, — выискивая на директорском столе неизвестные всем нам бумажки, Валентина Ивановна то и дело тяжко охала и ахала от всей проблемы. — по привычным нам

правилам, мы должны были вызвать социального педагога, человека по делам несовершеннолетних, а также известить органы опеки, но мы этого не сделали, так как не хотим разводиться суету.

— Да её уже развели, — вспыхнула спичкой Диана, моментально доставая рабочий блокнот с ручкой. — Будьте так любезны, давайте перейдем к сути нашего маленького собрания, нам, как бы вам деликатно выразить, домой нужно! Вот.

В глазах руководителя загорелся невиданный нам всем ранее огонёк злобы и ненависти. От неё так и слышится на уровне подсознания слово, говорящее само за себя.

Хабалка. Женщина, отличающаяся грубостью, неуважением к другим, наглостью и вульгарностью. Такой девицей выставили Диану, которая в свою очередь не скупается на жестокие высказывания в сторону школьного преподавательского состава.

— Хорошо, — цедят сквозь зубы, возвращаясь к самой теме. — Дело в том, что весь учительский школьный состав отказывается обучать вашего сына! И это не связано с его средней успеваемостью, отражающая его способность здраво мыслить и рассуждать. Нет. Это касается его поведения внутри наших стен.

— Но, — решаюсь прервать усыпляющий всех нас монолог, — только недавно было проведено родительское собрание, на котором обсуждали проблемы каждого ребёнка. И там не было ничего такого по-поводу моего сына.

Такие проблемы нужно обсуждать вместе со школьным психологом и, как говорилось ранее, социальным педагогом, которых в этой школе не наблюдалось. Именно они должны помогать проблемным ученикам и самим родителям найти проблемную точку с самым лёгким для всех решением её избавления.

Диана чиркает ручкой у себя в блокноте, Артём сидит рядом с опущенной вниз головой. Моя поддержка никак не поможет ему сейчас, только усугубит ситуацию.

— Некоторые проблемы лучше обсуждать с глазу на глаз, — о как, резко нашли к моим словам оправдание. — Ну, если все такие занятые, то перейду сразу к острой на данный момент теме. Дело в том, что ваш сын перестал следить за своим поведением, распуская на право и налево кулаки, избивая других детей до такого состояния, отчего становится всем нам страшно за свои же жизни!

С такими словами она подходит к мальчику. Рассказывая о всей проблеме, которая прошла ещё субботним вечером, стыдливо заливаясь румянцем, спрятала руки за лежащей на коленях сумкой. Осознание бьёт холодной волной, разбиваясь об огромные камни мелкими брызгами.

Глупая, глупая я. Стоило спросить Артёма о случившемся, с кем подрался, за что, почему и как. Вместо этого, видя его безжизненное лицо, обсуждали самую серьёзную тему в нашей маленькой семье. О его родном отце, что находился на улице подле джипа.

— Вот, полюбуйтесь на оставленные синяки на нашем ученике, — показывает то, что и так видела собственными глазами. — И это все рук одного вашего сына.

Моей реакции на её громкие высказывания нет от слов «совсем» и «вовсе». Убрав с себя все мешающиеся вещи, положив пальто на подлокотник кожаного дивана, повернулась к собственному ребёнку. Молчит, сдерживает всю свою злобу в сжатых кулаках, не реагирует на мои прикосновения к зажатым плечам.

— Это правда? — тихо спрашиваю я, заглядывая в потемневшие глаза.

В кабинете ужасно тихо. Все стоят, ждут того самого ответа, благодаря которому воскликнут тройное «ура» в честь победы над такой серьёзной проблемой. Это им будет в

радость, сломав такую короткую детскую жизнь, оставив за собой пустую оболочку в виде тела.

Мне же, как матери моего сына, будет не до смеха. Всех заставлю страдать, молить о пощаде за содеянный грешными душами поступок.

— Они оскорбляли тебя, — наконец-то отвечает Артём, поднимая полный взгляд ненависти на того самого побитого ученика. — Вот он, лично он, говорил такие непристойные вещи о тебе. Как всадил бы без презерватива, заставил сосать его мелкий член. А я что, должен был терпеть это и слышать гоготания его друзей?

Сидящий мальчишка резко включился в игру. Гневно поднял голову, сверкнув злющими светло-серыми глазами, вздыбился словно дикий кот. Стоящая рядом с ним Валентина Ивановна не заметила резкого перехода с одной реакции на другую, только взмахнула плечами, поглядывая в сторону Дианы.

Закинув ногу на ногу, воссоздав в одном лишь движении сексуальный подтекст, подруга сложила руки на груди. Для меня ново видеть пожилых людей с полными ненавистью, завистью, презрением взглядами. Они что-то знают, но не говорят.

— Артём, — пора превратиться из доброй тёти в высокомерную особу, — скажи мне только честно, тебя в школе обижают?

Задаю тот самый поедающий мои нервы изнутри вопрос, обведя пристальным взглядом классного руководителя сына. По ней уже и так заметно: вздрагивает, бежит взглядом, якобы разглядывая обстановку рабочего места директора, на самого Савелия Эдуардовича.

Тот сам ничего не понимает. Смотрит то в мою сторону, протирая практически мокрым насквозь платком, то на своего же сотрудника.

— Анна Алексеевна, — обращаются ко мне, — почему вы так считаете?

Да потому что я сама училась в этой чертовой школе пятнадцать лет назад и прекрасно помню, как одна из учительниц сидя за рабочим столом на уроке любила высказаться в сторону ученика! И эта та самая женщина, что является классным руководителем моего родного сына!

До сих пор руки трясутся от её недвусмысленных фраз, от которых могли посмеяться все остальные дети. «Вот что будет, если вы, юные девушки, начнёте рано заниматься плотскими потехами» — говорила она, заставляя стыдиться собственного живота.

И это были самые первые дни моей учёбы в новой школе. Первые дни, когда у меня ещё не было видно живота, а люди, читавших мою медицинскую книжку, знали о моей сложившейся ситуации. И, чтобы проверка не обнаружила такую серьёзную оплошность со стороны учебного заведения, нужно было незаметно избавиться от неё.

А самый лучший способ — буллинг. И некоторые преподаватели, и сами ученики, издевались, прикрывая все обидные шутки задорным смехом. Ты же не расскажешь посторонним людям, попросив от следующих прямо до твоей квартиры защиту. Они сами, узнавая про беременную девчонку, которую искал «старший брат», отказывались что-либо предпринимать.

Единственное, куда они обращались — это органы опеки, где до своего совершеннолетия стояла на учёте. Бабушка, узнав о моей проблеме, тут же позвонила родителям и стала требовать их написать доверенность на себя, чтобы я могла спокойно жить у неё и не бояться проезжающих мимо машин с мигалками.

Слава богу тот кошмар в прошлом, все удачно сложилось и можно не беспокоиться. Только разобраться с новоявленной проблемой.

— Они называют меня сыном кукушки, — от таких слов Дианка перестаёт заниматься своей работой, возвращаясь к проблемам реальной жизни. — Когда у нас проводились, касающиеся защищённого полового акта в нашем возрасте, внеурочное занятие один из пацанов параллельного класса ткнул в меня пальцем и сказал: «Вот кому стоит в первую очередь предохраняться. Тому, кого самого родили в пятнадцать лет!».

— И ты молчал об этом? — воскликнула подруга, обращая внимание на всю себя. — Я, конечно, понимаю все, ты мужчина и должен решать свои проблемы сам. Но не там, где требуется помощь своей родной и крёстной матери.

Обсуждать и говорить о её правоте не имеет смысла. Мы сами были такими: скрывали от родителей свои проблемы, стараясь их решить без любого вмешательства со стороны взрослого человека. Тут складывается точно такая же ситуация, в которой есть зачинщик и его жертва.

А зачинщиком является не тот сидящий напротив нас мальчишка, и не тот, кто в самом начале учебного года решил посмеяться глупой шуткой о презервативах. Эти дети всего лишь губки, что впитывают всю грязную информацию с уст взрослого педагога!

— Это не про тебя вообще-то. — оу, кто это у нас решил проявить активность в нашем разговоре. — У нас ещё девочка учится, которую точно также родили в семнадцать лет.

— Но не её же родную мать обсуждают: в каком нижнем бельё ходит и умеет ли она устраивать оргии! — психует, хлопнув в ладоши.

Так, мне не нравится все это дело. Будь чуть по младше возрастом, то могла посмеяться на такое, заверив сына не беспокоиться по такому, казалось бы, пустяку. «Разве не хорошо иметь такую молодую маму, способная любого заткнуть за хвост?» — выразилась в таком ключе, залившись тёплым смехом.

Сейчас годы берут своё. Мне не двадцать и не двадцать пять лет, ходить кадрить мужской пол, одаривая тех улыбками с пустыми обещаниями самое последнее дело, что можно совершить в моём то возрасте.

Мерзость. Сидеть здесь и обсуждать чьё-то грязное бельё больше не имеет смысла. Задержись ещё на пару минут в бездействии с нашей стороны и вспыхнувшие с новой силой мальчишки устроят драку за сломленную честь и достоинство.

— Диан, — обращаюсь к подруге, — забери Артёма домой, я тут ненадолго задержусь.

— Я никуда не поеду. — неожиданно включается юношеский максимализм, заставляя нервно теребить ручку от сумки. — У тебя сегодня бокс, — неожиданное напоминание от Дианы про занятия заставляют поменять его мнение. — Лучше сходить грушу со всей злобы попинать, нежели калечить свою жизнь из-за малолетних преступников.

И с гордо поднятой головой, встав со своего места, не забыв поправить на себе часть платья — тем самым привлекая все мужское внимание, — поспешила вывезти Артёма с нагнетающей обстановки.

— Хабалка, — не выдержала Валентина Ивановна, отпускающая подростка из лап. Тот мигом вышел отсюда, оставив только меня, учительницу и самого директора.

Ситуация накаляется с каждой потраченной минутой. Оставшись наедине со всей отражающейся на моём ребенке проблеме, решительно попросила белый лист бумаги, пишущую ручку и образец заявления на отчислении из учебного заведения.

— Пойдите, — Савелий Эдуардович на этот момент весь взмок, вся его одежда покрылась еле различимыми влажными пятнами. — Прежде, чем забирать документы со школы, давайте все обсудим?

Рассмеяться бы такому заявленному вопросу в лицо. Раньше нужно было думать и предпринимать любые меры, касающиеся всех учеников школы, а не сидеть сложа руки за столом и щёлкать по игральными картам в экране монитора, раскладывая паука или косынку.

— Скажите мне на милость, — обращаюсь к нему, — что тут можно обсуждать? То, как

ребёнка сделали мишенью для издевательств сами учителя или то, что подобные пятнадцатилетние мальчишки обсуждают чужих матерей, размалевывая у себя в головах порно фантазии?!

Первый раз в своей жизни повышаю голос практически до крика. Раскладывая для самой себя узнанную информацию по полочкам, обговаривая все до мельчайшей подробностей не затронутые до сего дня моменты, что происходили ранее и я, боясь навредить собственному сыну, спускала все это с собственных рук, наконец-таки ткнула всех носом в проблему.

— Я не собираюсь оставлять Артёма в той школе, где имеет месту быть жестокое обращение к детям со стороны преподавательского состава.

Моё первое и последнее сказанное тут слово прежде, чем написать по поданному по образцу заявление об отчислении ребёнка со школы. Господи, какая я глупая, решив отдать собственного сына в эту самую школу. Думала: новые учителя, добродушные дети, хорошая девятилетняя учёба со средней успеваемостью.

Поставив дату, подпись, выхожу из кабинета. Обговаривать, обглаживать кости друг другу, ругаться на темы, выливающиеся в личные жизни каждого, подымать руки, устраивать сцены с дракой... Не по мне все эти разборки, проще найти компромиссное решение для двух сторон.

— Варя, — до моих ушей долетает хриловатый голос Даниила.

Стоявший возле уличной двери, удерживая между указательным и средним пальцем потушенный окурок сигареты, глядел обеспокоенным взглядом. Моё состояние после всего произошедшего оставляет желать лучшего. Например, наполненной тёплой водой ванны и бокал крепкого алкогольного напитка. Думаю не распитая до конца бутылка с вином поможет вернуть все пошатнувшиеся мысли в порядок.

— Я видел твоего сына, — сердце одним ловким движением падает вниз, — он вместе с твоей подругой на улице.

— Почему ты думаешь что это мой сын? — задаю резко вопрос, ступая через порог на улицу.

На небе скапливаются тучи, поднявшийся ветер сгребает их в одно серое пятно, вызывая мелкие капли, падающих прямо на асфальт. Заплакать бы сейчас, поднять взгляд к небу и тихо пускать слезы, обращаясь к покойной бабушке с просьбой помочь. Она, я надеюсь на это, видит все мои трудности и невзгоды, жалеет сквозь облака, посылая неосязаемую другим людям свою поддержку.

— Он лично при мне называл её тетей. — он его все-таки видел. — А теперь идём, я отвезу тебя домой.

Пришедшее на телефон сообщение от Дианы заставило успокоиться. Сидишь в тёплой машине, смотришь сквозь залитые дождём стекла на мимо проходящих людей, думаешь: куда они могли попасть за такое короткое время? Все очень просто.

«Звонил начальник, требовал вернуться в офис из-за одной дуры... насчёт мелкого не беспокойся, он под моим надзором отправился бить представляемые на грушах морды. Буду к уже восьми(» — гласило сообщение на потускневшем через несколько секунд дисплее.

Делать было нечего. Просить у Даниила отвезти к ближайшей остановке совершенно бесполезно. Устинов твердолобый. Просить, кричать, требовать от него ничего не удастся — доказано школьными отношениями, — остаётся только сидеть и ждать пришедшей на ум идеи.

— Скажи, — проявляю инициативу в ведении диалога, нервозно срывая гель-лак для ногтей. — Как так получилось, что вы встретились с Дианой?

Первым делом мне интересно: как они пересеклись, почему он приехал именно сюда после жизни в совершенно другой стране? Он мог спокойно жить, вести свой бизнес, получать огромные деньги, радоваться каждодневной тёплой погоде и купаться в море.

Ответ не заставил долго себя ждать. Завернув за угол, пропустив старенькую машину Волгу, Даня, в привычной ему спокойствии, ответил:

— Мы встретились в ресторане, куда притащили всех, кого только могли. — говорит так, будто отвык от больших компаний. — Если не её фраза — «Ясен перец», — то не узнал бы до самого конца.

С мои губ слетает смешок. Да, подруга может выразиться любимыми фразочками при уважающих себя людях. Её уже не изменить, да и мне самой нравится открытость и упрямство, благодаря которому поднялась с самого низа вверх по карьерной лестнице.

— Что у вас случилось в той школе, — резкий как по мне вопрос заставил зайти в тупик. — Твой мальчишка чуть рожу не размазал другому при нас с Дианой.

— Что? — сиплю.

Остановившись на красном свете светофора, опустивший руки с руля Даниил повернулся всем корпусом к моей персоне. Разглядывая передававшиеся сыну черты лица, карий взгляд, прикусила изнутри губу. Это самая настоящая пытка — видеть после пятнадцати лет самую первую школьную любовь, что подарила новую жизнь.

Хочу провести по идеально выбритой щеке ладонью, почувствовать похороненные за эти года чувства. Сколько до него было отношений и все они канули в лету. И все из-за того, что не могла забыть ЕГО.

Мои самые первые отношения после Даниила были в девятнадцать лет. Тогда, обучаясь на четвёртом курсе в колледже, слушая внимательно профессора, никак не могла ожидать подсевшего ко мне за парту одноклассника.

Он был относительно хорош. Блондинистые отрошенные до плеч волосы, что делали из него девчонку, светло-голубые глаза, чуть пухлые щеки, тонкие губы. Для кого-то из девушек был мечтой, а по мне этот мальчик являлся выходом из зоны комфорта.

У нас были пару свиданий, прогулки в парке, легкие поцелуйчики в щеку. Ох, как же я была рада тому, когда одна из учащихя девчонок подошла ко мне и сказала остерегаться такого.

Ведь такой, извиняюсь за мат, придурок поспорил вместе со своими друзьями на то, что такую тихоню как я затащат в кровать и сделают то, что посчитает их дурная фантазия в целом. Спасибо опытной в этом деле Дианке, помогла спастись от дурного сброда обычной горчицей.

Вторые отношения у меня не заладились с сыном знакомой бабушки. Той в тот момент не стало, все ходили темнее грозовой тучи, видя моё состояние, тётя Нюра — соседка из самого дальнего подъезда, — решила познакомить меня со своим сыном. Надеюсь на наши с ним дальнейшие отношения, из которых можно было встретить дражайший внуков, она не учла нескольких факторов.

Её более упитанный, чем Павлуша, сын больше всего походил на... слюнтяя. Вечно жаловался, ничего не мог делать, только сидеть за столом и уплетать домашние мамины голубцы или фаршированные перцы. Тётя Нюра долго бегала к нам на квартиру, требуя объясниться, почему с её сыночком так плохо обошлись, дав отворот поворот жёстким словом. Но увидев бегающего за моей спиной Артемку с игрушечной машинкой, плюнула прямо на порог свою харкоту, развернулась да пошла покорять эстраду из таких же сплетниц, как и она сама.

После таких не идеальных отношений были мужчины, с которыми можно было провести все свои года рядом, но я не принимала их. Были мимолётные интрижки, постельные сцены, но дальше я не позволяла заходить. Проще жить одной, воспитывать дальше сына и иметь при себе стабильный на данный момент заработок, нежели жить с человеком, которого даже не любишь. Как я хочу шлёпнуть его по лицу, расплакаться и закричать во все горло: «Он твой сын!», заставив того вытянуться в лице. Не могу. Не могу этого сделать из-за своих соображений. У него и так могут быть дети от двух прошедших временем браков, сын или дочка, может сразу несколько. И я, глупая дурочка с поехавшей крышей, буду тыкать в экран телефона, показывая его младшую копию.

— Все хорошо, — стараюсь проглотить вцепившийся в горло комок, — проблема, с которой столкнулся мой сын разрешена...

Только на половину. Осталось забрать документы и отнести их в другую школу, куда навряд ли примут из-за скорого окончания учебного года. Хотя, меня же саму переводили в середине зимы в другую школу. Бабушка лично при мне звонила, интересовалась, если пустые места или нет, ходила разговаривать с ушедшим на пенсию с директором.

Нужно взять отпуск за свой счёт, начав заниматься домашними проблемами. Съездить все-таки на этот самый вечер выпускников.

— Ты мне только скажи, — мы тронулись с места, — я быстро разберусь со всеми.

— Не стоит, — пытаюсь успокоить его настрой, — я сама.

Дальше мы ехали в тишине и спокойствии. Слушая разбивающихся об стекла капли дождя, монотонно моргая, не заметила как уснула. Прошло несколько мгновений пред тем как открыть глаза, разглядывая старенький панельный домик. Быстро доехали, на автобусе заняло больше тридцати минут.

— Погода оставляет желать лучшего, — заспанным голосом произношу, подтягивая ближе к себе сумку. Надо достать ключи от домофона и квартиры.

— Но оно того стоит. — не понимаю его фразу, чувствуя себя выжитым лимоном.

Откидываюсь обратно на сидение, смотрю с лобового стекла куда-то в даль, думаю: стоит ли сделать добрый жест, пригласив Даниила к себе в квартиру на чашку горячего кофе? Пока Дианки нет все прибрано и выглядит более менее чисто, даже сам туалет.

— Я пойду, — решаюсь отказаться от своей затеи с гостеприимством. — Рада была повидать тебя.

— И все? — он так наигранно удивляется, аж смешно становится. — Я думал ты пригласишь к себе домой, сделаешь собственными ручками чай или кофе. Посидим, поговорим.

— Интересно о чем это? — на моём уставшем лице проскальзывает неподдельная счастливая улыбка. — О твоих подвигах или как это угораздило тебя стать окольцованным несколько раз подряд?

Он рассмеялся. Улыбаясь на до боли знакомую обстановку, когда мы были ещё молоды и точно также шутили, смеялись, дёрнула за дверную ручку. Стоит поспешить домой, через час заканчиваются тренировки у Артёма, нужно подготовить все к возвращению.

К тому же назревает серьёзный разговор. Ещё один. Без свидетелей Иеговы. Быстренько попрощавшись с удивившимся на мой выпад Даниилом, махнув пред его взглядом связкой ключей, побежала к подъезду.

Не жалея свои сил, туфлей, которые придётся выкинуть из-за сломанных каблучков, трясаясь словно потерявшийся кролик, прислонила ключ к домофону. С неприятный пиликающим звуком удерживающий дверь магнит ослабил свою хватку, позволяя юркнуть внутрь тёмного подъезда.

Закрывать в быстром темпе вальса за собой небольшое ограждение не удалось. Только сейчас и предо мной взрослый мужчина устроил мальчишеские глупые поступки. Подставил в проем носок от вычищенной до блеска туфли, перехватил своими пальцами мои.

Находясь ещё на улице, промокая до последней нитки, Даниил не спешил войти внутрь. Словно отгородив друг друга, он, начиная зацеловать каждый пальчик, заставлял моё сердце трепыхаться. Столько эмоций и чувств всколыхнули моё мгновенно ослабшее тело. Хочется взлететь и парить высоко над звёздами, чувствуя ту самую забытую любовь, о которой даже думать не смела.

Мы словно подростки, у которых по одному только взгляду проявилась та самая искра, буря, безумие. Так нельзя, мы взрослые люди, у которых давным-давно своя жизнь. Стоит прекратить все это, начиная подыматься к себе домой.

— Пошли уже, — сдаюсь, пропуская того внутрь. — От одной чашки кофе не обеднею.

Поднявшись по первым ступенькам на первый этаж, ощутив на себе горящий взгляд карих глаз, завернула за угол. Не идёт, стоит, смотрит, изучает изменившуюся меня. Да, от прошлой тощей девчонки ничего не осталось, есть более фигуристая, любительница покушать по ночам, женщина. Не скажу, что слишком полная для своего роста, нет, наоборот более стройная, чем была до этого. Вот так вот.

— Ты чего? — интересуюсь, становясь на несколько ступеней выше. Он все также стоит рядом с подъездной дверью, смотрит пристальным взглядом.

— Просто боюсь, — отвечают, рывком оказываясь подле меня.

— Интересно чего?

— Потерять тебя, как и пятнадцать лет назад.

— Разувайся, — аккуратно бросаю ключи на полочку, — я пока кофе поставлю.

Надев тапочки, повесив пальто на единственный свободный крючок в прихожей, двинулась в сторону кухни. Включив свет — не будем же мы сидеть в темноте, наслаждаясь разговором, — проверив стоящий на столе пустующий без единого печенья или конфетки поднос, щелкнула по лбу. Мысленно.

Ладно, потом достану запрятанные от вечно худеющей Дианы шоколадные батончики с любимыми булочками с маком. Для начала стоит достать турку и не распечатанный, лежащий в глубине шкафчика с крупами молотый кофе.

Я, как и вся моя маленькая семья привыкла к обычному быстрорастворимому. Поэтому, когда нам кто-то подарил в подарок кофейный набор, мы его не стали распаковывать и пользоваться. Сейчас все иначе, нельзя перед таким человеком как Даниил Устинов облажаться.

Живя за границей он наверняка привык питаться более изысканно, чем мы можем себе позволить. Богатому человеку богатые блюда: стейки из мраморной говядины, бутерброды из красной, черной икры на завтрак, заморские фрукты...

У нас такого нету. Есть обычная картошка, из которой можно приготовить абсолютно все, макарошки и гречка с рисом. Из мяса: фарш, котлетки, перемороженные куриные ножки. Кстати, стоит их достать и разморозить, пожарив до хрустящей корочки к будущей гречке.

Вся в делах, вся в заботе. Стараясь услышать хоть какой-то звук со стороны Даниила, он резко прекратил шуршать, поставив на ослабленный огонь турку, поспешила проверить его.

— Что ты тут делаешь? — вылетает из моих уст прежде, чем увидеть в его руках сделанную детскими ручками рамку с фотографией внутри.

Стою на пороге в гостиную комнату, жду ту самую реакцию Даниила, что проявлялась на уровне злобы и агрессии. Молчит, разглядывает пятнадцатилетнюю меня с голубым конвертом на руках. Рядом со мной счастливо улыбается бабушка, удерживающая праздничные шарики Диана.

Этот день запомнился надолго, ведь в моей жизни появился маленький крохотный человечек, полюбившего всем сердцем будучи с круглым как мячик животом. Слегка сморщенная розовая пухлая мордашка, ма-а-аленькие пальчики на ручках, ножках...

И все это я не могу раскрыть из-за того самого дня. Расплаканная незнакомка, снимающий все на камеру телефона Антон, он... Одна только фраза: «Я ведь беременна!» заставляет закрыть все прошлое, шагая в будущее без каких-либо сожалений о содеянном.

— Сколько тебе тут лет? — не знаю, соврать на этот вопрос или ответить правду? Придётся ли отвечать за свою ложь жгучими слезами с разбитыми коленками?

— Достаточно для такого серьёзного шага, как стать любимой мамой. — уклоняюсь от ответа, складывая руки на груди.

Мне не понять его мыслей, как и скрытые за маской спокойствия эмоции. Стоит только предположить, догадаться.

— Ну, а ты? — стараюсь перевести тему в новое русло. — В каком возрасте Даниил Устинов обзавёлся потомством?

Не отвечает. Ставит рамку обратно на мой рабочий стол, проводя по слепленному и

разрисованному в фиолетовый цвет зайчику пальцами. Это такой сакральный обряд у него или всплывший флешбек из бывшей семейной жизни?

Чувствую он начинает догадываться, проявляя на слегка заострённых скулах желваки.

— Мне не удалось познать роль отца, — проводят пятерней по мокрым волосам, скидывая капли от дождя на ковёр.

— Сочувствую. — больше ничего не говорю, разворачиваюсь и, пред тем как уйти на кухню, закрываю комнату сына от слишком любопытных взглядов. Попробует зайти, вынюхивая словно ищейка следы, как дверь неприятно заскрипит.

Кофе готов. Выключив конфорку, разлив горький напиток по маленьким чашкам, расставила все на столе. Так, сладости, печенье — все есть, стоит для такого приготовить на скорую руку горячие бутерброды? Или все в порядке?

— Варя... — коснувшись моей ладони, появившийся из ниоткуда Устинов отложил в сторону нож с хлебом. — Я сюда пришёл не для того, чтобы набивать живот до отвала.

— А для чего? — смею обернуться, ловко оказавшись в до боли знакомых объятиях.

Хотя бы так, на одно только мгновение ощутить давно зарытые чувства с тем самым человеком, которого любила до самого страшного безумия. Уткнувшись в ямочку между шеей и ключицей, ощутив приложенной щекой всю впитанную от дождя влагу, закусила нижнюю губу.

Вся наша одежда мокрая насквозь, уйти для того, чтобы переодеться в домашнюю одежду не выйдет. Даниил, нагло последовавший за мной, не упустит появившийся для него шанс — увидеть моё обнажённое тело. От одной фразы: «Ой, мой взгляд сам коснулся твоих груди» мне не удастся уйти, все пойдёт гораздо дальше с его сладкими речами и дурманящими разум ласками.

Можно стоять, мурлыкать словно кошка от удовольствия, слушать бьющееся в такт сердце... до тех самых пор, пока дверь не хлопнет и из коридора послышится:

— Мам, я дома!

Хлопнув Устинова по груди, оттолкнув того на стоящую подле стенки табуретку, поспешила к сыну. Вся запыхавшаяся, словно бежала все десять километров, с округленными глазами, устала на разубаивающегося Артёма. Отобрав у него школьную сумку, интересуясь его делами на боксе, взглянула в сторону сидящего Даниила.

Тот сидит, смотрит на нас сыном, медленно потирает подбородок. Хмурится, замечая, наверное накручиваю саму себя такими глупыми мыслями, некие сходства с младшей копией. Может он не додумается спросить, его ли это сын или нет, просто посидит на кухне, выпьет своё кофе и уедет на джипе по своим рабочим делам.

Стоит думать позитивнее, иначе все перевернётся с бухты барахты, оставив чёрный отпечаток на сердце. Глажу ребёнка по мокрым волосам, оглядываю на наличие новых синяков, ушибов. Вроде бы все хорошо, на губе старая покрывшаяся корочкой болячка, раны на костяшках потихоньку заживают.

— У нас дома гости? — поллюбопытствовал ребёнок, ощущая во всей квартире горький запах кофе.

— Да, — протягиваю, относя сумку в комнату. — Ты не будешь против, если кто-то у нас дома?

— Мне все равно. — буркнул, уйдя к себе.

Закрыв дверь, попросив не входить на запретную территорию, Артём не удосужился ответить: будет кушать или нет. Апатия накрыла с ног до головы, проявившиеся

подавленность, угнетенность, отчаяние вызвали раскаяние перед ним.

Что-ж, пускай побудет один, поиграет с онлайн друзьями в игры, послушает музыку или посмотрит фильм. Поговорю чуть позже, когда Даниил уйдёт.

— Ты чего? — вернувшись на кухню, перепугано поджимаю губы.

Находясь под прицелом рассерженного взгляда темно-карих глаз, прокусила внутреннюю часть правой щеки. Металлический привкус крови почувствовался на языке настоящим ядом, проглоченного с накопившейся вязкой слюной.

Хочу почувствовать самую настоящую боль. Тупую, ноющую, острую, давящую, ломящую. Любую, кроме душевной. Я больше не смогу пережить такого в своей затравленной жизни, вернувшись в шкуру бездомного животного.

Находясь в центре кухни, сжимая за своей спиной мойку, увидела тень Устинова. Близко подошедший мужчина схватился двумя пальцами за подбородок. Коснувшись двумя пальцами нижней губы, слегка погладив, болезненно придавил к зубам.

— Варя, — в его голосе послышался холодный металл. Придавив своим телом к раковине, касаясь тёплым дыханием открытый участок шеи, Даниил прошелся кончиком носа до мочки уха. — А ты ничего мне не хочешь сказать?

Я хочу оттолкнуть тебя и ударить со всей силы бабушкиной чугунной сковородкой. Но та убрана в духовку и достать её мне не удастся, разве что закричать со всей силы о помощи. Артём ведь рядом, он сможет набить появившемуся из ниоткуда отцу лицо с требованием не приходить сюда больше.

— Варя, — на моём горле оказалась горячая пятерня свободной ладони. — Скажи мне только честно, хорошо? А я так уж и быть... не изнасилую в твоей комнате.

— Не посмеешь, — шиплю, подставляя к его паху кончик ножа для разделки мяса.

Совсем разум потерял. Позабыл о женской способности самообороняться любыми схваченными предметами. Будь это обычная зубочистка или настоящий пистолет Макарова. Его ухищренность сыграла злую шутку, оставив моё тело в безопасности.

— Я могла и так тебе ответить на все твои вопросы, — возвращаюсь того за стол, все ещё угрожая мелкому Устинову ножом. — Но ты, друг мой, решил проявить в себе натурального эгоиста.

— Я эгоист, — живо отозвался он, задев взмахнувшей рукой остывшую чашку с кофе. — Не ты ли сбежала пятнадцать лет назад, оборвав все связи?

— У меня на это были причины. — глухо отзываюсь, чувствуя нарастающую злобу. Ещё немного и меня посадят за кастрацию натурального кобеля! — Не хотела видеть тебя после признания белокурой девчонки о её беременности.

— Ты что, блестяще глупая? — шипит сквозь трубку Диана, заставляя себя поникнуть ещё сильнее. — Говорит, что нельзя позволить увидеть Устинову Артёма, а сама тащит того к нам домой!

— Но он его и так видел. — забываюсь плотнее под одеяло, утыкаться носом в подушку. — Той ночью, в школе...

Даже думать не могу. Все мысли исчезли вместе с ушедшим вчера Даниилом, оставив за собой разлитый по столу крепкий напиток. Спасибо дверью со всей силы не хлопнул, иначе спали как на вокзале, обмотав все видимое чужим взглядом чёрными пакетами и скотчем.

— И что? По крайней мере на улице он не стащит ничего такого, что можно сдать в лабораторию на анализ ДНК! — логично.

Он ведь не просто так разглядывал фоторамку с фотографией меня и новорождённого ребёнка. Складывал разбросанный пазл, подсчитывал, соединял известные факты в единую цепочку. То-то Устинов решил действовать на кухне, решив сыграть злого полицейского, вдавливая моё мягкое место в мойку.

За стенкой послышался грохот. Артём. Собирает в одну громоздкую кучу школьные учебники за девятый класс, так сказать прощается со всей наболевшей жизнью внутри обшарпанных стен. О моей просьбе подождать до выбора школы и разговоры с новым директором можно смело забыть, бросив в стенку нечто тяжёлое и громкое.

— Артём! — закрываю динамик телефона пальцем. — Можно, пожалуйста, тише громить свою комнату?

Сегодня вторник, должна находиться у себя на работе, мило беседовать с другими сотрудниками, Павлушей и сидеть ровно на попе, создавая различные макеты по дизайну интерьеров. Вместо этого у меня появился внеплановый отпуск за свой счёт, потерянный проект, порванная в клочья мечта подростка — жить в отремонтированной подростковой спальне.

Возвращаюсь к звонку. Диана на работе, быстро щелкая по клавиатуре, набирая тексты для невыпущенных журналов, газет, попросила некую Ольгу отправить Владимиру Константиновичу документы о будущей вести, поразившей весь наш город. Стало сразу интересно, о чем говорят на рабочем языке журналиста...

— Ой, а я там училась. — доносится удивлённый голосок той самой Ольги.

— Да-да-да, — резкий возглас, подруги пробил барабанную перепонку уха насквозь. Нельзя же так орать на сотрудников, которым свойственно выражаться, проявляя знания или талант. — Все, а теперь отнеси все нашему директору... Пускай лично проверит информацию и даст добро для дальнейшей печати.

Телевизор посмотреть? Шарю ладонью под подушками, выскиваю затерянный пульт. Нашла. Сквозь преграду из одеял тыкаю несколько раз подряд на кнопку включения, стараясь попасть невидимым глазу лазером в сияющую красную точку. Раздался неприятный писк, убрав звук на ноль, дождавшись загрузки, щелкнула на первый попавшийся канал.

Отлично, вернусь на двадцать три года назад. Буду смотреть мультфильм про медведя и девочку с фиолетовым платком на голове. «Мишка! Это не медведь — это лось какой-то!» — лепечет маленькая девочка в экране, двигая спящего на санках на каток.

— Ты ещё здесь? — интересуется на том конце, несколько раз произнеся «Алло».

Мычу в ответ, смотрю новую серию про разноцветных болтиков, любителей ремонтировать нашу технику. Жаль обычная выдумка сценаристов и режиссёров, а то так классно было наблюдать за починившимся за несколько минут холодильником или стиральной машинкой. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, иначе все переломается по-настоящему.

— Пока этого кастрата нет, — я рассказала ей о ситуации с ножом и его кокушками, познавших настоящую злость женской натуры, — займись делом: найди на нас троих отдельный, гостиничный номер, расписание чертова автобуса... Хоспади, придётся таблетки от тошноты покупать...

Дальше ничего не слушаю. Бубнит и бубнит, проговаривая об одном и том же: красивом кружевном бельё, платьях, шпильках, причёсках, макияже, украшениях... Ничего не знаю, ничего не хочу. Возьму старое платье с дня рождения нашей фирмы, сделаю бабушкиным методом кудри, намалюю губы и ресницы.

— Я тебя тоже люблю. — сбрасываю на её словах о записи на наращивание ресниц, крепко обнимая. Мысленно, с добрыми намерениями.

Набираю полную грудь воздуха. Выдыхаю. Вдыхаю. Выдыхаю. Ощущаю быстрый ритм сердца, неприятный писк внутри ушной раковины. Попыталась успокоиться, взяла да подняла давление, превратив пасмурный день в кошмарный. Все, буду лежать, смотреть сериалы, играть на телефоне в три в ряд.

— Мам, есть что поесть? — из угла выглядывает тёмная макушка с босыми пятками.

— Гречка с курицей, — незамедлительно отвечаю, выныривая из одеяла. Жарко до седьмого пота. — Если не хочешь есть, то в морозилке валяется пицца с грибами.

Поскакал за вторым. Открыл морозилку, пошуршал коробкой несколько минут, включил микроволновку. Маленькое наглое дите, совершенно не волнуется о матери, стоявшей несколько часов за плитой, обжаривая хрустящую кожицу. — А мне кусочек? — решаюсь встать с дивана, пойдя на кухню за кружкой прохладной воды.

Замечаю стоящего ко мне спиной обнажённую спину. Такой же широкоплечий, как и отец — наматываю мысли на вилку, зажевывая «завтрак» переменчивым настроением. Стоит в домашних шортах и висящем на шее крестике, поедает разогревшуюся до плавленного состояния сына тесто с начинкой из мяса и грибов, тихо посмеивается.

— Тебе нельзя, ты на диете. — смеется, получая шлепок по плечу. Один раз сказала и все — доводят своими напоминаниями.

— Все равно возьму. — нагло хватаю кусочек шампиньона, кладя в рот.

Жую, мычу от приятного удовольствия... мгновенно давлюсь, прося побить по спинке. Горло мгновенно обожгло острым кашлем, выплевывая все в раковину, открывая для умывания кран тёплой воды, мысленно послала к лешим на Кудыкину гору человека, ботнувшего со всей силы нашу дверь.

— Если что, я плохо себя чувствую... — говорю ушедшему проверять Артёма, намазывая заплеванные руки.

Закрываю напор, вытираю на сухо влажный участок кожи. Аккуратно, пока не открыли дверь, впуская незнакомцев «поговорить», спешу на диван. Выключаю вещавшего все это время телевизор, накрываюсь одеялом вместе с валявшийся под ногами пледом, утыкаюсь в спинку.

Сделав вид спящей красавицы, зажав между зубами указательный палец, сдавив до неприятной боли, услышала звук поворачивающихся оборотов закрытого замка. Дальше последовал разговор... между отцом и сыном! Диана, пожалуйста, не убивай меня своими

грубыми речами. Я больше так не буду делать, клянусь.

— Здрасьте, — сжимаю между коленок край одеяла, боясь рвануться в сторону сына и Даниила. — Вы к кому?

— Здравствуй, — спокойный голос Устинова впился острыми кинжалами в мою открытую спину. — А твоя мама дома?

Сынок, я куплю тебе все, что потребуешь, даже щенка хаски или мейн-куна, только спаси меня от этого наглого во всех смыслах мерзавца. Не дай ему войти в квартиру под его предложениями о помощи,пустишь и он пропишется в нашей семье, как настоящий таракан с кличкой «Анатолич».

— Она болеет, — моя ж ты умница, спасаешь маму в такие трудные минуты. Моя гордость.

— Что с ней? — неужели мистер Устинов решил проявить ко мне человеческие эмоции, как волнение и обеспокоенность?

Он таким не был даже в школе. Не придёшь из-за температуры в школу, как на телефон придёт сухое смс с одним словом — «Выздоровливай». Вспомнить к этому тот же восьмое марта, когда всем девочкам дарили плюшевых мишек, тюльпаны, открытки, а мне, одной единственной, втюхали блокнот с кучей наклеек и разноцветных ручек.

Я была благодарна такому пожарку ведь Даниил знал: все свои тайные мысли записываю в личный дневник с замочком, который прячу глубоко под кровать, боясь быть пойманной маминой цепкой хваткой. Правда после такого меня тыкали пальцем, поговаривая о моём несмышлёном детском разуме.

— Обычный грипп, — враньё в нашей семье не поддерживаю, люблю, когда и Диана, и Тема говорят исключительную правду. Но здесь все меняет, пускай врет, прям-таки нагло.

Проходит две минуты. Моя спина превращается в раскалённое железо, готовое стать огромной лужицей от прожигающего взгляда карих глаз. Для большей убедительности начинаю усердно кашлять, превращая мелкую сценку в спектакль двух уважающих себя личностей.

— Видите? — прогоните его, пожалуйста, я сейчас по настоящему коньки отброшу, превратившись мумией.

— Тогда можешь передать ей это? Пока.

— Я отпрасилась у начальства на несколько дней, — вещает подруга, наливая себе в тарелку поварешку горячего горохового супа. — Так что можем отправляться хоть завтра.

Это она говорит про поездку. О принесенной запечатанной коробке от Устинова речь ещё не наступала. Сижу возле окна, посматриваю на бегущих маленьких детей, не знающих таких серьёзных бед, как у нас — взрослых. И все бы ничего, но на улице капает дождик, бьёт по крышам домов, разбивается мелкими брызгами по окнам. Одетым в резиновые сапожки и дождевики хоть бы хны: прыгают по лужам, смеются.

— Ты, кстати, ходила в другую школу? — отвлекаюсь от наблюдения, слыша вопрос. — Все хорошо?

— Да, — чувствую себя пришибленным куском мяса. Даже говорить сил нет, хочу вернуться на диван под одеяло и горько заплакать. — На все про все уйдёт три дня.

— Оу, — из-за угла появляется тёмная макушка, — так меня возьмут в другую школу?

— Угу, — вяло отвечаю. — Как ты и хотел, будешь учиться в классе с углублённым изучением английского языка.

Не стоит спешить радоваться раньше времени. Старая школа до сих пор стоит колом во всей ситуации, каждый день названивают с рабочего телефона, прося быть милостивее к самим преподавателям. Тц, такие люди, как бывшая классная руководительница сына, не заслуживают прощения.

Сами виноваты, знали на что шли со своим педагогическим «профессионализмом», из-за которого несколько десятков лет подряд страдают ученики с первого по одиннадцатый класс. Мало было ругани там — в кабинете директора, — стоило написать парочку заявлений по поводу жестокой травли. Глядишь пришли с проверкой, вытащили из всех щелей грязное бельё прошлого.

— Так, молодой человек, — произношу, отворачиваясь от голого торса к окну. От крестной взял моду полуобнаженным ходить? — Накиньте на себя футболку. Не могу смотреть на обнажённых, сразу вспоминаются дни, проведённых вместе с Даней. Боже, и когда это я стала называть ворвавшегося в мою с сыном жизнь грубияна ласково? Все мысли превратились в кашу, думаешь о дальнейшей поездке, школьных проблемах...

А тут легок на помине! Нагло заезжает на своём джипе в наш двор, ставит на пустующее место колымагу, выходит, громко хлопая дверью. И как там правильно молиться: от правого плеча к левому или наоборот? Все вылетело из памяти, даже маленькая, легко запомнившаяся молитвочка.

Бабушка. Бабулечка, убереги меня от супостата тёмного, от самого настоящего демона в человеческой шкуре. Не дай ему войти в наш подъезд, подняться на наш этаж да постучаться со всей звериной силы в дверь.

— Свят, свят, свят. — причитаю в слух, забегая в гостиную.

— В тебя что, дух покойной бабушки вселился? — шутит Диана, заминая за обе щеки домашнюю еду.

— Нет, — отвечаю, резко закрывая везде штормы. — Там этот приехал...

От перепуга падаю на застеленный диван. Повязанная алой лентой коробка напоминает шкатулку из фильма ужасов. Коснешься её, откроешь и оттуда вылетит настоящий монстр, безжалостной разорвавший твою плоть на куски. Б-р, от сравнения машинально дёргаю

плечами. Обняв саму себя, слегка поглаживая, сняла с ног тапочки.

Без них будет удобнее щеголять по квартире кошачьей поступью. Тихо и грациозно, стараясь быть незамеченной сквозь дверной глазок. Возвращаюсь обратно на кухню, за стол. Поглядывая на улицу, молясь богу за отвод от моего подъезда Устинова, замечаю выходящую со своей маленькой собачкой старушку с седьмого этажа.

Маленькие чихуа не большие ротвейлеры, можно — надеюсь не убьют за высказывание, — спокойно постелить большую одноразовую пеленку и спокойно сидеть печь пирожки. У меня так мама делает: подарили мелкую шоколадку, так та даже с ней не выходит... Купила лоток кошачий, пелёнки — все, остальное само собой.

— Диана, — смотрю перепуганными глазами на удивлённо смакующую подругу, — что делать?

— Снимать штаны и бегать, — язвит, вставая со своего места.

— Ма, — сын заглядывает через глазок, — может мне пойти разобраться?

— Так, — машет в его сторону родная крёстная, провожая к себе в комнату. — Ты иди английский делай. Зря что-ли с мамой платим за онлайн обучение?

Правильно, пускай дверь прикроет, наденет наушники и начнёт уже на профессиональном уровне вести диалог с преподавателем, рассказывая о прочтенной на родном языке книге — «Гарри Поттера». Незачем смотреть на малознакомого дядю и ругающихся маму с крёстной.

Или только крестную, успевшую за пару минут надеть любимые туфли лодочки, замшевую куртку. Взмахнув жест — «спокойно, сейчас все разрулим», — вышла на лестничную площадку. Звенящий звук каблучков слышится с подъезда у нас в квартире, негромкое «Пойдём прогуляемся?» — тоже.

Бегу в коридор, аккуратно, словно еле приметная серая мышка, тянусь к дверной ручке. Сжав её в своей ладони, отсчитав от одного до трёх, успокаивая запутанный клубок нервов, надавила вниз. Прохладный поток ветра принёс неприятный запах затхлого подъезда. Неужели люди решились за старое: стали выбрасывать мусор прямо на лестничную площадку, размножая тем самым тараканов и крыс?

От напоминания самой себе про мелких рыжих жуков с длинными усиками вздрагиваю. Нет уж, дудки, и так несколько лет подряд травила, приобретая на последние деньги дихлофос, ловушки, таблетки с шприцами, порошок борной кислоты. Давили только так тапками или мухобойкой.

— Диана? — слышится на третьем этаже удивлённый голос Даниила.

— Да-да, собственной персоной. — наглость — второе счастье для Дианы Савеловой. — Не соизволите ответить на мой вопросик: что такой человек, как сам Даниил Устинов, позабыл в панельном домике?

Ступив босыми ногами на бетонный пол подъезда, подойдя ближе к перилам, посмотрела вниз. Перегородившая путь Диана, находясь на третьей ступеньке сверху, наглым образом передразнивала отца Артема. Откинув мешающиеся распущенные локоны на бок, скрестив руки на груди, подружка, в такт придуманной мелодии, постукивала носком от туфли по ступеньке.

Не могу разглядеть его лицо, эмоции. Наклонившись ещё сильнее, почувствовав на низу живота неприятную сдавливающую боль от перегородки, оглядела широченную спину с открытым под рубашкой участком шеи. Для самой себя замечаю еле проглядываемый участок нечто чёрного.

Тагуировка? Помню ещё со школьных времена его самую сокровенную мечту — набить во всю спину огромного дракона или тигра, в пасти которого находилась обездвиженная жертва. Отговаривать и молить не совершать такую глупость у меня не получалось, наоборот раззадоривала совершить такой поступок на зло всем. Даже мне.

— Диана, — взъерошив волосы, Даня захотел отодвинуть её и подняться наверх. Не получилось, подруга поднялась на ступень выше, достав из маленького кармашка ключи. — Дай мне увидеться с Варей.

— Зачем? — самый главный для всех нас вопрос слетел с пухлых губ Дианы. — Чтоб навешать итальянские спагетти на её бедные уши? Ой, или живя за границей ты не колесил с двумя своими жёнами, словно шведская семья, по странам?

Замираю, вслушиваюсь в каждый язвительный смешок подруги. От холода пятки начали неприятно зудеть, покрывая всю стопу мелкими красными пятнами. Уф, теперь в наказание придётся стоять в позе цапли, стараясь удерживать равновесие больше тридцати секунд.

— Диана, — рычит её имя Даниил, становясь более раздражительным. — Не трави мне своим ядовитым языком мозг. Дай мне поговорить с Варей!

— Но-но, — хлопают в его грудь ладонями, спуская на несколько ступеней вниз. — По придержи конец, джигит. Такой настрой только усугубит её здоровье и дружеские отношения к тебе.

— Мне не нужны её дружеские отношения, — цедят сквозь зубы, ударяя кулаком в бетонную стенку. Глухой еле различимый звук долетел до моих ушей. — Мне нужна она сама.

— Алло, — Диана щёлкает пред его глазами пальцами, заставляя пробудиться от «гипноза». — Нужна после того, что ты сделал с ней? Ты вообще видел Варю или заходил к ней домой после той самой сценки с блондинкой? Ответ — нет, ты развернулся и ушёл из самой школы вместе с перехваченной за шкурку девчонкой, что посмела заорать о беременности.

Это... правда. В тот день мы ещё отучились с Дианой, бегая, каждый звонок к белому другу — тогда у меня был сильный токсикоз, — мы не видели ни Антона, лучшего друга, ни Даню, ни этой самой девушки. Обескураженные такой вот ситуацией учителя, боясь серьёзных проблем, заставили всех нас остаться в классах и ждать, когда директор вместе с заместителем придут и расскажут о внеплановых проверок всех девушек на состояние невинности.

Было очень шумно, кто-то ругался насчёт такого, кто-то вообще не явился к явившемуся в один из дней гинекологу. Я тоже не попала к нему, как и Диана, ведь мы, собрав за одну ночь свои вещи, документы, уехали на самом первом автобусе к моей бабушке. И как только за такой подвиг родители Дианы голову не оторвали — остаётся загадкой.

— Ты про Кристину? — он назвал имя той самой девушки.

— Я не знаю имя той девицы, — фыркает подруга, трясая перед ним связкой ключей — Но, если ты её знаешь, то точно с ней шлепался, иначе говоря, на кой черт ей надо было рыдать и орать во все горло: «Я ведь беременна! Беременна, Данечка, любимый мой!»...

Все, не хочу больше ничего слушать. Диана будет давить на него, вырывать клешнями ту самую горькую правду, о которой пыталась забыть все эти пятнадцать лет, он же будет кричать, рычать, отбивать кулаками штукатурку.

Возвращаюсь обратно в квартиру. Стряхнув с ног прилипшую грязь с песком, смотря прямо на пол, включила свет в ванной комнате. Зайдя внутрь, закрывшись на шпингалет,

осела на пол. Горькие слезы покатались по щекам, душа выпустила острые шипы, что вцепились в грудную клетку.

Невозможно дышать, хочу набрать полную грудь воздуха, отпустить все переживания тяжёлым грузом на дно разбитых мечтаний. Скидываю с себя отяжелевшую одежду под ноги, перешагнув неровный круг, коснулась взглядом висевшего над стиральной машиной небольшого овального зеркала.

Достаточно светлая кожа, грушевидная форма тела, грудь... второй размер не третий и не четвёртый, тут нечем гордиться, ведь на неё толком не поглядывают, только на нижний участок тела. Это своего рода страдание: ощущать мерзкие вонючие шлепки, неприятные сжимания, после которых на лице появляются синяки от моей сумки.

Забираюсь в ванную, затыкаю затычкой слив, поворачиваю вертушки горячей и холодной воды. Настраиваю для себя тот градус, под которым люблю отлеживаться с ароматной пеной по несколько часов. Горячая вода помогает такой как я расслабиться, почувствовать свободные потоки мыслей.

Да, мне надо сейчас расслабиться и обдумать все услышанное. Имя Кристина... оно мне не знакомо, но таких девушек из параллельных классов не было, в десятом и одиннадцатом тоже. Только светло-русые, шатенки, брюнетки. Натуральных блондинок не было.

Получается она была из другой школы или лицея, в котором когда-то училась любимая родителями старшая сестра. У Антона там учились дружки, с которыми любил устраивать закрытого типа вечеринки: много алкоголя, закупленные пачки презервативов, снятая на бурную ночь хата.

Я не любила такие места, мне было проще побыть наедине с Даней от всей громкой непонятной музыки, почувствовать его тёплые ладони на моей обнаженной коже, горячие обжигающие поцелуи, томный голос, шепчущий о бесконечной любви ко мне.

Может все произошло в тот самый момент, когда я заболела? Антон никогда бы и ни за что на свете не пропустил такой отличный шанс посадить собственного друга на групповой секс с двумя, тремя, а может и четырьмя, девчонками из других компаний.

Вот и, пока болела, лежала с температурой в больнице, Артем пошёл на вечеринку к другу... Напился, словил раздрай знакомой ему обстановки, подхватил на плечо пьяную девчонку... жестко облюбил, говоря в пьяном бреду о нашем расставании, бесполезной любви и так далее.

Пустота. Ощущая себя бездушной оболочкой, потерявшую свою душу, придала коленки к груди. Облокотившись на них подбородком, слушая шум льющейся из крана воды, шлепнула ладонью пену. Разлетевшись мелкими пузырями по всей комнате, перекрыла вертушки.

Облокачиваюсь на заднюю стенку ванной, подымаю взгляд. Пожелтевший после лютого потопа потолок, несколько ржавых разводов. Нужно ремонтировать, все, абсолютно все. Комнату Артёма, нашу с Дианой, ванну с туалетом.

И все упирается в денежные бумажки... Шмыгаю носом, заставляю взять себя в руки и не зареветь раненым зверем, царапая ногтями огрубевшую из-за различных моющих средств кожу ладоней. Нервозно заламывают каждый палец, делаю самой себе больно, вслушиваюсь в умиротворенно-убийственную тишину.

Хочу вернуться обратно, когда бабушка была жива. Казалось придёшь настроенная домой после пар, она тебя накормит, обнимет, выслушает, позволит выплакать все свои слезы на теплом плече. Сейчас этого нет и не будет ни-ког-да. Остаётся пить

успокоительные таблетки, заниматься йогой. Говорят она способствует стрессоустойчивости.

Наклоняюсь вправо, замечаю небольшой стаканчик с зубными щётками и зубной пастой. Чуть левее же валялась пачка женских одноразовых станков. На ум приходят дурные мысли о суициде.

Что думают люди перед тем, как провести острым лезвием по венозной артерии или натянув на шею петлю? В моей семье был такой случай, когда мамин двоюродный брат, не понимая, что именно помогло ему решиться на такой шаг, повесился на обычной сушилке. У него все было хорошо: жена, дети, доход от небольшого магазинчика...

Никогда такого не понять. Даже мне, женщине, захотевшей ощутить ту самую боль от острого вонзания ножа в грудь. Это все мимолётно, я знаю. Поплачу, подумаю, почему в моей жизни произошёл такой колоссальный толчок, всполоснусь от прошедшего дня, лягу спать...

Если не явится рассерженная Диана и не заставит собирать сумки в дорогу.

На улице веет холодным ветром. Стараясь создать небольшое тепло, отпиваю небольшой глоток купленного в маленькой кафешке при вокзале чая. На вкус и цвет — разбавленный чифирь, с приторным послевкусием сахара.

Сидящий на одной из лавочек Артём поедает любимую вокзальную шаурму. Так смачно жевал, откусывал большие кусочки лаваша с начинкой, наслаждался попадающими кусочками курицы... Целый рот слюней ждал меня через пару секунд после замеченного.

Время ещё есть, схожу приобрету всем нам сосисок в тесте, слоек с сыром и ветчиной, попить. Путь до города не близок, целых четыре с половиной часа. Не знаю, выдержит ли он или Диана такой долгий путь? Её укачивает от каждой кочки или превышенной скорости.

Приобрету мятные леденцы, станет тошнить — дам одну или несколько.

— Бесячие бабки, — из за угла выходит Диана, нервно поправляя свою куртку, — плати им деньги за обычный поход в туалет.

— Ну, — протягиваю, отпивая чай, — они и будут так делать. Они же убираются за нами.

Увидев у меня стаканчик с напитком, подруга перехватила его и сделала пару глотков. Скуксившись от горькости чая, сплюнув под ноги вязкую слюну, отдала обратно.

— Гадо-ость, — высунула язык, — как это можно пить?

— Легко. — и делаю глоток отвратительного пойла.

С момента разговора Даниила и Дианы прошёл час. Выйдя из ванной комнаты в обычном шёлковом халате, перевязанном на голове полотенцем, мечтала вернуться на лестничную площадку и послушать дальнейший разговор. Что у них происходило, до какой точки кипения два любимых сердцем человека дошли, раз тот — я наблюдала через окно, — полетео прямо к своё машине, а Диана весело пританцовывая вернулась домой.

Вытащила из шкафов две большие спортивные сумки, бросив на застеленный пледом диван, стала собираться в дорогу. На мои вопросы — «Что у вас произошло?»; «Диана, что случилось?» — не было последовавших ответов в её духе разговора.

— Ничего, — пожимала плечами, бросая в карман сумки косметичку, — поговорили, решили несколько важных тем.

Каких именно тем — не сказали. Смолчали, складывая в дорогу кучу таблеток от тошноты. Две таблетки выпиты перед поездкой до вокзала, две таблетки после.

— Тебе точно не нужен пакет, — спрашиваю, касаясь кончиками пальцев ее побледневших щек. Даже румяна не смогли замаскировать зеленоватый оттенок на лице. — Выглядишь ожившим мертвецом.

— Если водитель адекватный будет, то нет.

Наш автобус подъезжает к парому. Ждавшие до этого момента будущие пассажиры ловко подхватили свои багажи, шагая на встречу к таким же людям, что и они. Началась толкучка, отойдя немного левее, боясь быть сшибленной с ног приедем мимо меня чемоданом на колёсиках, инстинктивно прижалась к Артёму.

Перехватив его за локоть, слушая его нервное — «Мам, у меня сумки», — зашла за его спину. Стоявшая, топающая с одной ноги на другу, Диана нервно поджимала губы. Не комфорт такси, где можно открыть окно для свежего воздуха, не обычная машина, что может выбрать на обочину и дать время на передышку.

Сжав мою ладонь со всей силы, ступая по ступенькам автобуса наверх, Диана прижала карту к считывающему аппарату. Оглядев рассаженных по понравившимся местам людей, юркнула куда-то в глубь. Видимо нашла то самое место где не будет её слышно и видно до конца поездки.

Провернув дело со своими картами, оплатив за себя и сына проезд, выхватила из стоящего за моей спиной Артёма сумку. Хоть он и крепкий, сильный для своего возраста, но перенагружать подростковый организм не стану.

— Ты все взял собой? — интересуюсь, выискивая среди пустых мест подругу. — Наушники, переходной аккумулятор...

— Все взял, — устало выдыхает. — Даже триггеры.

Да, вместо отдыха будут играть в стрелялки с помощью своих кнопочек, вставляемых на сам телефон. Пускай делает все, что душе угодно: играет, слушает музыку, кушает любимые снеки. Лишь бы не бил ногой по спинке сиденьев, разрисовывая не оттирающимися маркерами салон старенького автобуса.

Замечаю Диану, прислонившись к прохладному стеклу лбом, сжавшись в маленький дрожащий комочек глядела в сторону оживлённой дороги. Рядом с ней и позади неё виднелись свободные места, пропустив Артёма вперёд, требуя занять себе места, поспешила к ней.

— Тебе плохо? — бросив сумку на верхнюю полку, подсаживаюсь к ней. — Пока не выехали, может постараться уснуть?

— Можно. — кивает, отпрянул от окна ложится на моё плечо. — Отчего быстрее можно блёвнуть: от укачивающей поездки или от неприятного запаха вонючих носков и пота?

На этот вопрос стараюсь не отвечать. За своё время в колледже, я много чего почувствовала, разъезжая по автобусам: запах потных подмышек, носков, алкоголя, резкий цветочные отдушки духов... Сейчас меня этим не удивить, для такого случая у меня всегда были ментоловые леденцы, способные одним пробитием убрать все дурные запахи мира.

— Дай сюда руку, — делаю, как просит подруга. Подаю ладонь, ту мигом перехватывают, соединяя наши пальцы в закрытый замочек. — Это чтоб никуда не ушла от меня.

Господи, куда я уйду? Все некогда пустующие места занялись молодыми людьми или бабушками, положивших на свободные места огромные сумки. Могу пойти к Артёму, кушать его любимые чипсы и смотреть непонятное моему мозгу видео об играх, что выпустятся в этом или будущем году.

Наш путь начался. Тронувшийся с места автобус плавно развернулся на главную дорогу. Дождавшись зелёного света на светофоре, водитель, резко дернув за рычаг, поехал по составленному маршруту. Поглядывая в окно, прощаясь на несколько дней с городом, где ровно пятнадцать лет назад встретил нас с Дианой ярким светом фонарных столбов, прислонилась щекой к спящей макушке.

Уснула. Дыхание ровное, сердцебиение стабилизировалось. Аккуратно заправив за ухо прилипшие к намазанным блеском губам волосы, прикрыла спавшим пальто плечо. Пускай спит, для неё будет лучше, если не заметит пробежавшее время поездки.

Для самой себя, любительницы поработать в два-три ночи, не заметила как прикрыла глаза и проснулась от лёгких толчков в плечо от возвышающегося над нами Артёма. Закинувший на плечи рюкзак, две наши спортивные сумки — все было у него в руках.

— Я уже пять минут вас бужу, — смотрит на экран своего телефона, — пойдёте уже, а

то водитель орать начинает.

— Идём, — потягивается пробудившийся ото сна спящая красавица Диана, вставая с места. — Гх, как же онемела пятая точка.

— Понимаю. — ноги гудят, часть стопы неприятно покалывает от ходьбы.

Выходим на улицу. Пытаясь разглядеть среди включённых фонарей других автобусов, газелей место, куда можно сесть и вызвать такси до отеля, шваркаюсь коленями на дорожное покрытие. Перепуганный моим состоянием Артём, сбросив с себя все сумки, поспешил помочь встать.

— Ты куда это так вляпалась, а? — включив на телефоне фонарик, подруга оглядела проявившиеся царапины. — Не вокзал, а гадюшник с дырками.

Благодаря своему везению, я попала в ту самую злосчастную дырку, порвав штанину любимых джинсов. Аккуратно, боясь задеть ещё сильнее содранную до крови часть ладони, отряхаю грязь с верхней одежды. Вляпалась так вляпалась, без замачивания и стирки пятна не сотрутся.

— Я не удивлюсь, если наши номера в отеле отдадутся другим людям. — шиплю, чувствуя неприятность на душе.

Накаркала!

Наплевав на свой внешний вид, вызвав такси, мысленно ругаясь на водителя, содравшего с нас тройную сумму за ребёнка — ему не семь лет, ездить в детском кресле нет нужды, — думала о том, как прыгну на тёплую кровать и просплю всю испорченную ночь.

Вышло с горем да пополам. Приехали, вытащили из багажника пропахнувший бензином сумки, пошли с Дианой отмечаться на ресепшене. Бедная молодая девушка, увидев заплаченные нами номера, тут же ударилась в слезы, вызывая к себе администратора.

Пришедший на помощь жилистый мужчина тоже не мог разобраться: как это получилось, что оплата через сайт прошла, а у них самих это не показывается! Сидят, листают электронный журнал, разговаривают между собой о заселившихся в наши номера людях...

Это нонсенс. Довели до белой ручки своими извинениями и словами: мы не сможем вернуть ваши деньги, простите.

— Черт, — хватаю свой кошелёк, выходя на улицу для успокоения психов.

Даже ругаться не могу на всю сложившуюся ситуацию. Незнакомый город встретил «радужно», оставив на память постепенно гноющуюся рану на ладони, купание в целебных грязных после дождя лужах. Про нас тоже не стоит забывать: мы подарили от самых чистых сердце больше двадцати тысячи рублей.

И где мы все будем спать эти несколько дней ведает только бог.

— Варя, — знакомый мужской голос слышится за моей спиной.

Тёплые мужские руки касаются дрожащих плеч, обернувшись в сторону обеспокоенных глаз Даниила, не веря своим собственным, закусил до боли губу. Этот жест заметили, стараясь больше никак не напугать своей стальной хваткой, Устинов прислонил меня к своей груди.

— Тише, — мою макушку несколько раз чмокнули, обдавая тёплым воздухом. — Все хорошо, я рядом, слышишь?

— Но как ты тут оказался? — смею заметить сей факт, стараясь отпрянуть.

Не пустили. Удерживая в своих крепких объятиях, прижимая за талию к своему разгоряченному торсу под обычной серой футболкой, Даня не спешил ответить на мой

вопрос. Молчал, уткнувшись носом в шею вдыхал еле ощутимый аромат моей любимой пены для ванны.

— Лесные ягоды, — угадал он, вгоняя меня в краску. — Ещё со школы...

Он прав, своим вкусом не изменяю на протяжении всей своей жизни. Кушаю только красные яблоки, на обед в течении рабочего дня заказываю чашку чая с чизкейком, моим любимым десертом, моюсь одним и тем же шампунем для волос...

— Так как ты узнал, где я сейчас нахожусь? — повторяю вопрос, отстранившись на несколько сантиметров от его тела.

— Диана позвонила.

«Вы должны поговорить!» — вчитываюсь вот уже шестой раз за десять минут сообщение от подруги, провернувшей аферу за моей спиной.

Глупая, о чем мы должны говорить с Даниилом у него в машине? Здесь не я одна: сопящий от усталости Артемка, вечно строчащая длинные смс-ки она сама. Ой горе то луковое, сами обзвонились по рабочим номерам, сами пускай болтают. О погоде, о рабочих буднях. Мне сейчас не до этого, нужно в кратчайшие сроки найти место, где можно отоспаться и набраться силами для пятницы.

На телефон приходит сообщение. Вчитываюсь, боюсь написать гневную тираду на заявление подруги: «Если ты не начнёшь с ним диалог, я расскажу ему об Артёме!». Зачем мне с ним разговаривать при всех свидетелях, если можно остаться вдвоём и попросить прощения за тот же приставленный к брюкам ножик?

«Живо!» — еще одно отправленное сообщение и Диана, увидев мой взбешённый взгляд, сунула наушники в уши, делая музыку ещё громче.

Поговорю с Даней, поговорю. Но вот как?! Наши дружеские отношения медленно и плавно перетекают в любовно-романтические. Разговаривать с ним насчёт футбола, кто как сыграл, хлопая в приветственном жесте не получится. Он не любит этот вид спорта, ему проще подражаться на арене боёв без правил, нежели сидеть на диване и глядеть на бегающих с мячом людей.

— Как ты себя чувствуешь? — Даниил прервал наше с ним молчание вопросом о моём самочувствии.

Моя истерзанная рука перевязана найденными в автомобильной аптечке бинтами. Облив перед этим остатками найденной под передним сиденьем бутылкой воды, смывая всю прилипшую грязь с засохшей кровью, Даня, сумев вспомнить школьные уроки по основам безопасности жизнедеятельности, обмотал рану.

— Все хорошо, — отвечаю, улыбаясь уголком губ. — Спасибо...

— За что? — завернув на незнакомой улице влево, сменяясь со своим навигатором в телефоне, Даня спокойно поинтересовался.

— За спасение, — отвечаю, — если бы Диана тебе не позвонила, то остались ночевать под открытым небом.

Очень странно, что позвонила именно ему с просьбой помочь. Можно было вызвать такси и попросить отвезти в более дешёвое место для отдыха, где мы могли поспать, а с утра встать, позавтракать, пойти решать проблемы.

Что-то здесь не чисто. Они не могли так быстро сдружиться после ссоры на лестничной площадке, заняв статус корешей. Явно произошла серьёзная стычка, которая поспособствовала друг другу.

Или это Дианка напридумывала, решив отблагодарить таким щедрым жестом спасителя из лап бывшего директора её компании? Узнай всю информацию по-подробнее и обоим не поздоровится. Одна хороших тумачков получит за скрытые мотивы, второй разодранную до крови спину.

— Ты так и не ответил на вопрос, — решаюсь поднять старую тему, — как это получилось, что Диана позвонила тебе и попросила помочь? И откуда у вас есть номера?

— Легко и просто, — улыбаются, проявляя свою добрую натуру, — мы ещё вовремя

первого приключения обменялись номерами, надеясь на дальнейшее сотрудничество. А так... при её звонке, на несколько секунд побывал в шкуре Владимира Константиновича, которого очень сильно умоляли помочь.

Ясно. Позвонила автоматом на первый номер исходящих либо пропущенных звонков, второпях рассказывая обо всем на свете. И не важно, взял трубку сотрудник банка или я. Бывшая пожилая мадам, у которой брали интервью за заслугу лет.

— А как ты так быстро приехал? — стараюсь по меньшей задавать вопросов, понимая всю красоту уставшего мужского лица. — Наверняка ты уже спал.

— Увы, — карий взгляд проникает через зеркало заднего вида, заставляя вспомнить его во всех красках. Непроизвольно прижимаю нижнюю губу к зубам, слегка закусывая её. Этот жест видят и, дернув своим кадыком, Даня прибавил скорости. — Вместо сна у меня бессонница, вызванная работой до четырёх утра.

Понимаю. Сама порой работой до самого утра, смиряясь с просьбой заказчиков на тот или иной дизайн будущего интерьера. Бывают такие случаи, когда все сделано на самый высший балл, готово к сдаче, и тут заказчику хочется изменить выше предложенную идею на новое. Приходится переделывать, ругаясь бранными словами.

Наша поездка закончилась возле трехзвездочного отеля, работавшего даже в такое позднее время. Заехав машиной на свободное парковочное место, пододвинувшись ближе к прилегающей дорожке, Даня не спешил выключать автомобильный аккумулятор. Он продолжает брэнчать, подавая сигналы машине: направлять тёплые потоки воздуха, передавать через встроенные колонки тихую музыку. Впервые минуты, я даже не услышала, как было включено дорожное радио.

— Я не представляю, как мы будем везти их до кроватей. — хихикаю, замечая на заднем сиденье два спящих комочка. Будет слишком стыдно будить двух сопящих солнышек ради регистрации на трёхдневное заселение.

Смотрю на Даниила, тот на спящего сына. Стараюсь не дышать вести себя тихо и аккуратно, боясь нарушить всю атмосферу. За такое короткое время все могли догадаться, кто кому приходит по родственной линии. У Устинова очень хорошо развита интуиция, может быстро догадаться обо всем, принимая во внимание все новоявленные детали.

Да и догадываться не нужно. Подойди к любому прохожему, представь им взрослую и младшую копию, спроси: похожи будут или нет? Все будут согласованно кивать, подтверждая вопрос.

Нужно решиться на самый главный в моей жизни поступок — рассказать Дане всю правду. Мы не живём в фильмах о любви, не живём в параллельной вселенной. Пора прекратить себя вести эгоистично по отношению к любимым людям, особенно к нашему сыну. Артёму.

Я не хочу больше убегать от прошлого...

— Даня, — его имя произвольно вылетает из уст. — Выйдем?

Намёк понят. Выйдя из машины, прикрыв до щелчка дверь, мужчина, обойдя капот, открыл мне дверь. Предложенная в помощь ладонь спасла от очередного падения на землю. Пропущенный автомобильный порог запомнится на всю оставшуюся жизнь, оставив последние остатки ума в объятиях Устинова.

Боже, что я творю? Веду себя точно также, как несовершеннолетние подростки: краснею, бледнею, не могу скомпоновать свои мысли, агрессивую на любые виды неприязни или обиды со стороны мужского пола. У меня были отношения после Даниила, мимолётные

и более порочные, так почему с ним я ощущаю той самой пятнадцатилетней Варей Ильиной?

— Расстерьашка, — чувственная насмешка послышалась рядом с моим ухом.

— Знаю. — сконфуженно отвечаю, пряча свой взгляд под выпавшими прядями волос.

Закрыв за собой дверцу джипа, посмотрев сквозь стекло на умиротворенное лицо спящего сына, направилась в сторону отеля. Наш путь остановился вблизи небольшого парка с припрятанной за гущей деревьев беседки. Перекрашенное несколько раз сооружение встретило нас оставленными пивными банками.

Отбросив пяткой кроссовка в сторону, Даня позволил подняться по двум перекорёженным за долгое время ступенькам внутрь. Садиться на перепачканные лавочки не стала, прислонилась к одной из перегородок.

— Прости меня, — вырывается первым прежде, чем Даниил успевает подойти ко мне ближе. — За тот день с ножом.

Я не понимала своих эмоций,двигающих моё подсознание к одному из самых страшных поступков. Был страшный испуг, жадное желание жить, воспитать Артёма достойным мужчиной.

— Тебе не за что просить прощения. Вместо тебя на этом месте должен быть я — мужчина, который позабыл какого это ухаживать за женским полом. — узнаю своего старого доброго Даниила Устинова, который в свои семнадцать лет довёл до слез большую половину школы.

И как я с ним стала встречаться — загадка на века.

— Тем более, — шаг ко мне и наши ноги соприкасаются коленными чашечками. — Я рад тому, что мы можем наконец-то поговорить. Спокойно. По душам.

— Вдвоем. — в тон его баритону отвечаю, застрявшая между ним и слегка влажной после прошедшего дождя перегородки.

Казалось между нами все хорошо, создавшаяся дружеская атмосфера, более менее спокойный разговор, перетекающий на серьезные для друг друга темы. Можно смолчать, закрыть все свои тайны глубоко в сердце, выкинув ключ от огромного амбарного замка за спину, прекратив жить ложными надеждами на лучший исход в жизни.

Для неприметной серой мышки действую крайне решительно, вывернув всю себя изнутри, выставляя наготу на показ. Диана права, нужно поговорить с Даней пока не настала крайняя точка наших жизней. Всю жизнь меня никто не будет оберегать, скрывая от каждой тени.

— Скажи, — протягиваю, сжимая до боли ладони. И плевать на неприятно жгучую боль под бинтом. Делать больно, так делай это вдвойне. — Что-бы ты сделал, если у тебя и у твоей первой или второй жены родился ребёнок?

Ну, глупая! Думаю про себя самые постыдные обзывательства в свой адрес, обкусывая внутренние части щёк поочерёдно. Лягнула не обдумав каждый произнесенный вопрос, касательно двух прошлых браков, тем самым задев Даниила за живое. Может он очень сильно хотел маленького малыша, дочку или сына, что вырастит ещё одной копией его, но ничего не выходило.

Господи, бабушка, какую ты дуреху воспитала. Голова с лукошко, а мозгу ни крошки — любимая поговорка, касающаяся моей тридцатилетней персоны. Четвёртый десяток скоро менять, а в голове Ахиллесова пята.

Прожигающий взгляд Устинова трудно выдержать под напором. Это не Артём, тут не

удастся отругать взрослого дяденьку о плохой привычке. Здесь существует один вариант: скукожиться в чернослив, спрятавшись под лавочкой.

— Увы, — его крепкая ладонь скользит от моей шеи к волосам. Слегка поглаживая макушку, аккуратно, боясь сделать больно, сжимая несколько прядей пальцами, заставляя чуть-чуть отогнуть голову кверху, Даня потянулся мне на встречу. — Они бы этого не сделали... в отличие от тебя.

Все слишком хорошо для наступающего ада. Земля уходит из под ног, сердце огромными клешнями вырывают и давят прямо на моих глазах, превращая в кровавое месиво, капавшее с глухим ударом об потрескавшуюся временем и сыростью деревяшку.

— Мы уже не дети с тобой, нам не по шестнадцать и не по двадцать лет, каждый из нас должен нести ответственность за поступки. — говорю, ощущая неприятные чувства.

В горло словно раскаленное железо влили, обжигая все на своем пути, не позволяя дальше произнести и слова, медленно опускалась вниз. Это не сериал, в котором главные герои выясняют отношения сквозь бытовые ссоры с разбиванием посуды или угрозами, в которых проскальзывает до жути раздражающая фраза — «Я заберу у тебя все!».

Это очень трудно. Очень тяжело. Рассказывать о жизни в бегах, воспитывая на руках младенца, маленького котенка, появившегося на фоне безмерной любви. По щекам стекают огромные капли слез. Никчемная истерика, вызванная болью разбитой на мелкой кусочки души, выставляла меня перед повзрослевшим за эти годы статным мужчиной мелкой девчонкой, не имеющей толики опыта взрослой самостоятельной жизни.

Здесь нет ничей вины. В этом виновата я сама.

— Варя, — собирая прилипшие к лицу волосы назад, Даня шумно вздохнул. — Не стоит делать себя виноватой в той жизни, которую сотворили мы сами. Каждый из нас стал жертвой чей-то злой шутки.

— Но это я виновата, что сбежала, — практически шепчу, ощущая себя в теле падшей женщины на земле. — Обрубила все концы и исчезла на целых пятнадцать лет, скрыв самую страшную тайну из всех...

Бесконечный потоп слез сменился неприятным жжением век. Дотерла глаза тканью, думаю я, медленно открывая и закрывая покрасневший взгляд. Утром будет худо, смотреть в зеркало и видеть опухшее после оплакивания всех сломленных судеб будет крайне тяжело. Даже Дианина тоналка или консилер не поможет избавиться от событий ночи.

Я все рассказала ему. Без утайки, выдавая все в самых красочных цветах. О том, как видела его и ту самую блондинку собственными глазами, что орала дурниной про любовь и беременность, о записывающем всю эту дичь Антоне. Поведала как родители, узнав о моем побеге с подружкой к бабушке, отказались от меня, через силу написав заявление в опеку о передаче прав на мое воспитание.

И том, как в моей жизни появился крохотный сверток с голубым чепчиком на малюсенькой головке. Ему было три месяца, когда родители приехали в гости к бабушке и увидели собственными глазами настоящий «позор» младшей дочери.

Был лютый скандал, перешедший в драку матери и меня, защищавшей всеми силами сына. Дианка на тот момент еще была в тхникуме, бабушку отпаивал отец валерьянкой. Та не ожидала, как невестка накинулась на родную дочь с кулаками и громким во всех вариациях словом — шлюха.

Много было в жизни сложных ситуаций с родителями, да и сейчас ничего не изменилось. Нашли только в лице ребенка бесплатного раба, которого можно отблагодарить за трудную работу пустым «спасибо».

Опуская в своем рассказе последнюю каплю слез, превращаясь в безжизненную фарфоровую статуэтку, жду того самого толчка в бочину. Благодаря которому упаду и

разлечусь осколками керамики.

Самые последние слова застревают на полпути к окончанию нашего с Даней разговора. Дёргаю языком, мычу непонятные звуки, сжимаю на своём горле ладонь. Хочу сказать, как спящий на заднем сиденье джипа Артём желал увидеть родного отца, которого так не хватало в его детстве.

— У меня есть... сын. — не веря услышанным словам, медленно, словно смакую каждую букву в словах, произнёс Даня.

— Да, — кричу, захлёбываясь в слезах. — у тебя есть пятнадцатилетний сын. Наш с тобой сын, что спит у тебя в машине...

От меня отстраняются, делают два шага назад. Ходит вокруг да около, нервно проводя по волосам своей пятерней. Ловко оборачиваются вокруг своей оси, издают нелепый истеричный смешок, переходящего в настоящий злобный рык дикого зверя.

Резкий свист ветра и рядом с моим перепуганным лицом пролетает мощный кулак. Ударив со всей силы одну из балок, та, медленно, но верно, покосилась набок, смещая всю ось с центра на один из шести углов беседки.

— Я убью её, — доносится до моих ушей самый настоящий холод, заставляющий познать настоящий страх за свою жизнь.

Парализованное тело не реагирует ни на малейшие сдвиги, только чувствует. Проникающую под открытые участки тела прохладу, шум трепыхающейся по ветерку листвы. Даня нависал надо мной своей медвежьей тушей, сжимал по сторонам от моей головы перегородку, прорываясь иногда на настоящий рык.

Крепкие плечи вздымаются вместе с ходячей ходуном грудной клеткой. Вдыхая со свистом кислород, проявляя на крепких мышцах рук вены, напоминающих корневую систему деревьев — садись, Ильина, пять за хорошее объяснение, — Устинов держался на одном тоненьком полупрозрачном волоске.

Порвись последняя нитка его нервов, и от всех нас ничего не останется. Зароет, поставив на месте ещё один автомобильный салон. Будем каждое полнолуние выходить, пугая ночных охранников своими призрачными формами.

— Даня, — зову его, стараясь держать голос более тихим и спокойным. Вздрогни на одной согласной буквке, как все спустится с рельс.

Холодный кончик носа касается моей шеи, проводят вдаль к уху, распаяя тёплым дыханием висящую серёжку. Маленькие гвоздики с круглым голубым камушком не мешают проводить Устинову... возбуждающие, можно так сказать... действия.

М-м-м, у меня не было мужчины больше трёх лет, ни исключено то, что мое тело реагирует даже на простой мокрый чмок в протекающую сонную артерию или опаляющий шёпот, проникающий афродизиак! Нет, только не здесь и не сейчас, вообще никогда! Пожалуйста...

— Варя, — моего лица касаются ладонями, потянув на себя, ойкнула. При темноте его карие глаза становятся практически чёрными, пугающими до безумия, без проглядывающего на фоне карего оттенка зрачка. — Пойдем, нам нужно перенести спящих зайцев по кроватям.

Неожиданное заявление. Боялась, бегала по мыслям с клише эпизодом из фильмов, как перепуганную до чёртиков красавицу вовлекают в самый страстный горячий поцелуй со стороны властного, порочного главного героя. Это жизнь, тут такого прописанного сценария не будет.

Поскальзываясь подошвой обуви на плоской поверхности, теряя равновесие, направилась вместе с Даней к его джипу. Шедший впереди меня, расчищая откидыванием по сторонам павшие ветки тропу, неожиданно остановился. Застряв в своих мыслях, продумывая дальнейший шаг, как мне познакомить сына с родным отцом, ботнулась, дезориентировано пав на землю.

— Все такая же, — хмыкают сверху, подхватывая меня под подмышки. — Растеряшка.

Молчу, ничего не говорю на этот счет, отряхивая со спины край перепачканного во всех видах грязи верхнюю одежду. В совершенно чужом городе, где нет ни одного родственника, куда можно наведаться и попросить за те же самые пятьсот рублей простирнуть в машинке пальто. Адреса химчисток не знаю, да и заказ может висеть больше недели.

Придётся ехать обратно домой нагишом либо отнимать у Дианки её любимую уличную толстовку, которую умудрилась взять собой.

Эта ночь забудется на всю оставшуюся жизнь. Рассказав о нашем сыне, Даниил ничего не сказал — ни хорошего слова, ни плохого. Смолчал, поведя себя более сдержаннее, чем могло казаться на самом деле.

А я, дойдя до джипа, выполнила его просьбу. Пока Даня оплачивал за нас номера, я, приоткрыв пред спящим Артёмом, дверь, погладила по макушке тёмных волос. Отрасли, скоро снова вести в мужскую парикмахерскую, терпеть его — «Мам, я не хочу себя под горшок! Мне нравится хипстерская причёска... ну ма-ам!», — благодаря чему ослаблять свои поводы, позволяя сделать так, как он сам хочет.

Я ведь совершенно позабыла, какого это быть подростком. Старалась вести себя точно также, делать все практически самостоятельно, высказывая в более менее скверных словах свою точку зрения. Может из-за этого являюсь слабохарактерной матерью, не проявляя на собственном сыне давление в учёбе, его личной жизни, прогулках до полуночи?

Диана тоже не пыталась поднимать на ребёнка грозный тон крёстной матери, оскверняя грубыми высказываниями о подростковом рвении узнать наш мир более детально, чем мы. Наоборот помогала, поддерживала во всех его начинаниях.

Единственное, каждый раз, когда у него появлялась девочка, мы ему твёрдо талдычили о контрацепции. Позвали друзья на школьную вечеринку — возьми приобретённую самой Дианой пачку презервативов или воздержись от постельных оргий вовсе. Иначе он станет папой в свои шестнадцать лет, а я бабушкой.

— Номера оплачены, — за спиной слышится хриплый баритон Дани.

Оказавшись позади меня, разглядывая каждый проходящий через тёмный локон пальчик, мужчина не сдержался. Прошёлся вместе с моей ладонью по мальчишеским волосам, не веря своим чувствам о происходящем на самом деле.

Ладно маленький ребёнок, его можно взять на руки и трогать абсолютно все: ладошки, сжимающиеся в кулачки, ножки, головку. Тут уже взрослый подросток, у которого есть свой характер, темперамент, амбиции. Тут будет сложнее найти общий язык, чем с младенцем. Машинка в подарок или игрушечный пистолетик, собака или котёнок не помогут.

— Он твоя копия, — улыбаюсь, неожиданно вспоминая его детский вид. Пухлые щёчки, ещё на тот момент голубые глазки, беззубая улыбка. Жаль нельзя повернуть время вспять и воспользоваться шансом поговорить по-людски.

— Я заметил, — пригнувшись, перехватив Артёма под согнутыми коленями и под его головой ладонями, слегка прижав к себе, Даня, имея внутри себя нечеловеческую силу, вытащил ребенка из машины. — Пойдём. Пока ты укладываешь сына спать, перенесу Диану

Сколько времени уже? Два, три ночи? Морфей никак не явится своим чарующим всех нас сном, вызывая для нас сладкие добрые сны.

Хочу провалиться сквозь землю, задушить лежачей под головой подушкой, выкрикнув болезненный крик. Провожу ладонью по лбу, смахивая скопившийся пот. На улице весна, а в отеле до сих пор толкают людям стеганные тёплые одеяла, заставляя всех спящих потеть ручьём.

Свернувшись на второй односпальной кровати Диана промычала нечто неразделенное, несвязанное между собой предложение. Откинув сквозь сон одеяло, повернувшись на другой бок, поджала один из краёв ногой под себя.

За противоположной стеной спит Артём. Вместе с Устиновым. Грызая перегрызанные ещё до этого момента ногти, чувствуя на языке остатки гель-лака, обеспокоенно встала с кровати. В одних хлопковых трусиках, майке и бывших голубеньких носках оглядываю пространство.

Найдя методом тыканья воздуха стул с положенными на спинку вещами, вцепилась в них как голодный волк. Поспешно одеваю порванные штаны, кофту, зачесываю пальцами волосы назад, убирая некоторые пряди за ухо. Медленно, боясь врезаться носом, иду к выходу.

Большой длинный коридор напоминающий общежитие, расположенные по обеим сторонам пронумерованные двери. Кошусь в сторону лестницы, все работники должны находиться у себя, видеть пробегающую меня не должны.

Выхожу из номера, следую к следующему. Прочитав на табличке — «108», — открываю дверь на себя. Освещённая светом телефона небольшая комната позволяет пройти мимо расставленной мебели к таким же односпальным кроватям. Строчивший до этого момента сообщение Даня не обращал на пришедшую меня внимание. Взгляд полной неожиданности перетекший в более пронзительный, вопрос, не заставившего так долго ждать:

— Почему не спишь?

— Не хочу. — отмахиваюсь, подходя к кровати сына.

После той ситуации в беседке, Устинова будто подменили. Помог перенести такого кабанчика как Артём на кровать, Диану, после, попрощавшись холодным «доброй ночи», ушёл. Куда — не известно, о своих походах не вещает, словно кем-то прихожусь: девушкой, женой, обычной подругой из прошлого. В данный момент нас объединяет сопящее под одеялом чудо.

Для меня же отчуждение Устинова никак не влияет. Скинула камень с плеч, поведала о сыне и все. Могу открыто дышать полной грудью, не боясь быть виноватой перед Богом за все страдания, что совершила в перечеркнутой двумя полосками юностью.

Ребенок спит, перевернувшись со спины на живот, обняв руками подушку, довольно мяукнул. Моя главная задача выполнена, убедившись в его целостности, пожелав таких же добрых ночей Даниилу, собралась возвращаться к Диане.

— Варя, — перехватив меня на открытии двери, отец ребёнка, если он так таковым будет, пропустил в коридор.

— Ну что ещё? — устало интересуюсь, пытаюсь выдернуть свою руку из хватки.

Он стал закрытой книгой, которую невозможно прочитать, зная все языки мира. Молча

закрыл за нами ведущую в номер сына дверь, оглядел на наличие персонала холл. Сместив свою тёплую ладонь с лучевой части до помолодевший пальцев, соединив со своими, повёл по противоположной от номеров стороне.

Сто, девяносто девятый, девяносто восьмой. Такими темпами мы добрались до самого первого номера второго этажа. Проведя по уже другой ручке ключ-картой — очень странно, — Даня впустил меня в чуть больший номер с двуспальной кроватью. Горящий ночник позволял разглядеть все бежевые и коричневые оттенки комнаты: стол с прикреплённой над ним плазмой, большой шкаф, кресло вместо стульев, сама койка.

Судя по открытой бутылке алкогольного пойла Даниил находился все это время здесь. В запое от хлынувших рекой проблем. Ничего не ново, ничего удивительного. Все по старой школьной схеме: приключилось беды с Антоном — он вёл себя хуже заключенного, — надо выпить и забыться на несколько дней у себя дома. Задели за гордость, высказав все своё недовольство — нужно сходить на вечеринку и напиться до упадка в обморок.

— Зачем ты привёл меня сюда? — теперь моя очередь становиться бездушной, удерживая на лице молчаливую маску.

— Хотел поговорить с тобой. — оу, неожиданная новость в такую позднюю ночь.

Мне, как девушке, хотелось поговорить именно тогда, когда плакала, рассказывая о нашем сыне. Сейчас стоит обратить внимание на будущий диалог с Артёмом, благодаря которому может состояться долгожданная встреча сына и отца. Хоть они и видели друг друга, разговаривали, мой пятнадцатилетний малыш ещё не догадывается о таком «подарке» судьбы.

— Ты говорила Артёму, что я его отец? — неожиданное предъявление летит огромным кинжалом в мою спину.

— Нет, — стараюсь быть резкой, как можно острее отвечать на выпады с его стороны. — Я рассказывала ему только о том, как ты сильно мог его любить, если бы мне не пришлось уехать из-за сложившихся обстоятельств.

Обстоятельств слишком много. Хоть в них и входила та самая девчонка блондинка, что кричала на всю школу о её беременности, но и без собственных родителей не обошлось умудрившихся отказаться от меня несколько раз за прошедшие пятнадцать лет.

— Тогда почему ты не рассказала мне об этом? — в его голосе едва слышится проскальзывающие нотки настоящего гнева. — Что ты беременна нашим с тобой сыном?!

— Ты сейчас серьёзно? — во мне просыпается недовольство. Взмахнув руками, разводя те стороны, на пол тона выше произнесла. — Как я могла тебе сказать о своей беременности? Подойти к той рыдающей девчонке, встать на колени и точно также проорать о том, что жду ребёнка?

Следующий вопрос сам слетел с моих уст:

— И кого бы ты выбрал: меня или ту, что орала на весь холл: «Ты сам орал, что её бросишь ради меня! Что со мной лучше, чем с ней».

О, да. Эти слова ввелись в мой мозг так, что столовой ложкой не выковырять. Остались выжженной татуировкой на сердце, что болело каждый раз, как замечала слезы маленького ребёнка из-за таких же маленьких детей, тыкающих пальцем и картавя произносящих: «У нас есть папа, а у тебя нет!».

Языки бы за такое поотрывала да Дианка спасла, остановив от серьёзной драки с мамой-наседкой.

— Она не смогла стать матерью, — доносится до моих ушей глухое раздражение, —

Кристина потеряла ребёнка, начав увлекаться наркотиками.

— Сочувствую. — пожимаю плечами, присаживаясь на покрытый постельным бельём матрас. Закинув ногу на ногу, облокотившись назад с помощью подставленных рук, звякнула в сторону Устинова. — Но это не меняет факт пришедшей пятнадцать лет назад измены... Да к тому же... Тебе не понять, через что я прошла, мне не понять, что ты пережил.

Отворачиваюсь, моргаю несколько раз ресницами, смахивая неприятно обжигающие мою нежную кожу слезы. Пора прекратить плакать после каждого слова, стоит взять себя в руки, провести между нами линию. Нас больше ничего не связывает, только взрослый сын. Ни о какой любви, взаимоотношениях, дружеских посиделках идти речи не может.

Запрещать видаться с Артёмом не стану, наговаривать за спиной гадости тоже. Если сам Даниил захочет наладить отношения с сыном, то пожалуйста — держать на дальней дистанции не буду. Все будет зависеть от двух одинаковых темпераментами мужчин.

— Если хочешь, я могу в открытую сказать Артёму о том, что ты являешься ему отцом. — сухо произношу, разглядывая красивый бежевый ковёр на полу. Глядеть на его лицо совершенно не хотелось, боялась ударить выученным с тренировок сына кулаком. — Но тогда тебе придёт конец от него самого.

— Это ещё почему? — его персона подходит ко мне. Садится возле ног на корточки, обхватывает ладонями талию. — Он будет рад такому отцу, как я: красивого, богатого...

— Ему нужен отец, а не мешок с деньгами! — резко осаживаю за глупые мысли, не больно ударив ногой в его живот. — Тот, кто будет болеть за его очередную победу в боксе, кто будет с ним ездить на ту же самую рыбалку, пряча в тайне от матери фляжку с «чаем».

Разговор зашёл в тупик. Большой длинный тоннель, в котором нельзя найти выход из сложившейся ситуации. Оба молчи, не знаем, как именно подвести разносторонний итог блюдец с грубой каймой. Как по мне Устинову будет проще наладить с сыном язык, нежели мне, матери, которая должна будет придумать огромную для будущего разговора речь, подготовить Тему к будущему знакомству, в котором может быть абсолютно все.

Даже драка, учиненная самим ребёнком. Боюсь после такого не только у меня порвутся доверительные отношения, попадут под раздачу абсолютно все.

— Как я помню у него проблемы в школе, — зашли с другой стороны, используя свои грязные уловки. — Я разберусь с этим делом, доказав всю свою...

— Не стоит, — его ладони спустились чуть ниже, к моим более пухлым, чем само тело, ногам. Стоит похудеть, иначе направляющиеся взгляды на мою «аппетитную» пятую точку и ляжки не прекратятся до старческого возраста. — Его переводят в другую школу. Поэтому поднимать шквал гневных эмоций не нужно.

Молчит. Нагло положив свою голову на мои колени, уткнувшись в спрятанный под одеждой пупок, Даниил что-то пробурчал. — Не молчи, скажи мне хоть пару слов... и они нашу спасут любовь.

Не влюбляйся, милая... Не люби, пожалуйста...

— Мам, — обеспокоенный голос Артёма слышится совсем далеко, словно он сидит не рядом со мной за кофейным столом, а в километрах. — Зачем тебе на завтрак вино?

Удивлённо таращусь на заказанный в руке бокал красного вина. Медленно играюсь ним, разглядывая практически полупрозрачную виноградную жидкость. Вспоминаю, зачем приобрела столь недешевый напиток в такое раннее время. Все складывается на свои места после увиденного, сидящего по другую сторону от меня, работавшего Устинова.

Клацает по телефону, записывает тихим, но грубым тоном голосовые сообщения для той самой бедной девушки, что видела у себя на работе. Ей бы уйти от него, найти более достойную себе работу, где не будут тыкать в лоток словно маленького слепого котенка.

— Мам, — обеспокоенность сына не даёт мне покоя, — может ты пойдешь поспишь?

Отрицательно качаю головой, ставлю на стол почти допитый бокал с вином, всем корпусом тела поворачиваюсь в сторону Артема. На фоне яркого солнца его карий взгляд становится более янтарными, отражая всю красоту юного чуть смуглого лица.

— Боже, — над ухом слышится голос подруги, — вид зомби из фильма ужасов. Ты хоть спала сегодня или так, маялась?

Дергающий из руки в руку Даня отложил все свои дела, беспристрастно оглядев всю мою женскую натуру. Никто не должен знать о случившемся ночью, особенно Тема. Узнай о моих слезах, истерично рвотных позывов, устроит боксёрский ринг. Хоть тренер и предупреждал его не заниматься отсебятиной, что повлечёт за собой серьёзные последствия, сын предоставит место в больнице. Бесплатно.

— Со мной все в порядке. — заверяю всех. — Просто лёгкое недомогание, связанное с завтрашним днём.

После стольких лет вновь встретиться с выпускниками бывшей школы, провести время в компании взрослых женщин и мужчин, по имевших от жизни абсолютно все. Надеюсь все будет так, как ребята планировали: хорошую карьеру, работу мечты, поездка в Штаты, где останутся жить на всю оставшуюся жизнь. Одна я не пришей к голове рукав: прибыльная работа, взрослый сын и все. Больше за эти года у меня ничего не появилось.

Разве что настырный «поклонник» в лице лица Артёма. Сидит, буравит прохладным взглядом мою проявившую шипы душу, сжимает от внутренней злобы вилку.

— Мам, — от следующего вопроса все пришли в единый тупик, — если там будет ОН, ты покажешь мне его?

Подымаю брови кверху, матерюсь самыми различными не культурными словечками, сжимаю на коленях свободный край платья-свитера. Взятая собой одежда спасла меня от не нужных беспокойных взглядов, ссадина на коленке разлилась фиолетовым синяком, не будь тёплых леггинсов, было куда хуже, чем сейчас.

Хочу повторить заказ с вином и, выпив несколько бокалов алкогольной продукции, завалиться в номер спать. Диана решила отойти от этого разговора усердным размазыванием по нарезанному хлебу масла, принесённого к заказанному завтраку, Даня...

Которую минуту сверлит мой лоб, выжигая как по деревяшке выжигателем: «Скажи ему, что я его родной отец! Иначе разломаю это место до сыпучей крошки цемента!».

— Сынок, — развернем ситуацию в другое русло, — я с радостью покажу тебе твоего отца. Однако не могу тебе заверить на все сто процентов, ведь жизнь переменчива.

Боясь ему хоть как-то навредить, не подумав хорошенько головой, добавляю:

— Мне главное, чтоб ты был готов к этому... сам.

— Да, — Дианка кивает на мои слова, прожевывая кусочек бутерброда, — жизнь очень странная штука. Тем более, сынок ты мой крещённый, что ты будешь делать, если увидишь своего папашку с другой женщиной и ребёнком?

На стол брякнулась чашка кофе. Привлекший к своё персоне внимание всех трёх пар глаз, Устинов пару раз кашлянул в кулак. Попросив прощение за свой неприятный до одури инцидент, моментально вклинился в НАШ с сыном разговор.

— Вот вы сами ломаете мальчишке мозг, а могли спокойно объяснить ему...

— Насчёт? — обмазав ещё один белый хлеб, подруга смахнула кончиком ножа в сторону мужчины. — Все то, что мы могли ему объяснить — объяснили. Здесь уже стоит думать в разных степенях будущей ситуации.

— Например? — складывает руки на груди, смиря леденящим, каким он только мог, взглядом.

Цокнув языком, закатив глаза, Диана посмотрела на Даниила так, словно он является бесплатным сыром в мышеловке. Не нужным, вонючим, просроченным продуктом, который никому не нужен. Даже высккивающей крошку хлеба маленькой мышке.

— Пред тем, как начать сию беседу, — начинает тихо и отстраненно, — стоило подумать о чувствах самого ребёнка. Вот он сейчас сидит и слышит то, как мы обсуждаем его отца. Но никто, кроме самой Вари, не подумал о том, что будет испытывать мальчик, видя улыбающегося совершенно незнакомой женщине незнакомою дяденьку.

Прекрасный завтрак превратился в разборки двух родных мне сердцу людей. Диана навсегда будет в моём сердце, как верная и лучшая подруга, Даниил напротив. Останется первым и единственным мужчиной, с которым встречалась на школьной скамье.

— ... Можно было показать фото. — доносится до меня хрип Устинова, проявляющего агрессию.

Нет, фотографий у меня не было. Все было на старом телефоне, что был утоплен в ванной комнате вместе с корабликами пятигодовалого ребенка. За это можно отругать, шлепнул разок по попе, так как там находились важная для меня информация. Пережила, махнув развалившийся сотовый в мусорный пакет к картофельным очисткам.

Ситуация обостряется. Метая молнии, сидячие напротив люди позабыли о нас с сыном. Тот смотрел со своей стороны, дёргал уголок губ, отвращено корчил нос. На его место стоило встать из-за стола, показать бунтарство ко всем выпадам, нападкам, развернутся и пойти дышать свежим воздухом.

Беру инициативу на себя. Попросив сына забрать со стола телефон с брошенными рядом с салфетницей наушники, направилась к выходу. Нас никто не смог остановить, ни удивленный вскрик Дианы, ни обеспокоенный Даниила. Пускай сидят, показывают воистину прекрасный спектакль для остальных посетителей.

Вон, две девушки за соседним столиком так усердно разглядывают Устинова. Пускай выльет ради них из своего грязного рта мусор, которым способен влюбить любую девчонку, даму, женщину, бабушку с соседнего двора.

— Мам, — выйдя на улицу, шагая по тротуару, Артём решился высказаться. — Что это за лопух?

«Твой отец» — именно эти слова хотят вылететь воробьем из моих уст. Держусь, прикусываю изнутри щеку, считаю до трёх. Медленно втягиваю в лёгкие нагретый тёплыми

лучами солнца воздух. Выдохнув оглядываюсь назад, за нами никто не следит и не идёт, значит можно смело рассказать ребёнку о сложившейся ситуации, надеясь на самый лучший исход для наступившего дня.

— Это... друг из той школы, где я училась с твоим отцом.

Подходим к дорожному переходу. Бегущий красный человечек, моргнув пару раз на прощание, уступил место зелёному. Шагая вместе с людьми на другую сторону улицы, придумывая на ходу ход мыслей, повернула в сторону отеля. До него тридцать минут ходьбы, на машине пять, используем это время с пользой.

— Понимаешь, — начинаю, пряча ладони за спину, — я знаю, как ты хочешь увидеть папу, поговорить с ним, узнать: почему он не искал нас или завёл другую семью, если так сильно любил меня... Просто...

— Просто нет гарантии того, что он будет рад видеть нас.

— Я этого не говорила. — тыкаю того в бок за глупые мысли. — Мы просто не застрахованы от дальнейших планов самой судьбы. Ну, будет у вас встреча, он увидит тебя, ты его. А дальше? Мы же не знаем, что придётся ожидать от него.

А ожидать от него можно абсолютно все. Его пылкий нрав может отчебучить любую выходку, которую реализует глубоко в переклинившем мозгу.

— Ну, — протягивает Артём, зачесывая волосы назад, — где-то ты права. Действительно будет странно подойти к незнакомому человеку и сказать, что он является отцом незнакомому подростку. Будет проще посмотреть на него со стороны, приняв одну простую вещь.

— Это какую же? — решаюсь нагло поинтересоваться, замечая на лице сына улыбку.

Партизан. Улыбается своей мальчишеской улыбкой, молчит. Смотрю в зеркало его души, замечаю для самой себя самый замечательный факт для этого солнечного после дождя денька: взглядом отец и сын отличаются. У Даниила, если уж сравнивать, более шоколадные, с маленькой янтарной радужкой. Здесь же проявляются дальние восточные корни моего отца.

Мой прадедущка, слава богу смогла застать его до своих семи лет, имел точно такой же карий оттенок глаз, что и у Артёма. На фоне темно-шоколадного оттенка зрачок сливался, оставаясь незамеченным до попадания любого луча света. Будь это солнце или фонарик.

И все же я рада. Счастливо улыбаюсь, поглядываю украдкой на шедшего рядом сына, понимаю: завтра он будет моим единственным мужчиной телохранителем с которым зайду под руку в логово ужасных змей и церберов.

Не могу поверить. Быстро пролеченные дни календаря подвели к тому самому вечеру выпускников. Вот мы уже стоим нарядные, одетые в более менее парадные одеяния, переминаемся с ног на голову.

Ветер к будущей ночи поднялся не шуточный, смахивая с плеч накрученные в незамысловатую прическу локоны, те то и дело спешили попасть в рот.

— Не могу поверить, что я встречу с ними. — морщится Диана, поднимаясь по ступенькам к парадной двери. — Да и где именно? В месте, куда на свидание не сходишь.

Сжимаю покрепче локоть сына. Наш кавалер на этот вечер вёл себя очень спокойно: никаких капризов, никаких уговоров с ним не было. Только маленькая просьба, которую не захотел исполнить ради меня самой — надеть привезённую специально для этого момента белую рубашку и чёрные брюки.

Вместо этого на нём тёмно-синие джинсы, однотонная по цвету футболка. Сверху на плечи накинута подаренная Дианой косуха. Ох, Боже, весь в него. Тот тоже вертел носом от вида принесённой к нему домой рубашки или костюма. Надеюсь с годами все изменится, все эти выкрутасы уйдут и на их место придут что-то другое.

— Идём, — прибавляет шаг, поднимаясь на ресторанное крыльцо.

Открыв словно джентльмен массивную дверь, пропустив нас с крёстной в освещённое одними бра пространство, Артём зашёл самым последним. Он также пропустил несколько прибежавших сотрудников — было видно по белому фартуку, — и средних лет пару.

— Хороший мальчик растёт у мамы, — от тёплых слов на щеках проявляется лёгкий румянец. Давно не слышала со стороны чужих людей добрые слова, в основном меня проследовали более пошлые фразочки и недовольство других мам, которые «знают», как именно нужно воспитывать подростка сына.

— Благодарю за добрые слова. — кивает в знак уважения Артем, следуя за нами на второй этаж здания.

Очень запутанное строение. Несколько этажей, на которых принимают разных гостей, разный интерьер, резонирующий с просторным в бежевых оттенках холлом. Поднимаясь по отделочной под мрамор лестнице, ощущая проявляющуюся на каждом шаге тяжесть, остановилась. Осталось несколько ступенек, выискивая на открывшемся пространстве среди знакомых лиц бывших одноклассников, сжала висящий на шее кулончик.

Никого из знакомых лиц не вижу. Только одиннадцатиклассники, и то все бывшие друзья Устинова. Вся компашка шестерок в сборе, нет только главаря и его верного пса — Антона. Зная этого пацана, его любимые спальные увлечение, в тени находиться не его прерогатива. Первый подбежит, оскалит свою физиономию, начнет лить неприятную для ушей информацию.

Делаю последние шаги, чувствую неприятное покалывание между лопаток. Надеюсь разглядеть поднимающихся ребят, сверлящих открытый участок спины, оборачиваюсь. Никого, только развешенные по прилегающей лестницей стене картины пышных дам.

— М, — мычит Диана, скользя взглядом по мужчинам, — не стоило сюда приезжать. Одни дегенераты собрались, у которых вместо планов на жизнь был заплывший в семя мозг.

— Теть, — с губ сына прорвался смешок, — не стоит говорить такое при них.

— Ой, да ладно, — картинно хлопает кукольными ресницами, — что мне за это будет? Они кроме как засадить меж булок свой чинарик ничего не смогут.

Делают вид будто нас нет и все пролетевшие слова обычный ветер. Непринужденно ведут беседу, сжимают в руках бокалы с вином до момента сломавшейся пополам хрустальной ножки. Вся прозрачная жидкость полетела под ноги с крупичками мелких стекол.

Не дожидаясь всей ругани, пропустив ко входу в зал Артема, прибавила шаг. Непринужденно разговаривая на разные темы, я и Диана расфокусировано рассматривали огромное помещение. Круглые столы с закусками, играющая через огромные колонки на сцене мелодия, беседующие между собой люди...

Мне уже не хотелось здесь находиться. Стоило послушаться Диану, развернуться да пойти на последний сеанс вышедшего в кинотеатры фильма. От всей неприятной суматохи меня спасает пришедший вместе со мной Артем. И именно из-за него мне придется натянуто улыбаться, выслушивать, как у каждого одноклассника или ученика сложилась жизнь, ощущать брезгливый взгляд «богатеньких» лиц.

— Единственное из-за чего можно сюда было явиться — это еда. — потирает ладони Дианка, разглядывая на отдельном столике маленькие канапешки. — Едим, пьем, валим отсюда.

— Ой-ой, — за ее спиной слышится едкий смешок. — Кто же жто тут у нас?

Сашка, та самая заучка нашего класса стояла перед нами во всей взрослой красе, удерживая перед лицом бокал розового шампанского. Аккуратно уложенные в высокую прическу волосы, вечерний макияж, удлиненное с вырезом на левой ноге платье бордового оттенка придавали ей ту самую изюминку в ее красоте.

Раньше на ней невозможно было увидеть простую юбку или сарафан, бегала в одних джинсовых комбинезонах или джинсах, прикрывающие ее тоненькие ножки. Сейчас все наоборот, показывает женскую натуру, привлекая взгляды к стройному телу.

— Сашка, — растягивает руки для будущих объятий, но та не спешила к нам подходить. Стояла в сторонке, испепеляла взглядом стоящего за мной макушку сына. — Ты здесь.

Что-то тут не так. Саша не будет просто так взирать на человека, если в ее чудной головешке не разродится план, касающихся всех нас. Либо она смогла догадаться — с ее то умом, — о том, что перед ней стоит сын самого Устинова, либо перепила и ей начинает казаться несусветное.

— Да, — без эмоционально отвечает, резко меняясь в лице. На глазах появился настоящий страх и боязнь чего-то страшного, что может произойти в ее жизни. — Даня?

Слетает с ее уст и мы, посмотрев с Дианой друг на друга, решаемся завершить наш с ней диалог. Очень странно реагировать на того человека, которого сама терпеть не могла. Вечно выдумывала для Даниила ситуации, с которых выйти сухим из директорского кабинета не получалось. Он ведь, еще в седьмом классе, избил за гаражами ее парня: оставил бедного без одного зуба, больничным на месяц из-за ушибов на теле.

— Странная какая-то, — сев за один из свободных столиков, Диана решается заговорить. — Что же случилось такого, что она так боится его?

— Моего отца? — интересуется Артём, перехватывая из фруктовницы нарезанное дольками яблоко. — Так всё же он бандитом был, да?

— Нет, — резко отвечаю, подзывая жестом проходящую мимо нашего столика официантку. Попросив у той один стаканчик прохладной водички, вернулась к разговору. —

Твой отец не был бандитом. Он был тем, кто готов был биться за правду до самого конца.

Слежу за заходящими гостями. С каждым из них Александра здоровается, обнимая и целуя в щеку. Будь это знакомая нами девчонка или мужчина. Сильно изменилась, стала более раскрепощённой... Дианка тоже следит за всем этим фарсом, хмурится, облизывает кончиком языка нижнюю губу.

— Она ведь тоже журналистка, — решаюсь поинтересоваться, — разве нет?

— Не знаю, — отмахивается подруга, — за все время работы, я её не видела. Даже на сходках.

Я где-то замечала на страницах интернета её интервью с неизвестными мне личностями. Пыталась читать, понимать все изложенное на нескольких абзацах толкование. Вместо этого приходилось изучать излучающие негативные комментарии от людей, которым ничего не нравилось. Не сам заголовок статьи, не интервью.

У подруги на начале карьеры было точно также. Много хейтеров, маленький круг читателей, жестокие отказы в напечатывании её кропотливой работы. Все пришло со временем и теперь, имея забитое гвоздями место в лучшей на мой взгляд журналистской конторе, Диана рубит деньги. Как-то вот так.

— Мам, его тут нет? — в голосе сына проскальзывает разочарование. Сдержав порыв расплакаться перед ним, аккуратно перехватываю его ладонь в свою. Делаю своевольный жест необходимой на этот момент поддержки. Стараясь ничего не говорить, боясь разрушить тонкий купол спокойствия, обертываюсь назад.

Некоторые пары приходят со своими детьми. Кому-то и пяти лет нету, кто-то уже ходит в начальную школу. Вон, один девяти-десятилетний парнишка, проявляя для своего возраста озорство, начиная шкродничать за каждым столом, ввёл во злобу свою мать. Судя по резкому рывку за плечо со стороны расвирепевшей Сашки это был её сын.

Агрессивно настроенная по отношению к ребёнку, она показала всю настоящую себя.

— Интересно, кто её муж? — выпивая предоставленный апельсиновый сок, помешивая трубочкой остаток, Диана стрельнула со стола небольшую виноградинку. — Фу, кислятина.

Совершенно верно. Весь вечер был нудным, скучным и кислым. Подходящие за наш столик ребята, которые никак не забыли о нас, весело обсуждали свои построенные жизни. Один имел хороший заработок, работая на самом севере нашей страны, второй исполнил мечту, открыв в родном городе музыкальную студию. Третья умудрилась выскочить замуж и родить двух карапузов близняшек, что весело болтали вместе с нами о любимых мультяшных героях.

У одной глупой меня все шло по одному и тому же сценарию. Смеялась, пыталась разукрасить разговоры шутками, отстранённо отвечая на взбесившие до белого каления фразочки: «Слушай, а кто его папа? Он так сильно похож на него самого... Просто копия!». Последняя фраза была от третьего или четвёртого друга со школы Устинова.

Тот, увидев до жути знакомое молодое лицо, почесав отрощенную бороду, высказался:

— Да не, очень литой. Даже севший Силуанов это подтвердит.

Фамилия Антона заставляет весь настрой сбиться к чёрту. Слава богу, убежавший с телефоном в руках Артём не слышал этого. Играй он здесь в свои мобильные игрушки, слушая матерые фразочки, тот быстро впитал словно губка непристойную для подростка информацию.

— А что, — подсев ближе, Диана включает режим журналистки. — Этот главный додик школы все же за решёткой?

— Ну да, — кивают, привлекая нашу женскую натуру к интересующему для нас моменту. — Я ещё общался с Даньком, видел всю ситуацию своими глазами.

— И что ты видел? — мне стало интересно, хочу побольше узнать о том мире, с которым оборвала все связи.

— Многое... — произносит словно дедушка, почесывая рыжеватую бородку. — Да и вообще там запутанно все. Та блондинка, что орала в школе о беременности, оказывается не знала самого Устинова. Видела мельком на закрытых вечеринках, но не подходила близко.

— Так от кого она беременна тогда была?

— От Силуанова.

Будь у меня крылья и они бы отказали в полёте — упала, разбившись вдребезги об скалы. Слышать после пятнадцати лет такую информацию, что не укладывается по полочкам атрофированного несколькими бокалами алкоголя мозга очень, очень тяжело.

Хочу встать, пройти в туалет и стошнить застрявшим огромным комком в горле. Попросив прощения за свои действия, встала с насиженного места. Отрицательно махнув на обеспокоенный Дианкин вопрос, пошатываясь, поспешила в уборную. Сталкиваясь плечами с другими женщинами, ойкая от пробегающих мимо пьяной меня малышкой, нашла неприметную дверь женского туалета.

Уборная встретила меня тремя открытыми кабинками и двумя огромными овальными раковинами. Подойдя к одной, увлекательно рассмотрев чёрный с золотым теснением кран, открыла поток ледящей воды.

Пахнувшая различными ароматными маслами мыло ракушка разжигала в лёгких огонь. Хотелось пасть на колени вблизи белого друга и вы тошнить всю съеденную и выпитую за этот час еду. Голова начинает быстрее обычного кружиться, сняв с уставших ног каблуки, отбросив в сторону самой последней кабинки, придержала надвигающуюся рвоту ладонью.

Вся обжигающая язык бардовая жидкость вылетела с горла. Выплюывая остатки вина, не переварившихся закусок, фруктов, сжала ладонью живот. Чувствую себя на третьем месяце беременности Артёмом, когда от всего на свете меня рвало по шесть раз за день. Даже ночью приходилось бежать к туалету, срыгивая обычную вязкую слюну.

Возвращаюсь к умывальнику. Глядеть в огромное с подсветкой зеркало не хотелось, видеть обезображенную меня тоже. Да и что там увижу: размазанную губную помаду, потекшую от слез туш?

Набрав на сложенные в небольшую пиалку ладоши воду, брызнула на себя. Смою весь макияж к чертям, уберу все напряжение.

Слова богу все мои махинации не были увидены кем-то из знакомых. Пришедшая в уборную Сашка видела непоколебимую меня уже будучи отрезвленной, стоящей на каблуках. Разглядывая моё лицо, выискивая нечто незнакомое для себя, она не могла не выразиться:

— Он от тебя ничего не взял.

— Кто? — выгибаю бровь, кидая на тёмную столешницу использованное одноразовое полотенце.

— Сын. — цедит сквозь зубы, складывая руки на груди. — Он копия Дани!

— И что? — пожимаю плечами, стараясь не показывать бушующие ураганом эмоции. — У каждого есть в этом мире копии. Даже у знаменитостей.

— Но не у бывшего мужа! — срывается на крик, топая громко по кафелю шпилькой.

Мне сейчас послышалось или она сказала о бывшем муже? Осознание шаровой молнией ударяет по затылку, заставляя решить самую сложную головоломку моей жизни. Стёртые из

жизни воспоминания из старой школы возвращаются кадрами фильма, проявляя нужные мне зацепки.

Саша ведь была знакома с Антоном ещё с детского садика. Ходили в одну группу, делились всякими детскими тайнами, угощали друг друга фруктами или конфетами. Вот только вся эта дружба прекратилась после поступления в первый класс Силуанова.

Все прекратилось за один и короткий момент, каждый пошёл своей дорогой. Вот только как эти двое смогли наладить отношения, каким именно способом Саша умудрилась зацепить такого, как Устинов? Он не любил таких девушек, ему было проще с серыми мышками вроде меня: тихая, незаметная, которую можно подстроить под самого себя.

— Кристинка, дура, — плюёт ядом, вспоминая имя той самой девушки, — если бы не она, то все удачно сложилось. Она бы осталась с Антоном, я бы с Даней.

Делает шаг ко мне, разрушая некогда тёплую атмосферу вечера.

— Но нет, надо было развязать язык, перенюхав дозу кокаина!

И в эту секунду раскрывается дверь, влетают три темноволосые макушки, оглядывая с головы до ног то Сашу, то меня. Обеспокоенный моим состоянием Артём, крикнув единственное слово «мама!» чужом успел словить павшую на коленки меня. Сил больше нет это слушать, хочу забрать сына из осинового гнезда и увезти обратно в город, где о нас позабудут за короткий миг.

— Ты хотел увидеть отца, — шепчу ему на ухо, боясь быть услышанной кем-то ещё. Пора покончить с тайнами раз и навсегда. — Он перед тобой.

Визжащая от всего этого Саша, давя из глаз слезы, молила Даниила не делать поспешных действий. Оказывается я сама виновата в том, что накинулась на неё: начала угрожать, оскорблять последними словами саму девушку и сына. От одного только убийственного взгляда карих глаз Устинова хотелось сбежать в другую страну, сменив имя и ориентацию.

Мне стало ужасно плохо. Замерцавшие перед взором светлячки кружились в вихре танца. Упав обмякшим телом в объятия перепуганного моим состоянием сына, пред тем как закатить глаза, услышала:

— Мама!

— Варя!

Мир погрузился во мрак.

Даниил

— Данек, — мой старый друг, Макс, хлопает громоздкой ладонью по плечу. — Сколько лет?

Ровно столько, сколько не хотелось возвращаться сюда. Разглядываю помещение, давящих сквозь скрываемую зависть улыбки, салютуют бокалами алкоголя. Моя цель нахождения среди других бывших учеников школы — это сидящий за одной из колонн Артём.

Хочу подойти к нему, поздороваться обычным рукопожатием и сказать: «Вот он я, твой никчёмный папашка». Нарастающая злоба на подбежавшего к нему малолетнего спиногрыза Александры заставляет притормозить с этой затеей, поглядеть на разворачивающуюся картину.

Мелкий гаденыш, не имея никакого воспитания, начинает пинаться, требовать подростка принести тому то же, что выпивают все взрослые люди. Вино или шампанское. На что слышит сухой ответ — «нет».

Проходящие мимо меня бывшие одноклассницы, здороваясь, пытались запудрить мне мозги своими расспросами: «как жилось в другой стране?»; «ты всего добился в своей жизни?». Нет, млядь, не добился. А все из-за одной мерзкой гадины, что поплелась в сторону дамского туалета, куда только недавно зашла Варя.

— Ты что делаешь? — доносится крик Артёма.

— Да пошёл ты! — момент и до моих ушей долетает звук ломающийся вещи.

Сидящая за два столика Дианка, резко встав с места, цокая длиннющими каблучищами, виляя пред всеми своей пятой точкой, направилась в эпицентр развернувшегося хоррора. Завидев стоящего возле входа меня, скорчила моську так, словно перед ней не человек, а животный помёт, махнула ладонью.

Я не шестёрка, чтоб бегать и выполнять твои требования.

— Что здесь произошло?

Подойдя ближе, разглядывая валяющийся пред ногами разбитый, с потекшим экраном, мобильный телефон Артёма, засек валявшегося рядом с диванчиком ребёнка. Потирая невидимый ушиб на лбу — видимо от злости щелкнули хорошенько, — поглядывая то на подходящего меня, то на сына, то на его, даже говорить не хочу эти слова, крестную, мальчишка, испугавшись, убежал с места преступления.

Далеко не убежит, мать заплатит за его совершенные преступления. Она же должна как-то долг отработать, значит пускай выплачивает все до последней копейки. И не мне, а бывшей однокласснице — Варе.

— Этот молокосос телефон швырнул на пол. — полыхает неистовым гневом Артём, напоминая себя в молодости.

Точно также, без раздумываний, мог лбом долбануть по парте, вывихнуть за гаражами руки, сломать челюсть, нос. Заставить просить прощения за то, что тронули меня и то, что принадлежит лично мне. Вроде бы, если не изменяет мне память, хахаль Саша тоже получил по заслугам... А, точно, он же обсуждал своим похотливым грязным языком, как лишит Варю целостности.

Ошибочка вышла, она давным-давно ходила порванная моим членом. И все из-за

вскипевшей на одной из закрытых вечеринок страсти. Видимо на одной из них у нас и удалось наплодить потомство, ведь других мест, где мы могли заниматься любовью не было.

— Не могу поверить, — ругается как старая бабка Дианка, — как у этой заучки вырос обалдуй?

Никак. Наплодила потомство с бывшим другом на свиданках в зоне закрытого типа, теперь страдает, изображая жертву мать. Да только пацан нафиг не сдался ей, только выплачиваемые за него пособия, на которые, собственно, и живёт. Как бы не старался Силуанов не может передавать грязные деньги через посредников.

Спасибо хоть где-то мои связи сработали. Помогли избавиться от старой жизни, повернув на новую дорожку. Более светлую и извилистую.

— Дегенерат мелкий, — рычит Артём, потирая ушибленное этим пиздюком место под подбородком. — Будь другое воспитание одним щелбаном не отделался.

Молчу. Ставлю себя на его место. Лицом один в один, темпераментом, сложившимся в некоторой степени характером. Одно только воспитание мешает увидеть вторую копию себя: набыченного, обозленного подростка, что готов пасть в драку ради удовлетворения потребностей. Но я не сын и сын не я.

Могу запросто схватить мелкого Силуанова и вздрючить. Даже его мать стерва не помешает.

— Держи, — подняв разбитый телефон, тут же отдаю в руки Артема.

— Благодарю. — взгляд мелкого тигрёнка и тот перехватывает свою вещь. — Где мама? Я хочу уйти с этого места.

— Она в уборной, — отвечает Дианка, разглядывая крестного сына на наличие каких-либо повреждений. Нет, на нём ничего не было, только лёгкий ушиб. Но вот у мелкого... там может и рука растяжение связок получить. — Пойдём, я позову её и мы поедем в отель? Все равно закуски тут отстой.

Лишь бы пожрать. Как она со своим аппетитом не съела кого-нибудь ещё, представляя себя самкой богомола: спрыснул спермой, откусила голову, плотоядно улыбаясь. Фу, ужасно представлять её обнажённой и с голой задницей мужика, что тренькает своим пиструном её саму.

Следую за спиной Артёма, рассматриваю оглядывающих, шепчущихся между собой девах. Никогда не пойму суть женской природы, как развязно обсуждать то или иное, придумывая слухи прямо на ходу. Бесят, раздражают с новой силой.

За дверью, что вела в женский сортир, послышался крик Сашки. Дура, неужели решила действовать на фоне старых ошибок, начиная рыдать о безответственной любви ко мне? Варю так просто не пробьешь, она другая, изменилась за эти пятнадцать лет. Не то что потерявшая все школьные знания курица.

— Диан, — обхожу её, надвигаясь а двери. Обхватив дверную ручку, подав подруге Варьки сигнал — на что та кивнула, — резко дёрнул вниз.

Убью. Отвезу в лес и, мать её, убью!

— Мама! — доносится перепуганный голос сына, заставляя обернуться и увидеть павшую в обморок её.

Где-то вдалеке слышится театральный рёв Саши, звук собирающихся на представление зрителей. А я, боясь прибить здесь всех к чертовой матери, сдерживая внутри себя воспламенившуюся бомбу, рывком хватаю за локоть падаль и веду в сторону выхода.

Ага, ну да, конечно, Варька плохая, обидела животное «оскорблениями». Если бы я с

ней в школе не встречался, то точно поверил этому косяку, но, тц, ошибочка вышла. Бывшая школьная любовь даже мошки толком не обидит, про послать далеко в лес вообще молчу. Растеряшка, всегда за моим крепким плечом находилась, зажимала уши при одном только слове — «хуй».

Пустившийся в пляс ветер раздувал из мухи слона, поднимал ввысь бушующий ураган эмоций. Жаль, очень жаль тому, что бросил курить после переезда в другую страну. Сейчас бы затянуться, почувствовать тот самый обволакивающий лёгкие никотин и блевнуть от забытых чувств моментально.

Как только отходим дальше проходной двери, завернув за угол к стоящим возле чёрного входа мусорным бакам, сжав гусиную шею, вдавливаю тело в стенку. Вырывающаяся из моих лап Саша пыталась дотянуться до моих глазах нарощенными когтями, разорвать всего меня в клочья.

— Не выйдет, — отвечаю, отрывая её ноги от земли. Пускай болтается, одно неверное движение и будет валяться на больничной койке и ссать под себя. — Я тебя предупреждал, что бы ты не лезла в мою жизнь? Предупреждал?!

— Да пошёл ты! — цедит сквозь зубы, проявляя настоящий оскал. — Она не твоя жизнь. Смею напомнить, она тебя бросила, скрыв факт своей беременности.

Сдавливаю шею сильнее, разглядываю конвульсивное состояние задыхающейся девки. Отпускаю, мне не нужен труп здесь, пускай живёт. Пока что.

— А кто в этом виноват? — срываюсь на рык. — Кто заставил прийти перенюхавшуюся дозу кокаина подружку Силуанова и при всех растрезвонить о беременности?!

Я очень прекрасно помню тот день. Пришедшая заплаканная Кристинка, снимающий на свою камеру телефона придурок Антон, полетевшая в сторону туалетов Сашка. Нет бы пойти к ним, тряхнуть при девчонках её, рывкнуть, какая она мразота, учудившая прямо в школе концерт одного актёра. Нет же, Кристина, бедная дуреха, пригвоздила при всех на публике одной только фразой о беременности.

— Я любила тебя! — выкрикивает слова, на которые мне глубоко плевать. — Я хотела, чтобы ты был моим! А не серой мышью, что боялась трахаться с тобой при свидетелях за стенкой!

— За это я её и любил! — мой кулак врежется рядом с её лицом. И плевать на разлившуюся боль по костяшкам.

— Да не любил ты её! — кричит, начиная с усердием вырываться из мёртвой хватки. — Как и не любил меня, не уважал своих бывших друзей! Ты даже не искал её!

О, как запела, мразь. Да у меня после того случая проблемы на проблеме были: взятая из задней части обезьяны чужая беременность, несколько заявлений в полицию, суды, связанные с бывшим другом.

Вся моя жизнь пошла под откос. Чуть не выгнали из школы, еле поступил на платное обучение в институт. Спасибо заработанным непосильным трудом деньгам, что предоставлялись директору и заму огромными суммами взяток. Бессонные ночи, голодание, потеря сознания прямо по середине пешеходных переходов. Я все испытал на собственной шкуре из-за никчёмной любви той, кто даже не сдалась мне!

И знайте, я был рад тому, что Варя свалила из того чертова места, скрыв от всех нас о своей беременности. Ведь узнай об этом кто-то из бывших подельников Саши, Артёма могло бы и не быть. Умер, как и не родившаяся дочь Кристины.

Как сейчас помню тот роковой вечер. Антон как всегда бухает со своей компашкой из

лица, Сашка на тот момент не появлялась на нашей общей сцене, молчала, ждала подходящего момента. Перенюхавшая дозу кокаина Кристина, сидя на моей кровати, рыдала, изливая всю свою душу.

Она то все и поведала: как Сашка встретила с влюблённой в Силуанова ней, как та предложила ей беспроигрышный вариант сделать Антона своим навеки. Влюблённая глупая девчонка, поверила мразотне, доверила жизнь новорожденного малыша пятнадцатилетней курве. По плану Саши нужно было разыграть спектакль перед школой, сказав об обычной любви к парню, чтоб видели все учащиеся...

Сделала, мечтая оказаться в объятиях парня, которого любит. Розовые очки слетели, ничего из этого не произошло. Наоборот отказались, заверив Кристину о том, что Антон не может иметь детей из-за бывшей детской травмы.

Ага, конечно, травма... Эта травма ходит где-то в зале, мешает другим людям весело отдыхать, вспоминая школьные радости.

С того дня прошла неделя, узнавший об этой новости приехавший с заработков отец незамедлительно заставил меня жениться на той, кто... потерял ребенка. Эта девчонка была мне как появившаяся младшая сестра, с которой играли на публике счастливую пару: помогал ходить в больницу ради сдачи анализов или проверки УЗИ, был в трудные моменты, когда ту снова избил Антон за то, что та появилась на его пьяном пути.

Мне до сих пор не верится в то, что её не родившаяся дочь погибла от рук Силуанова. Решился прибегнуть к хитрости, попросил Сашку найти таблетки, вызывающие преждевременные роды...

Его после того случая посадили. Лично я это сделал. Подкинул в его карманы найденные у Кристины наркотики, позвонил в полицию. Мелкая не могла участвовать на заседании, так как после смерти ребёнка её голова перестала соображать, вырезая на теле имя «Стеша» — именно так она хотела назвать малышку, — мне пришлось пойти на крайние меры.

Попросив прощения перед ней, я запек подальше от всех глаз в закрытый стационар. Её там лечат, ухаживают. Я был там недавно, играл с ней в шахматы, привозил различные фрукты и сладости, по которым так сильно соскучилась.

И именно тогда, когда все пешки исчезли, сама королева явилась. Показывая свою театральную доброту душевную, слезы за бывшую «подругу», Саша решила пойти на крайние меры. Захотела занять место Кристины, отобрав у той личность. Я мог доказать отцу, что это не та, кто была беременна, не та, кто является любимой девушкой...

Но эта мразота оказалась гораздо хитрее, спрятала все свои документы у своего раздолбая брата, что работал в органах. Успей пикнуть, тронуть, хватануть и всех нас засадили по решеткам.

Вот только она не учла одного, жизнь со мной — это настоящий ад. Никакой любви, ни ласк, ни самого настоящего секса. Пока она бредила о семье, я загибался на стройках, собирая деньги для будущих взяток при поступлении на платное отделение университета. Спал на холодном бетоне, ел еду из ларьков, заучивал библиотечные книжки для поступления.

И вот, пока меня не было, двадцатиоднолетняя девица бегала на свиданки к своему бывшему другу, трахалась, удовлетворяла с Антоном свои потребности, возвращалась домой. Но на это мне было плевать!

Отец к тому времени почил наш мир, можно смело было подавать на развод и уезжать в

другую страну, создавая для себя самого тот мир, который я хотел. И плевать, что развод шёл больше года из-за истерички, твердившей о «нашем» ребенке... ДНК никто не отменял.

— Варя все равно не примет такого, как ты! — её плевком попадает прямо на мой левый глаз. Вытерев его краем рубашки, сжав ещё сильнее её горло, процедил:

— Мне не важно — примет или не примет такого козла как я, мне главное то, чтобы такие уроды как ты обходили её и моего сына стороной. — рука разжимается и её толстая туша летит прямо на землю. Откашливаясь, выплевывая вызванную сильным слюноотделением слюни, даже посмотреть побоялась. — А теперь свободна. Живи со своими проблемами сама, я из этого дерьма давно вылез.

Закончив с ней разговор, иду в сторону машины. Достав из кармана брюк телефон, набрав затерявшийся среди других контактов номер Дианы, прислонил аппарат к уху. Находясь уже в отеле, разглагольствуя о всей неприятной ситуации, чертовка смеет высказаться по поводу меня и Саши. Пусть говорит...

Отключенному звонку. Бросив смартфон в бардачок, поднажав на педаль, превысил скорость. Пускай штраф отправляют — оплачу, пока есть возможность. Дальше такой фокус не прокатит, все деньги будут уходить на Варю с сыном. Да, может она и не простит меня, не примет меня обратно. Уж лучше буду псом, что будет бегать за хозяйкой, выполняя команды.

Пред отелем, на одной из скамей сидел поникший Артём. Завидев свет зажжённых фар, он тут же встал с места. Кое-как вырвав ключи зажигания, хлопнув со всей силы дверью, прибавив шаг, домчался до него. Вид у него потерянный.

— Как там твоя мама? — задаюсь вопросом, поглядывая на стеклянные двери отеля.

— Спит. — отвечает, отходя обратно на скамью. — Она просто перепила вирус, вот и отключилась.

— Ясно. — смотрю на него.

Думаю, что он не идёт? Мама с его крёстной в номере находятся, им наверняка понадобится его поддержка. Его взгляд сфокусировался на моём лице, разглядывая свою старшую копию, выискивая некоторые детали, Артём, не веря своим собственным ушам, выдал то, чего не мог услышать все эти пятнадцать лет:

— Мама сказала, что ты мой папа. Это правда?

И взгляд... неверующий, будто перед ним разыгрывается настоящий сон. Медленно, но верно, киваю. Даю понять ему — я его отец, настоящий, родной, единственный... Хотя и козёл со стажем.

— Прости. — произношу, подсаживаясь к нему на скамью. — Прости, что появился так неожиданно в твоей жизни.

Ох, не могу поверить. Тот вечер выпускников закончился и пролетел моим пьяным сном. Больше не буду столько выпивать алкоголя, организм не справляется с ним, так буду пить только по праздникам и в малых количествах.

В чужом городе было хорошо, в родном еще лучше. У Артема в новой школе наступили каникулы, теперь его даже домой не загонишь — бегает со своими друзьями по улице, гуляет. В квартиру забегает только поесть, и то в редких ситуациях, либо грохнуться уставшим телом на кровать.

Ведет себя обычно, хулиганит порой, шутит да смеется. Словно не было никаких переломных моментов в его подростковой жизни. Ему ведь рассказали о Данииле — его отце.

— Варя, — в мой кабинет врывается тот, кого не стоило вспоминать. Даня. — Нам стоит поговорить.

— О, — сидящая рядом со мной Дианка, закурлыкала, увидев потенциальную жертву. — Какие люди. Госопдин Устинов, как прошло открытие вашего автосалона?

Только сегодня, рано утром, по одному из новостных каналов проговорили о состоявшемся открытии автомобильного салона предпринимателя, бизнесмена — не знаю, — Даниила Устинова. Было традиционное открытие с перерезанной алой лентой, кучу папарацци, запустившиеся в небо шарики.

Из Дианкиной компании тоже были люди, но не она сама. Боялась «случайно» задеть гвоздем новенькую иномарку и процарапать надпись по хлеще настоящего «козлика».

Смотрят друг на друга, пускают мечи, копья, стрелы, молнии, не замечают никого. Даже заходящей кот мне Анны Алексеевны. Та быстро передала документы на подпись, украдкой посмотрела на бывшего заказчика, поспешила удалиться с поля боя.

— Если ты о своем проекте, то его уже давным-давно сделали. — отвечаю, подводя к себе клавиатуру. — Поэтому до конца по коридору и налево, третья дверь будет ждать тебя с объятиями.

Карий взгляд стремительно переходит на новую цель — меня. Ругаться с ним, обвинять во всех бедах, повышать голос на его выпады мне не удастся. Я на работе. Все что мне надо делать — мило улыбаться и ждать клиентов, что приедут только через час.

— Я не за этим сюда приехал, — нагло подходит, садится на свободное кресло. — я приехал сюда из-за Артема.

— Что с ним? — хором с Дианой интересуемся, боясь услышать то, чего нельзя. Запрещенные препараты, первый секс, подростковая беременность... Все проходили с ним по несколько раз в полгода. Чтоб не забывал крестной кулау и мои потрепанные нервы. Тем более становиться бабушкой в тридцать лет не моя прерогатива.

— Он не принимает меня как отца. — признается Даниил, шокируя всех сидящих. — Словно пустота.

— А ты что хочешь? — отложив чашку кофе от себя, Диана махнула ладонью. Задев пару локонов, те спали на ее плечо. — Он подросток. Ему что, следовало как пятилетнему ребенку прыгнуть с радостными объятиями и прокричать: «Папа!»?

Вот оно что. Так дело кроется в прохладном отношении сына к родному отцу.

Я не знаю, что происходило после отключки в тот вечер. Не знаю, о чем именно могли

разговаривать Даня с Артёмом. Все, что мне довелось увидеть и почувствовать материнским сердцем спокойствие со стороны сына, его тёплые эмоции и, с моим пробуждением, тёплые объятия с фразой: «Я люблю тебя, мам».

Самые лучшие слова, подарившие мне надежду идти вперёд, преодолевая самые тяжёлые для жизни трудности. Без его и Дианиной поддержки моя жизнь превратилась в настоящий ад с долгими и изнурительными испытаниями. Даже бабушка не сумела бы помочь: просто стояла смотрела, как из меня превращают в няньку.

— Хотя бы простой «привет», — скопировав Дианин тон проголосил Даня, вызвав лёгкий смешок. — Он как видит меня, так сразу начинает избегать.

— Просто дай ему время, — устало произношу, чувствуя нарастающую головную боль. — Диана верно подметила, он не маленький ребёнок, а взрослый пятнадцатилетний мальчик. Стоит подождать прежде, чем он сам подойдёт к тебе и заведёт диалог.

На его месте я тоже бы не стала разговаривать с Устиновым. Но говорю, и все из-за Артёма, который нуждается в родном человеке. Ему нужны другие родственники, с которыми будут не будут тёплые отношения. Не повезу же его к моим родителям ради порции оскорблений в наш с ним адрес.

Все кончено. Пора оборвать с ними связи, в моей жизни больше не появятся трудные моменты, которые вынудят отправить сына в чужой для него город. Все умеет: приготовить пельмени, вынести мусор, нажать кнопку включения на стиральной машинке. Можно смело оставлять одного, проверяя время от времени на наличие второй более взрослой жизни.

Проявившееся сквозь облака солнце осветила часть монитора. Встав со своего места, подойдя к открытому кверху окну, дёрнула в сторону шторой. Слегка затемнив кабинет, оглядев всех присутствующих, поспешила к стоящим в ряд по одной стене шкафам. Стоит подготовиться, достать необходимую малинового оттенка папку, раскрыть, поглядеть на распечатанные бумажки.

Эх, бумажная волокита даже у тех людей, что вечно сидят за мониторами, строча на клавиатуре тот или иной номер документа. Лучше б пошла на флориста учиться... Или работать на завод.

— И сколько это время должно продлиться? — интересуется мужчина складывая свои крепки руки на груди. — Пока не сдохну.

— Оптимальный вариант. — смотрю на Диану, сарказм так и льётся из её уст.

Идеальная пара. Он физически убьёт, она морально затравит.

Оба ничего не успевают ответить, в мой кабинет влетает ошпаренным студнем всеми любимый подросток. В голове сразу закрадываются непристойные мысли, касающиеся будущих родительских отношений со стороны Устинова. Как он сказал, в его жизни не было детей, поэтому он не знает, как с ними вести и что для их счастья требуется.

Вся его любовь будет откупаться огромными суммами денег и ему будет неважно: понадобится Артёму из купленного или нет. Здесь другой подход нужен.

— Артём, — тычу в его сторону шариковой ручкой, — обернись и закрой распахнутую дверь. У меня не проходной двор!

И вообще, это действительно не проходной двор. Время окончания обеда, Диана должна находиться у себя в офисе и выписывать на белом листе текстового редактора бушующие по городу новости, Даниил же... про него ничего не знаю, не девушка и не жена — знать всю его подноготную должна сидящая за дверью Элис.

Виновато почесав свою макушку, обернувшийся в сторону коридора Артём закрыл за

собой дверь. Извинившись за сумбурный залёт, он, увидев всех присутствующих, превратился в более сдержанного. Кстати, Даниилу он ничего не сказал и не пожал протянутую на встречу ладно, отчего тому стало не приятно. По глазам вижу, не так представлял себе отношения с сыном.

— Теть, — проявив на лице улыбку, Артём бросает на её колени газету. — Твоя работа?
— А что там? — машет каблучком, изображая в этой ситуации жертву.

Подхожу к ним, выхватываю газету. Просматриваю несколько различных заголовков, взятых из интернета фотографии. Перелистываю страницу, замечаю картинку старой школы Артёма. Интересно, сажусь за стол, опираюсь щекой на подставленную ладонь. Вчитываюсь в несколько абзацев.

Не поняла. «Школа... номер... следует провести проверки по отношению...». Вчитываюсь ещё раз, пытаюсь найти зацепки, имена либо фамилии тех людей, которых описывают на новостной страничке. Потираю пальцами зачесавшийся лоб, прикусываю пересохшую нижнюю губу.

— Диана, — в голосе так и сочится проявляемая агрессия — я тебя...

— Люблю? — прерывает меня, вставая со своего места. — Я тебя тоже, моя милая подружка.

— Не это! — цапаюсь. — Глупая, зачем нужно было писать про школу?

Она смеётся залиvistым смехом. Наклоняется через стол и не больно щёлкает по носу, заставляя коснуться и почесать тот самый участок нежной кожи. Один из присутствующих, Даня, не понимает о чем идёт речь. Бросив в него раскрытую газету, проглядев несколько строчек, победно улыбнулся.

А, ясно. Оба решили действовать, перекрыв каждому трубки с кислородом. Кому-то это очень весело до жути, но не мне.

— Расслабься, — заверяет подруга, надевая на плечи свою куртку. — Если же не мы прекратим цепочку всех бед, то кто-нибудь другой. И навряд ли с чужой стороны обойдутся одним письмом в вышестоящие органы. Все, люблю вас.

Взгляд на Устинова, самодовольная ухмылка и прощальный средний палец дали ему остро ощутить то, кто лучше всего справляется с обрушившейся ответственностью.

— Ну не знаю, — надменно поправляет на себе пиджак, проговаривая, — может эти вышестоящие органы занимаются этим.

Мысленно даю каждому по подзатыльнику, называя всех подряд глупыми. Нельзя было заниматься самодеятельностью за моей спиной, стоило обсудить, поговорить и морально подготовить к будущим потрясениям, что выльются серьёзными проблемами не на их плечи, а на мои.

Ой что будет с нами, если вся эта ситуация дойдёт и до той самой школы, куда перевелся Темка? Не выгонят ли его, не заставят писать ещё один перевод в уже другую школу, что находится на противоположном конце нашего городка.

— Артём, — смотрю на него жалобным взглядом, — там же не только над тобой измывались?

— Нет, — отрицательно мотает головой. — Над девчонкой, которую также рано родили, издеваются... Плюс в классах поменьше учится ребёнок с ограниченными возможностями. Ну, ты видела, мальчик на костылях видела.

— Да-да, — киваю вспоминая того ребёнка. Несчастливая авария и инвалидность на всю жизнь. — Думаю... действительно будет лучше, если той школой займётся.

Попрощавшись со мной, помахав ладонью отцу, сын пустился в бега. На улице ясная погода, наверняка с мальчишками побежит гулять к запустившимся в парке фонтанам.

— Вот, — показывают на закрывшуюся за ребёнком дверь. — Махнул и сбежал.

— Я вообще не понимаю, что ты докопался до него? — проявляю неистовую агрессию к сидящему напротив меня Устинову. — На его месте давно тебе влепила, чтоб знал, как это больно и неприятно ощущать себя брошенным.

Все эти случайные встречи, разговоры после вечера выпускников, налаживание тех самых отношений, которых попросту нет и не будет... Действительно начинает напрягать, хочет найти общий язык с ребёнком — пускай следует за ним и пытается провести с ним диалог. Моя работа на этом окончена. Я и подготовь ребёнка ко встрече, и поговори с ним на серьёзные темы... Не маленький, тридцать два года уже, а так это уже считается наглостью.

Время восемь вечера, дома стоит настоящая тишина. Никто не клацает мышкой, не швыряет в коридор кучу платьев, восклицая о том, что нечего надеть на завтрашний день. Набираю сообщение подруге, интересуюсь, будет ли она дома ночевать или у неё очередное свидание с прекрасным мужчиной.

Ответ не заставил себя долго ждать. «У меня наметился великолепный вечер в номере отеля при свечах» — гласил ответ, вслед за которым отправился смайлик сердечка и пламени.

Пускай веселится, отдыхает. Ей тоже нужно создавать личную жизнь, не будет же всю жизнь сидеть рядом со мной, щёлкать семечки возле подъезда, обсуждая новый молодёжный стиль.

Переворачиваюсь на бок. Стоит заменить диван на новый: несколько пружин так и давят в поясницу, хочется постелить под простынь тоненький матрас или одеяла, чтоб не так сильно ощущалось. Первого у нас нет, второго очень много валяется в шкафу.

— Ох, вставать не хочется. — постанываю, поднимаясь с тёплого и уютного местечка.

Звонок в дверь заставляет застонать ещё сильнее, только мысленно. Кого можно увидеть поздним вечером пред нашей дверью? У всех, кто тут живёт, есть собственные ключи — домофонные, обычный верхний и нижний. Диана не может так быстро повеселиться и прибежать, Артём же сейчас находится в игровом клубе.

Становлюсь старой. В колене при подъёме с дивана что-то щёлкнуло, обдав сустав резкой болью. Машинально потеряв ладонью, касаясь покрывшейся тонкой корочкой ободранное место, двинулась к звонящему в дверной звонок. Узнаю, что это соседские дети балуются руки по отрываю и родителям всучу.

В третий раз, когда позвонили в дверь, я не сдержалась. Схватила висевшую на крючке большую железную ложку для обуви, замахнула большей частью кверху.

Подхожу ближе к глазку, смотрю через него. Замечаю знакомое до боли лицо, которое не хотелось видеть и сейчас, и завтра, и через месяц, и через года. Внутри все сжимается от просыпавшихся клокочущей ненависти, злости, разочарования.

Можно было отказаться от него насовсем, уехав, не будь у меня в жизни никого, в другой город или, как он сделал, страну. Но нас связывает уже повзрослевший сын, которому, на минуточку, нужен человек мужского пола, способный помочь ему там, где мы, девушки, будем бессильны.

Двойное чувство. С одной стороны по шее надавать хочу, с другой стороны впустить и просто прижаться к такому крепкому широкоплечему телу. Познать бывшие желания, затаившихся внутри.

После очередного звонка не выдерживаю. Поворачиваю замок, открываю на распашку дверь. Увидевший моё оружие Устинов выгнул бровь, театрально поднял ладони напротив лица.

— Бить не буду. — произношу, убирая предмет обратно на крючок. — Зачем пришёл?

— Поговорить, — меланхолично отвечает, пытаюсь зайти внутри. Не даю, встаю туда же, куда хотел вступить защищёнными до блеска туфлями. — Пустишь?

За его спиной с лестницы спускались две мои не любимые, да и всем подъездом тоже, бабулечки подружки. Им не дашь и шестидесяти-пятидесяти лет, нет, более хорошо

выглядят, следят за своим здоровьем. Но языки у них — враги номер один: про всех все узнают, на придумывают и выскажут сидя возле подъезда с другими бабулями.

Вот и сейчас, остановились, поглядели на нашу пару, переглянулись.

— Вам что-то нужно? — сухо интересуюсь у них, облакачиваясь плечом об косяк.

Не ответили. Скрючило лица так, будто увидели нечто не пристойное. Промолчали, спустились на три этажа вниз и, не выдерживая, стали лялкать обо мне и новом мужчине, которого решила привести в дом ради удовлетворения потребностей.

— Языки бы им оборвать. — воспользовавшись моим замешательством, Даня быстро юркнул в коридор. Закрыл за собой дверь, снял пиджак.

Поглядываю на него, как он по-хозяйски стал здесь раскручиваться, думаю: отходить по его спине веником? Отрицательно мотаю головой, выбрасывая злые мысли из головы. Да что же это творится со мной, весь день хожу вся озлобленная, уставшая и нервная в придачу.

Хочу накричать, побить со всей силы кого-то, растерзать до удовлетворительности. Заламываю пальцы, стараюсь спокойно дышать, ощущать в легких летящую с открытого кухонного окна прохладу.

— Я хотел бы с тобой поговорить. — повторяет Устинов, присаживаясь за мой компьютерный стол.

— О чем? — сажусь на край дивана.

Стараясь не показывать свою усталость после рабочего дня, смотрю в лицо собеседника. От света включённого ночника его взгляд светлеет, заставляя вспомнить о красивом камне, что создаётся из застывшей смолы. Янтарь, вроде бы так называют. Спокойные черты лица, слегка островатые скулы, до боли знакомые губы.

Как вспомню, что они вытворяли в моей прошлой жизни — как властно сжимали, высасывали весь воздух из лёгких, опьяненно ласкали каждый открытый участок тела, — внизу сразу отдавало той самой позабывшейся истомой.

— Наш сын меня ненавидит. — произносят, заставляя вскинуть бровь кверху.

— Это не так.

Для этих подтверждений следую в спальню сына. Сколько себя помню, когда мой малыш делал различные поделки, рисунки, все прятала в огромной коробке. Артём, видя свои детские достижения, краснея от «позора» собирался их выкинуть. Но, зная меня, все будет спрятано от его глаз подальше.

Подтянув к шкафу находящуюся в комнате кухонную табуретку, сняв тапки, рывком поднялась и, обхватив ладонью при открывшуюся дверцу, попыталась дотянуться до еле проглядывающейся коробки. Достав её самыми кончиками пальцев, потянув на себя, ойкнула. Все, что было внутри, распласталось прямо под моими ногами.

Услышавший громкий звук Устинов прибежал быстрее ветра, оглядывая то меня, то помятые, со временем пожелтевшие, разрисованные листы, он потянулся в мою сторону.

— Давай помогу... — перехватив меня за талию, молниеносно ощутив тот самый содрогающий мой мозг порыв пошлых чувств, Даниил помог спуститься на ковер. — Растеряшка.

Его тёплые ладони сместились с талии на спину. Мозг заплыл, перестал соображать, одна из шестерёнок дала сбой в работе. Прикасаясь своей грудью к его, ощущая сквозь застегнутую на все пуговицы рубашку бьющийся в такт с моим сердцебиением его, сместила взгляд вниз. Не хочу смотреть на лицо, боюсь выдержка исчезнет и вместо пощёчины, которую так осознанно хочу влечь, будет то, о чем позабыла три года назад.

— Варя, — его шёпот опалает моё раскрасневшееся ухо. — Посмотри на меня.

— Не хочу, — под его напором мой голос превратился в настоящий писк.

Нет, не буду смотреть. Н-не хочу... Тем более, что я там не видела? Вся его внешность передалась сыну, которую переглядываются за все эти пятнадцать лет вдоль да поперёк. Знаю, что у двоих рядом с правым ухом родинка...

— Варя. — не дают мыслить спокойно!

И смотреть туда, где не будет видно его карих глаз, как и поднимающейся кверху колбасной палки. Думала, если поступлю взгляд, то никаких хлопот не будет. Все гораздо хуже, чем может быть в моем подсознании.

Томный шёпот, поглаживающая спину ладонь, что не позволяла отодвинуться от мужлана, проникнувшего второй культижкой под край моих домашних бриджей. Ощувив его наглые пальцы под резинкой моих хлопковых трусиков, больно закусил внутреннюю часть щеки.

— П-прекрати! — хлопаю того по груди, слегка отстраняя его от себя. — Скоро Артём дома будет.

Как скоро, минимум через два-три часа. Хоть ему и нет восемнадцати, бегать поздно ночью пока не имеет полного права, но его даже домой не затащишь. Найдёт с друзьями приключение на каком-нибудь заброшенном доме или складе, станет колупаться, выискивая паранормальное явление.

— Вот, — тыкаю на валявшиеся поделки, — посмотри, потом в коробку сложишь.

И бегу в гостиную, попутно закрывая сразу две двери. В спальню сына и свою. Был несколько раз по горящим щекам, пытаюсь привести себя в осознание того, что произошло между нами несколько секунд назад. Он возбудился, я ощутила давно забытую ласку, что наравилась вырваться отчаянным стоном.

Сделай так и Устинова было не остановить. Накинулся диким зверем на податливую овечку меня, облюбовал прямо там, возле шкафа или на полу, запуская свои...

— Гхы, — укутываюсь под одеяло, прячась словно маленький ребёнок от всех несуществующих страхов и бед.

Зажимаю ноги в коленях, пытаюсь убрать тот самый затянувшийся узел похоти и разврата. Низ живота отдаёт тягучим наслаждением, закусив край большого пальца, потянула ноги к груди. Поза эмбриона никак не спасает меня от наваждения, последовавшего после простых объятий!

Почему так? Ну вот почему? Мозг говорит оттолкнуть Устинова от меня, избавиться насовсем, а душа и сердце словно птицы в закрытых клетках — пархают крыльями, пытаюсь высвободиться и полететь к нему навстречу.

Утыкаюсь лицом в подушку, стараюсь не заскулить протяжным воем. Это не выносимо — терпеть находившегося за стенкой ходячего тестостерона, от одного только касания хочется превратиться в жидкую субстанцию.

Незаметно для самой себя касаюсь ладонью нижнюю часть себя, ощущаю обжигающее пульсирующее тепло, доводящее меня до натурального безумия. Ещё немного и мои мысли покинут чат, оставив черепную коробку под что-то другое.

— Варя, — над моей накрытой одеялом макушкой раздаётся смешок. — Выходи.

И заходят на границу! Скользнувшая рядом с моим лицом ладонь быстро поприветствовала мои зубы. Укусив указательный палец, слегка надавив на него, заставила Устинова зашипеть. Не помогло, его провокационные действия нарушали мой смиренный

покой под теплым куполом.

Звук скрипящих под его телом пружин слышала хорошо, как и его скользящий набатом смех. Разглядывая с его стороны решительные движения перед лицом я не заметила того, как он оказался вместе со мной под одеялом. Сверху. Без рубашки! В одних, твою ж дивизию, брюках!

— Попалась. — произносит, скользя кончиком носа по моей впадинке между открывшейся его взору груди.

Гх, вот зараза! Провёл меня точно также, как и в школе. Заговорил, загипнотизировал движениями, нагло поднял край моей домашней футболки, оставляя на том самом раскрытом месте до невозможности жаркий поцелуй.

Меня накрыло. Сжав рот ладонью, боясь сделать хоть один протяжный стон — именно этого он и добивается, — сжала копну волос. Потянув ближе к себе, встречаясь с наглым, затуманенным от проявившихся чувств взором карих глаз, сжала ноги. Наглая мракобесия решила не терять момента и проскользнула именно туда.

— Нет. — сама рычу, а сердце и прерывистое дыхание выдаёт с потрохами.

— Да.

Спусковой крючок запустил обратный отсчёт.

Три. Наши губы встречаются. Жадно зацеловывая каждый миллиметр нежного участка тела, содрогаясь от вторгнувшегося нарушителя спокойствия, ловя настоящую эйфорию, не могла не позволить себе положить обескураженного моими действиями Устинова.

Хочу быть сверху. Дразнить его приобретённым за это время опытом. Целуя, обхватывая зубами нижнюю губу, оттягивая, дрожащими пальцами старалась расстегнуть пряжку ремня. Не удалось, прекратила бессмысленные попытки вторгнуться на его поле, прохожусь ноготками от кадыка до виднеющихся из под штанов край... блядской дорожки. Вроде бы так её называют.

Два. Вернувшись на позицию бедной невинной овечки, чувствуя под спиной прохладу простыней, скромно простонала. Все моё тело начало гореть, содрогаться после каждого оставленного мужчиной поцелуя. Проводя мокрую дорожку от моей шеи до налившейся кровью груди, Устинов решается поиграться с ней.

Охая от каждого касания к моим затвердевшим соскам, прося после каждого будоражащего всхлипа остановиться, Даниил, видя мою податливость, делал все наоборот. Нагло продолжал ласкать, массажировать, играть, оттягивать. Все его действия превращали моё ослабшее тело в растекшуюся лаву. Ещё немного и меня можно соскабливать с пола.

При прикосновении его ладони к тому самому месту, мои ноги сжались со всей силы. Не позволяя там ничего делать, даже заигрывать с бутончиком, потянулась к его шее.

— Поцелуй меня, — прошу, податливо прикасаясь к губам мужчины своими.

Один. Ласки закончились. Приступая к решительным действиям, Даниил щелкнул бляшкой ремня. Чертыхаясь сквозь поцелуи, стараясь как можно быстрее избавиться от брюк, мужчина дёрнулся в сторону. Очутившись вновь на нём, пройдясь ладонью по открывшейся мне территории, нашла то, отчего с губ слетел настоящий гортанный рык.

Всего лишь один момент, как вещь летит к остальным на пол. Горячая, пульсирующая плоть находится у меня в ладони. Проводя по ней то вверх, то вниз, чувствуя стекающую вязкую жидкость, Даня не позволил насладиться подаренной возможностью ощутить давно забытое ощущение.

Скинув с меня последний элемент одежды, открывая для потемневших карих глаз то

самое заветное место, наглая ладонь легла прямо между ног. Начались настоящие пытки: постанывая от массирующих движений, прося остановиться, Устинов никак не собирался слышать меня.

Накрыв в последний раз наши губы в упоительном поцелуе, спрятав женское тело в своих объятиях, Даня, проведя несколько раз своим достоинством по моему бутончику, слегка надавив на него, окончательно заполнил собой.

Задыхаясь от хлынувших ощущения, чувствуя себя по истине настоящей девушкой, содрогалась при каждом новом толчке. Наполняя всю пустоту самим собой, даря забытые за все пятнадцать лет яркие невесомые чувства, Устинов проявлял со своей стороны неожиданную щедрость. Он то и дело нашептывал на ушко различные ласковые фразочки, обнимал при болезненном вскрике, гладил по слипшемуся от жара волосам.

У меня такого не было даже с теми, кто был после него. Там всегда все шло по одному и тому же сценарию: кафе, подаренные цветы, ночь в номере дешёвенький гостиницы. Пару мимолетных поцелуев, быстрое скидывание одежды — порой просто отдергивала край трусиков в сторону, — пару тройку движений в одной позе и все. Времяпровождение заканчивалось походом в душ, холодным «до встречи», блокировкой номера телефона.

А здесь... накрывает волной настоящего экстаза, заставляя выкрикнуть прямо в губы имя мужчины. Словно заново родилась, почувствовала настоящей любимой девушкой, а не кем-то другим: ни подружкой, ни женщиной лёгкого поведения.

Внутри меня взорвался настоящий фейерверк чувств, на глаза брызнули слезы, а на губах расплылась довольно счастливая улыбка. Обнимая за крепкую шею все ещё нависающего сверху Устинова, порой поглаживая того по отросшей на щеке щетине, все же смогла собраться с мыслями, твердящих одну и ту же фразу.

— Я все же люблю тебя.

Бух.

Бах.

Ба-бах.

Звук доносящийся с кухни вызволил из крепких объятий сна. Рывком сев на диване, мысленно вспоминая, где нахожусь, вспомнив, попыталась найти под подушкой свой мобильный телефон. Не нашла, роюсь по всем подушкам, пропускаю ладонь между диванной спинкой и разложенной сядушкой — он мог туда завалиться, — взираю на рабочий стол.

Два смартфона лежали на столешнице подключенными к зарядным устройствам. Один, с поцарапанным временем чехлом, был мой. Второй — на вид более дорогой, — моментально запиликал от пришедшего сообщения.

Неизвестный номер, неизвестные слова на иностранном языке — все сводило с ума. Особенно грохот и неприятная ругань среди мальчишек...

Стоп!

Найдя брошенный на стул халат, обмотав им себя, не забыв завязать пояс в крепкий двойной узел, поспешила на место преступления. Время раннее утро, кто не спит, тот собирается на работу. Диана так рано не просыпается, ей проще дождаться заваренного кофе с завтраком, после чего встанет, радуя нас не серым лицом, а улыбкой. Артём тоже, благодаря каникулам ему можно отсыпаться хоть до часу дня.

— Огонь! — таким криком можно разбудить всех соседей.

Ещё один звук и я влетаю прямо в разлетевшийся по комнате чёрный дым. Стараясь не вдыхать ядовитый угарный газ, махая перед собой перехваченной с кухонной столешницы полотенца, добрела до окна. Раскрыв на распашку, прогоняя всю гадость из дома, обернулась на стоящих возле мойки Артема... и Даниила!

Все чувственные моменты прошлого вечера вспыхнули в моей памяти настоящим салютом. Столько всего было: сладостное занятие любовью, поход в ванну, где умудрились сломать душевую лейку, обжигающие упоительные поцелуи.

Шея начинает покрываться красными пятнами от стыда и позора. Отец и сын смотрят на обескураженную меня, интересуются моим состоянием здоровья, просят присесть на предложенный стул.

— А, — стараюсь найти язык, переводя указательный палец то на одного, то на другого. — Вы стали общаться?

Только вчера один из их парочки не обращал на другого внимания, отчего тот бесился от настоящего бессилия, как на утро, судя по валявшийся на столешнице битой скорлупе, пытались приготовить омлет или яичницу, вооружившись лопаткой и вилкой.

Словно братья близнецы виновато почесывают макушку, взъерошивая ещё сильнее воронье гнездо. Даниил пытается подойти ко мне, надеясь успокоить обычными объятиями. Вытянутая в его сторону рука не даёт этого сделать, стоит на месте, не шевелится. Впрочем его персона на втором месте, на первом вновь побитый Артём!

— Опять? — интересуюсь, складывая руки на груди. — С кем на этот раз?

Молчит, поглядывает на стоящего рядом Устинова. Думает найдёт в нём ту самую отцовскую защиту, но нет, я превратилась в самую настоящую медузу Горгону — превращу

каждого дернувшемуся ради спасения друга, родственника человека в камень. Таковым спасителем на данный момент является тридцати двухлетний мужчина.

Только сейчас замечаю его обнажённую натуру, что ходила в старых домашних штанах Артема. Выпросил или отдала как милостыню — не важно, сейчас для меня самая главная цель узнать о появившихся боевых заслугах подростка. Ободранный левый локоть, ещё один ушиб рядом с губой, синяк под шеей.

Складываю руки на груди, хмуро оглядываю ребёнка, жду. Когда он сможет рассказать о проблемах с законом. Такими темпами его придётся забрать с бокса, отдав на балет или художественную школу — будет натюрморты учиться рисовать. Хотя, зная своего ребёнка, могу с уверенностью на сто, двести пятьдесят процентов сказать — даже кисточкой уьёт, вонзив в любую попавшуюся дырку.

— Сколько сейчас времени? — решаюсь сменить тему, ослабляя поводья не получившегося разговора.

— Пол шестого. — Даня решил первым прервать тишину, подойдя ближе ко мне.

Легонько оттолкнув его тушку от себя к холодильнику, показав настоящий кулак перед выдохнувшим Артёмом, давая понять — разговор не был окончен, все произойдёт гораздо позже, — шагаю обратно в гостиную. Пока есть время можно повалиться, послушав крутящиеся по несколько раз на дню хит парад песен.

Моя милая подушка развонялась мужским парфюмом, откинув в сторону, подложив под голову край одеяла, прикрыла глаза. Надеюсь они уберут за собой всю грязь, иначе устрою армейские условия — зубная щётка, ватная палочка в руки, и вымывать кухню.

— Мне не приятно, — услышав скрип диванных пружин, сдала поплотнее на груди одеяло.

— Что именно? — веселый смешок и мою макушку обдают тёплым поцелуем.

— То, что сын начал утаивать от меня свои проблемы. — хлопаю по назойливой культяпке, что пролезла на вражескую территорию.

До этого он точно также делал, скрывал самые страшные тайны от меня, боясь быть отлупленным кухонным полотенцем. Сейчас же во мне выиграли, скажем так, ревнивые нотки. Только вчера Артём и Даня не могли найти общий язык: один другого не воспринимал, второй бесился от обычного махания ладонью на прощанье.

— Что произошло, пока я спала? — интересуюсь, поднимая взгляд кверху.

Бездонные карие глаза смотрят на меня с тем самым теплом и заботой. Что-ж за эти пятнадцать лет он не растерял навыки обольщения, смог вернуть бывшие чувства применив самый серьёзный метод, которым пользуются весь мужской пол. Занятием самым чувственным сексом, что был после всех неудачных отношений являлся для меня нечто прекрасным.

— М, — Даниил не решался рассказать об этом с открытой дверью. Прикрыв ту, вернувшись обратно на диван, мужчина мимолётно прислонился своими губами к моим. — Нас, оказывается, спалили.

Для спящей меня понадобилось пол минуты на осознание его слов. После, поняв каждую букровку, каждое произнесённое устами Устинова слово, резко изменила лежачее положение на сидячее.

Шлепаю себя по лбу, не мысленно, по настоящему. Ощувив неприятное покалывание, вздохнула. Да, чувствую себя юной девчонкой, что стала вести себя более эмоционально, чем нужно. Вот и сейчас, ощущая укрывшую плечи подавленность, закусил до боли губу.

Из-за появившейся личной жизни я совершенно позабыла о ребёнке. Не подумала во сколько он явился домой, не накормила, не... спровадила куда подальше Даниила. После душа, решив выпить кружку чая с домашним овсяным печеньем, я не заметила как моё тело обмякло, а глаза сомкнулись.

— Артём, — зову сына, — во сколько ты сегодня пришёл?!

— В одиннадцать! — шлепаю себя ещё раз, только больнее.

Смотрю на Даниила, тот явно в такое время не спал. Бродил по квартире словно домовёнок, выискивая различные тайники квартиры, встречал побитого сына. Что между ними случилось, почему меня не разбудили, как именно нашли общий язык — вопросы витают настоящим ураганом. Ещё немного и у меня сорвёт голову.

Закрытая дверь резко открывается, на пороге в гостиную появляется тёмная макушка сына. Облокотившись об дверной косяк плечом, сложив руки на груди, внимательно оглядел картину: полуголый отец сидит на краю дивана, показывая всем свой пресс с малым количеством кубиков — стареет, скоро животик появится, — мама, разглядывающая немигающим взглядом шейный синяк.

Такой фиолетовый, переливающийся в красный оттенок. Такие синяки бывали и у меня когда-то, например, в школьное время, когда я и Даня...

— Засос? — смею спросить напрямую, нежели изворачиваться как змея, придумывая глупую историю.

Судя по покрасневшийся моське сына я была права. Настоящий, оставленный на самом видном месте, засос! Быть злой или рыдать, плакаться сыну на те самые темы, о которых говорим с начала подросткового периода... Голова раскалывается.

— Так, — тыкаю пальцем в его сторону, — насчёт засоса хочу услышать историю чуть позже. Для начала расскажи, каким именно образом получил новую порцию фингалов?

— Как я могу рассказывать тебе эту ситуацию, если это пятнице является началом всей истории? — вопросом на вопрос отвечают, шуруя прямиком к себе в комнату.

Оставив Устинова в гостиной, запретив ему что-либо делать — разве что ответить на пришедшие сообщения на его телефон, — прошла вслед за ребёнком. Сев за свой компьютерный стол, включив компьютер, Артём поспешил радеть на уши наушники. Не вышло, перехватив их, убрав на место, развернула кресло в мою сторону.

Возвышаюсь над сыном, жду начала ещё одной истории из его подростковой жизни. Ох, надеюсь в будущем из его макушки вылетят все глупости и на их места придут опыт и знания с профессионализмом в тех сферах, на которые опирается ещё с десяти лет.

— Я жду, — нажимаю на него, теряя концентрацию.

— Да что рассказывать, — через несколько минут его прерывает на словесный поток, — Светка, девчонка Валерона, решила меня закадрить. И дошло до этого пятна, который оставила в тот момент, когда сидел за компом в клубе. Тот увидел и драку завёл, а я что, должен был терпеть? Дёрнул пару раз, да и второй раз, когда про отца сказали.

— Что именно? — мне на их любовные разборки все равно, там пока не фигурирует понятие секса и вечеринок.

— Они, когда узнали о том, что у меня отец появился, сразу стали нести какую-то чушь в плане: брать деньги на свои хотелки, заставлять приобретать дорогие подарки.

— Именно поэтому ты старался не обращать на отца внимание?

Прошедший день для моего сердца оставил много разных отпечатков: от обескураженного Устинова, не знающего, почему его повзрослевший сын не обращает на

него внимание, до вечерних визитов, что вернули веру в любовь.

— Надеюсь после этого твоё отношение к отцу поменялось лучшую в сторону. —
обнимаю, чмокнув того в макушку. — Не зря же ты так долго ждал о встрече с ним.

— Если он отмутузит вместе со мной моих бывших друзей, то моё отношение к нему
возрастёт ещё выше.

— Я согласен.

И с кем я только встретила раннее утро?

— Спасибо, что подвёз меня, — благодарю владельца джипа, нажимая на дверную ручку.

Хочется сказать о «прекрасном» пробуждении, о решивших скрыть от меня все свои мужские тайны мальчишках, но не стала. Закусила язык, сжимая со всей своей силы бедные ручки сумки. С такими стоит работать, приносить домой доход нежели устраивать подростковые сценки на людях.

— Такими темпами мы попадём на самые первые страницы жёлтой прессы, — усмехаюсь, поглядывая в игривые карие глаза. — Бизнесмен Даниил Устинов и обычная сотрудница шарашкиной конторы.

— Пускай, — коснувшись большим пальцем моего виска, аккуратно, боясь навредить своими действиями, погладив участок кожи, Даня повторил на своём лице усмешку. — Разве ты не хочешь, чтобы они знали об этом?

Я... как-то не задумывалась об этом. Особенно по поводу возобновленных отношений с мужчиной, являвшегося отцом нашего общего сына. Для меня самой до сих пор не может уложиться выданная на блюдечке с голубой каёмочкой от Сашки, которая, как оказалось — даже думать о таком не могла, являлась первой женой Устинова. Не та самая девушка блондинка, а именно заучка нашего класса.

И только сейчас до моего осознания доходит то, что самой измены, из-за которой пришлось уехать, скрыв своё местоположение с беременностью, не существовало. Был огромный спектакль одного актёра, потерявшего зрителей. Антон, как оказалось, находился за решёткой, та девушка... интересно, что с ней стало?

— Не забегай вперёд, — щелкаю по носу, открывая для себя проход на улицу. Несколько маленьких весенние насекомых тут же залетели в салон.

— Хочешь сказать у нас будет просто секс? — на этот вопрос начинаю закипать. Неприятно такое слышать, особенно со стороны взрослого мужчины.

— Вместо того, чтобы говорить о таком, лучше подумай о сыне. — восклицаю, выходя из машины.

Резко хлопаю дверью, иду в сторону чёрного входа. Настоящий люмпен, сам же довёл до настоящего пика, избавив от пристегнутых своими принципами цепей. Сам залез на меня, стал зацеловать, пробуждая пошлую сторону, что высвободилась на свободу. Словно суккуба, получила свою энергию, за которую приходится расплачиваться разговорами.

— Привет, Павлуш. — машу ладонью, проходя к лифтам.

Не знаю. У меня не было нормальных отношений, чтоб иметь полное понятие всего происходящего со мной. Ещё нарастающая злоба, переходящая то смех, то в слезы. Неужели раньше времени наступили серьёзные женские дни? Сегодня какое число?

Пока высчитывала свой цикл на календарике телефонного приложения, добралась до кабинета. Восемь... двенадцать. Нет, все верно, менструационные дни должны начаться через неделю, сейчас идёт момент фертильного окна, когда в один из дней можно легко... забеременеть.

Упаси Боже повториться с такой проблемой будучи тридцатилетней женщиной. Первый раз забеременела Артёмом во время этих дней, но там я была совершенно молодая и ничего об этом не знала, так и тут, произойдёт серьёзнейшая накладка с такой проблемой — трубы

перекрою, Устинова кастрирую.

Мне Артёма хватает, он уже взрослый, самостоятельный ребёнок. У самой карьера, работа с хорошим заработком. Тем более за такой огромный срок я отвыкла от бессонных дней, постоянных прогулок на свежем воздухе, катая рядом собой коляску. Да и как подумает об этом сам Тема: «Мама, зачем мне мелкий брат?»... он может так сказать, а я?

На аборт, устраивать выкидыш? Мне не удастся этого сделать, особенно с тем, кто будет жить и расти все девять месяцев под сердцем. Артёма так чуть не потеряла, так ещё не рождённый будущий младенец, которого может не быть, и все это мои бредовые мысли.

Не будем думать о таких серьёзных проблемах на работе, лучше включим компьютер, программы, в которых работаю, напишу Диане. Она ведь так и не явилась домой, не перебрала кучу платьев, надеясь найти то, которое было совершенно новое, с этикеткой новомодного бутика.

Время шло перманентно быстро. Заказчики приходили, оставляли за собой заказы дизайна интерьера кухни, ванной комнаты, где хотели сделать огромный тропический душ, даже интерьер двухэтажного дома просили, такой огромный заказ обойти стороной никак не могла.

Через месяц-два будут экзамены у Артёма, надо к ним уже готовиться. Вернее к будущим оценкам, от которых будет зависеть подарок. Может, за место битого телефона приобрету хороший смартфон, о котором мечтал, разглядывая рекламу интернет магазина. Пока пускай со стареньким бегают, звонит и уже хорошо.

Выходя с работы, шагая по тротуару, думала: Устинов решится встретить меня на своём джипе, он это может вытворить, вручив целую корзинку цветов с шоколадными конфетами или вместе с ним будет Артём? Быстро они сдружились, словно между ними не было никакой пропасти.

— Варя, — на моб спину запрыгивает весёлая Дианка, — моя любимая подружечка, как же я по тебе скучала!

— Мы ведь день не виделись, — смеюсь, разглядывая её лицо. Глаза сияют настоящим бриллиантом, ладошки непроизвольно машут, жестикулируют, пытаюсь донести все то, что не знала до этого момента.

Зайдя с ней ненадолго в кафе, присев на наше любимое местечко возле окна, подозвали официанта. Сделав заказ из двух чашек цитрусового чая, чизкейка и небольшого кусочка заварного торта, Дианка, дождавшись ухода работника, еле сдерживая эмоции, хлопнула в ладошки.

— Варя, — она всеми силами пытается не закричать, — смотри-и!

На её правом безымянном пальчике красуется красивое золотое кольцо с несколькими огромными камнями сапфирного цвета. Боясь сделать что-то не то, максимально аккуратно дотрагиваюсь до них. Такие гладкие, прохладные, без малейших царапинок.

— Мне Володя подарил, — она так ласково называет имя человека, а я, вспоминая имя и отчество её нового директора, отчего-то улыбнулась уголком губ.

— Директор? — лучше сразу и без утайки, иначе дальше только хуже. Стану озлобленной мачехой, буду выслеживать голубков по подъездам да выгонять за шкуру кавалера.

По заалевшим щекам понимаю — это настоящая правда. Роман директора и его сотрудницы, которая когда-то, буквально неделю-две назад, говорила о табу: никаких встреч, любви, романтики при свечах с мужчиной.

— Поздравляю, — единственное, что я произнесла, обняв подругу со всей теплотой.

Наконец-то моя подруга, с которой через огонь и воду, будет настоящее счастье, о котором не смела даже думать, встречаясь с брутальными, умными, напыщенными мужчинами. Все думаю, думаю, а на глазах невольно набежали слезы.

— Я очень рада за тебя, — смахиваю непрошенные слезы. — Теперь ты по-настоящему будешь счастлива.

— Да, — шмыгает носом, выхватывая из салфетницы салфетку. Промокнув пару раз глаза, боясь испортить свой макияж, Диана перевела взгляд в сторону подходящего официанта. — Спасибо большое.

Унеся под мышку круглый под нос, официанта оставил нас вдвоём. Вытащив из сумочки телефон, тепло улыбнувшись пришедшему сообщению от любимого человека, Диана коротко ответила и отправила, выключив дисплей.

— Он хочет, чтобы я переехала к нему, — откровенничает подруга, попивая медленными глотками чай, — но знаешь. Не могу. Не могу бросить вас с Артемом.

— Диан, — отложив в сторону кружку, перехватываю её ладони в свои. — Послушай меня. Сейчас это говоришь не ты, а твой страх. Страх остаться без нашей поддержки, быть одной. Но это не так... Ты будешь с любимым человеком, в вашем семейном гнездышке.

— А если этого не будет? — ей стало все равно на макияж, по глазам потекли настоящие слезы. Аккуратно вытирая их, стараясь не задеть оставшиеся стрелки, поспешила успокоить.

— Ты всегда можешь вернуться к нам, приехать и обсудить тревожные для тебя мысли.

Это время настало. У нас с ней разделились судьбы: Диана пойдёт по обсыпанной лепестками роз светлой дорожке к будущему, я же, шагая по тернистому пути, буду искать способ выбраться оттуда. Может и у меня появилось то, что нельзя упускать, отказываться, выкидывать. Просто этого не замечаю или стараюсь этого не видеть, закрывая чёрной маской глаза.

Может моя судьба сам Устинов? Безобразный мальчишка, для которого никогда не существовало правил, делал абсолютно все, что ему самому хотелось, вовлекая за собой ряд людей, терявших самих себя. Сейчас он изменился, возмужал, сделал невозможное для всех нас — поднялся с самого низа, став настоящим бизнесменом. Другая страна пошла ему на пользу.

Наше маленькое чаепитие затянулось на полтора часа, выпивая уже по бокальчику белого вина, поедая оторванные с ветки зелёные виноградинки, посматривала на сделанные Дианой фотографии её и стоящего рядом с ней мужчиной. Солидный, голубоглазый брюнет улыбался профессиональной улыбкой. На одной из фото был запечатлён их поцелуй.

— Ой, — Диана тут же выключила галерею, убрав телефон в сумку. — Что это я.

— Что это мы. — смеюсь, указывая на время. — Засиделись мы с тобой.

Выходили с кафешки полностью счастливые, беззаботные. Последний раз обнявшись, попросив подругу не грустить и не думать о плохом, пошли двумя разными путями. Она вызвала такси до дома своего мужчины, я же, успев на свой автобус, поспешила домой. До этого момента на мобильный несколько раз звонил Даня. Думая, какую очередную ерунду он выпалит, я сбрасывала трубки, после поставив беззвучный режим.

Только тогда, когда доехала до нужной остановки, добравшись до дома, я приняла свою ошибку. Весь измученный, злой Устинов несколько раз подряд бил руль сидя у себя в машине. Увидев его нервозность, шагая на встречу к машине, пару раз ударила костяшкой

указательного пальца по его окошку.

— Даня, — забравшись в его машину, закрыв за собой дверь, взволнованно поинтересовались. — Что случилось?

Смирня обеспокоенным взглядом, он, потянувшись к бардачку, открыв и доставки оттуда целый блок сигарет, вытащил оттуда пачку. Раскрыв, выкинув весь мусор через приспущенное стекло, достал сигарету. В автомобиле тут же разнёсся отвратительный запах табачного изделия.

— Что случилось? — повторяю с нажимом, вырывая из уст вторую сигарету. Специально сломав её, выкидываю не забыв стряхнуть от стружки ладонь.

— Артём пропал.

Как это пропал?

— Как ты мог потерять нашего сына?! — вылетает крик.

Здесь даже без матерных слов не обойтись. Хочется выразиться трёхэтажным матом, хлопнуть со всей силы дверью и пойти в полицию писать заявление. Настоящая чёрная злость поработила вместе с другими эмоциями мой разум. Ладони дрожат, сердце отбивает ирландскую чечётку, отдавая звук набатом в ушах.

Лёгкие будто окаменели, перестали выполнять свою функцию. Начиная задыхаться, я, видя перед глазами настоящие блестящие искры, медленно, но верно, стала терять последние капли рассудка. Стало все темнеть, превращаться в размалеванные пятна.

— Эй, — перехватив ладонями моё лицо, мужчина попытался успокоить мою тревогу лёгкими поцелуями в лоб. — Все хорошо, найдём мы его! Найдём.

— Как?! — рывкнула, почувствовав неприятное пощипывание в носу. — Ты сам то хоть знаешь, где его оставил?!

— Знаю. — вытирая стекающие по моим щекам град слез, Даня кивнул. — Возле магазина, где живут твои родители.

Мне понадобилось минут пять для возвращения работоспособности памяти. Услышанная ушами фраза не давала материнскому сердцу покоя, трепыхаясь словно запертая птица в клетке, следила за более, чем у меня, спокойным лицом Устинова.

Шлепок ладонью и на его щеке проявляется еле заметный красный отпечаток, где-то даже маленькая полосочка от ногтя.

— Чем ты думал, когда вёз его туда? — резко интересуюсь, замахиваясь для повторного удара.

Ударить ещё раз не вышло. Заметивший всю эту канитель Устинов быстро смекнул, перехватив мою руку в свою. Брыкаясь, стараясь вырваться из мёртвой хватки, отчего лежавшая на моих коленях сумка упала, разбросав все содержимое на автомобильном коврике, с возмущённым возгласом метнулась в сторону сидячего на водительском месте Даниила.

Думала ударю лбом в нос, как учил Артём, оставлю окровавленного мужчину в джипе, а сама, вызвав такси, поеду за ребенком. Такой счастливый шанс пролетел фанерой над Парижем, подарив горе папаше нашего сына поцелуй.

— М, — мычу, стараясь отстраниться от него, избивая освободившимися кулаками по плечам и груди.

Сместившись одной ладонью на макушку, а другой на талию, прижимая к себе, Устинов решил действовать так, как он умел. Властно захватив губы, обдавая тёплым дыханием, терзая неприятной шероховатостью — он же не пользуется гигиеническими средствами против шелушения, — заставил смиренно сидеть и ждать его будущих приказов.

— Я так понимаю твои родаки могли втихую его забрать? — интересуются, прекращая поцелуй, но никак не отстраняясь.

— Не узнаем, пока не проверим. — выдыхаю тёплое облачко воздуха. — Но зная их, они это могут сотворить.

Вспомнить третий класс начальной школы у Артёма. Находясь на каникулах, он всегда оставался дома один. Зная его, он мог спокойно для своих лет приготовить яичницу, настругать по-быстрому обычный овощной салат.

И как-то раз, решив заехать без предупреждения в гости, мама с папой увидели то, что не могла увидеть либез я с Дианой. Решив включить добродетельность, ловко собрали школьный портфель с вещами, взяли из его личного кошелька деньги, которые получал размере пятиста рублей в месяц за хорошее окончание месяца, уехали покорять просторы своих пенат.

Я не знаю, с какой серьёзной проблемы стоит до рубить наши семейные отношения топором, но это не единственный случай в моей жизни! То драки за маленького младенца, то манипуляции, использование детского труда в своих корыстных целях, насилие деткой психи своими дурными высказываниями.

Даже удивиться не получится, узнай от Артёма информацию, касающуюся нас с ним и Устинова. Станут языками чесать, оскорблять недвусмысленными словами всех и вся, ставя в пример старшую сестру.

— Зачем вы туда поехали? — прикусываю клыком часть пальца, начиная нервно трясти ногой.

До нашего родного города на автобусе ехать больше двух часов, благодаря машине меньше. Минус тридцать пять — сорок минут от времени, как в глаза бросается большая надпись названия города, где родилась и росла до пятнадцати лет.

— Хотел с мамой познакомить, — прикуривают которую по счету сигарету, выпуская несколько кружков тёмного дыма в приоткрытое окошко. — Тем более, перед тем как поехать с ней, решил поинтересоваться у Артёма: хочет он этого мои нет.

Раз он оказался в более менее знакомом городе, то его желание со знакомством с новой роднёй по отцовской линии был настоящим.

— Он её видел? — задаю вопрос, прикладываясь лбом к прохладному стеклу. Надеюсь холод поможет избавиться от самой настоящей нервозности.

— Не успел.

Ясно. Пока один из разгуливал по магазину, выискивая для приятной встречи тортик или шоколадные конфеты, родители, частые гости той местности, увидев знакомое лицо, перехватили в свои руки, уведя подальше от всех. Наверняка даже слушать не стали его возмущённые возгласы, отец мигом зарядил тому по шее, талдыча о: «Старших нужно уважать!».

Время одиннадцатый час. Названивая на номера сына и родителей, выслушивая монотонные гудки, отбивала на краю автомобильной двери незамысловатую мелодию. Внутри все трясёт, подкашивается, ломается стержень.

Не могу больше этого терпеть, сжав кулаки, впившись острыми краями от ногтей в кожу, прикусывая до болезненных ощущений губу, впервые за долгое время посмотрела на второй этаж кирпичного дома. Свет в маленькой комнате горит, осматривая через открытые окна на висящую под потолком люстру, заметила в правом верхнем углу часть стремянки.

Попросив Даню остановиться возле деревьев, так не будет видно нас, ещё раз набрала номер мамы. Идут гудки, сами к телефону не подходят, расхаживают по комнате — лицезрю это прямо сейчас, — с кем-то ругаются, заноса порой ладони кверху.

Не берут. Звоню принципиально на номер Артема. Раза три точно, уж со счета сбилась, слушая раздражающие звуки, резко переключавшихся на голосового помощника, просящего перезвонить позднее. Видевший моё состояние Даня решил сам дозвониться, набрав на своём собственном телефоне контакт «Сын». Включив для меня громкую связь, стараясь поддерживать обычными рукопожатиями мою неустойчивую к этому времени психику,

подождав сбрасывания трубки, вылетел из машины.

Выпрыгнув в след за ним, все ещё стараясь дозвониться до всех, включая пробежавшую из комнаты в кухню сестру. На её руках ещё один младенец, видимо третий, хлопая того по тянущимся к запыленным на полке конфетам, негромко вскрикивала, требуя прекратить ужасно себя вести.

— Подождешь меня здесь? — смотрю в карие глаза, останавливаясь возле запертой домофоном двери. — Боюсь то, что там произойдет не для твоих глаз и ушей.

— Если что-то случится — звони, — быстро сдался. Наверное до сих пор не забыл бывшие терки с моим отцом, грозящегося вспороть тому живот.

Набираю на домофоне приевшиеся в памяти код, позволявший войти внутрь без помощи ключа. Отремонтированный подъезд встречает мою персону светло-зеленым цветом, закрытыми под полупрозрачными куполами лампочками, освещавших ступеньки.

Прыскнув на выпрыгнувшую из ниоткуда беременную кошку, боясь поранить её даже лёгким пинком под тонкий хвост, поспешила к уже незнакомой мне двери. Старую деревянную заменили на железную с сейфовым замком... Удачно зажили пенсионеры: на детские пособия поставили или смогли за всю свою жизнь накопить сумму с пятью нулями?

Все равно. Пускай делают что хотят, моей семьи этого касаться не должно. Особенно Артёма, голос которого слышала за этой самой дверью!

Плюю на спящих соседей, стучу со всей силы по огромному железу с глазком. Ругающаяся, кого могло принести в такой поздний час, мама не спешила открывать дверь. Притаилась со всей семьёй, требуя всех затихнуть.

— Артём, — стучу несколько раз, — это я. Услышав мой голос, родня посмела открыть дверь и с видом «мы тебя не ждали» пропустили покрытый побелкой коридор. Ремонт затеяли капитальный: везде валяются мешки с цементом, коробки с паркетом либо ламинатом — для меня все на один вид, — детские обои ради выбежавших посмотреть маленьких мальчишек.

— Варвара, — подошедшая к нам сестра удостоила чести произнести моё имя. — Виктория. — в той же манере.

Изучающе смотрит, морщится при виде моего наряда. Да, дорогая моя, то, что ты никогда не сможешь приобрести даже за полторы тысячи рублей, я могу позволить хоть каждый Божий день. Но я этого не делаю, вкладывая все свои силы в выбежавшего ко мне на встречу ребёнка.

— Мама, — обняв меня со всей силы, прислонившись к уху, подросток еле слышно прошептал. — Я думал помру здесь от нотаций.

Из той самой комнаты, что была видна сидя в машине, вышел отец. Постаревший, небритый с пивным пузом с нервозностью рассматривал девичьи сопли. По его принципам мальчишка должен наматывать сопли на кулак и батрачить, горбатясь на любом из заводов. Сейчас не то время, оно изменилось: обсуждать бывшие формы воспитания не нужно. Пускай других внуков воспитывает, к старшему даже близко не приближается.

— Иди в машину. — открываю путь к двери. Кивнув, Артём, даже не прощаясь ни с кем, резко выскочил в подъезд. Закрыв за ним распахнутую во всю дверь, выслеживая каждый шаг подходящей ко мне матери, сложила руки на груди.

— Могла бы и позвонить. — начали с упрёков, отводя обратно в комнату младших с сестрой.

— Телефон проверь. — резко отвечаю, замечая на её лице нервозность. — Звонила тебе,

Артёму. Почему-то никто не брал трубку!

Этот разговор закончится очередной ссорой.

Стою в коридоре, изучаю давно забытую местность. Бывшая комната превратилась в детскую для детей, именно там сейчас находилась Вика, делая вид будто красит или обоину рвёт. Отец и мать, не тая, разговаривали по поводу Артёма, которого заберут без шанса воспользоваться его мужской силой.

Чувствую себя выставленной на всеобщее обозрение картину или статуэтку в человеческий рост — приходят, смотрят изучающим взглядом, шупают маленькими ладошками край платья — до чего, собственно, достают, — пытаются переманить на себя все внимание.

— Мальш, — один из них зацепил меня, но не своей пухлявой мордашкой, а стареньким мобильным телефоном сына. — А отдай мне этот телефон?

— Нет! — заявляет, задирая свой миниатюрный носик кверху. — Мне бабушка его отдала сказав, что это подарок от старшего братика!

И довольный убегает к маме на ручки. Не знаю, как описать эти самые эмоции, пробуждающихся внутри меня, ох не к добру все это приплыло. Косяк за косяком, мама, вот почему не могла дозвониться до сына, его телефон попросту отдают самому младшему из внуков.

— Мама, — голос спокоен, настроена решительна ко все будущим нападкам. Вместо обычных прошений, просьб не ругаться, поднимать панику при маленьких детях, мама хлопает в ладоши, разбавляя тишину звуком от хлопка.

— А что в этом такого? — хлопает глазами, выстраивая из себя потенциальную жертву. — Старший брат решил подарить младшенькому свою старую безделушку. Ты же ему все равно купишь?

— Я то куплю, — шоркаю каблуком по застеленному чем то прозрачным коридорному полу. — Но вы же, надеюсь, поможете? Добавьте от самого подарка тысяч пятнадцать?

Охи ахи слышатся со всех сторон. Мне абсолютно все равно: сами вручили без предупреждения, скорее отняли да передарили из-за начавшихся истерик со стороны мальчишки, так пускай хоть за этот самый подарок отплатят монетой.

— Значит так, — в наш разговор вклинивается отец, размахивая волосатой ладонью возле собственного лица. — Отдавать мы тебе ничего не будем.

— Ты сама прекрасно понимаешь, как мы сейчас живем, — прерывает мама, становясь за спину супруга, — денег у нас никаких нет. Наоборот занимаем у каждого по нитке, надеясь сделать то, что начали.

— Но раз у вас нет денег, то зачем вы тогда затеяли ремонт?! — удивляюсь, вскидывая бровь кверху.

— Мы думали ты поможешь. — сестры ещё не хватало в разговоре. Любит влезть, сделав себя героиней, спасшей людей от злой драконихи — меня. — Племяш поможет папе полы стелить, ты деню...

— Нет! — резко отрезаю разговоры, касающихся денег. — Но никто же не виноват, что ты, будучи мелкой дрянью, залетела от не пойми кого! Кто-нибудь когда-нибудь видел со стороны ситуацию, в которой младшая сестра, имея противоположный от всех характер, не сдерживаясь, дарит старшей сестре упоительный подарок — вlepленную со всего размаху звонкую пощёчину? У той даже губа треснула от моего презента, глаза на мокром месте

стали. — В отличие от твоих сыновей мой сын видится с отцом, — рывкаю, наклонив голову в бок. — И ты, если взглянешь в окошко, не поверишь своим глазам, когда увидишь того, от кого родила. Произнесла это не абы как нарочно. Специально, зная её безответную любовь к Дане. Она же, видя с кем встречаюсь в школе, решила в дурной голове охмурить его, забрать ценнейший приз себе. И красивый на лицо, и сильный, серьёзный, способный довести любую девушку своими знаниями прелюдий до безумия. Виктории было плевать на провал в возрасте. Хотела получить, поиграть, поскакать на младшем друге, от которых сходила с ума. — Как ты можешь подымать руку на сестру? — гневается мама, стараясь защитить дочь. — А как вы можете её защищать, когда она за словами не следит? — не понимаю её мыслей, словно у неё была только одна Вика, ради которой можно все свернуть, преподнеся на золотой ложке.

— Она ведь наша... — мама осекается, замечая мой пристальный взгляд.

В это время в коридор фурией метнулась Вика, вся запыхавшаяся и красная. Глазища круглые пятирублевые монеты, открытый рот напоминает букву «о», ещё немного и она её выговорит, начиная трепетать перед родителями про самую первую безответную любовь.

Ох, в коим то веке рада тому, что Устинов не взял её в жены, ни разу не занялся с ней половым актом, заделав с первого раза ребёнка. В такой семье даже бизнесменом не станешь — начнёшь просиживать обляпанные пятнами от пива тренировочные, переключая каналы с хоккея на футбол.

— Дочь? — решаюсь поинтересоваться тем, что и так прекрасно знаю. — Самая любимая и ненаглядная Виктория, которой нужно покупать дорогую электронику, модные вещи, куклы, давать неприлично огромную сумму на карманные расходы...

— А что ты плачешь то? — хлопает глазками, словно ничего не понимает. — Сама живёт припеваючи в бабушкиной квартире, гребёт деньги лопатой, а нам даже помочь не может.

— А вы мне помогали? — раз начинать ссору, то так, чтоб порвать дальнейшие отношения с лицемерами и эгоистами, любителей нажиться на чужом горбу. — Хочу заметить, «дорогая» сестра, не тебя от тебя отказались, отдав бабушке со всеми пожитками, не тебя на улице драли как кота, выкрикивая слова проклятия!

— Варвара! — отец хотел было уже замахнуться в мою сторону, мать не позволила.

— Гриша, — хватается за его локоть, — не стоит выводить себя. Видишь какая младшая дочь выросла — просто слов нет.

Больше не стану унижаться, просить прощения, пытаюсь наладить оборвавшиеся родительские связи со мной. Может старшая была запланированным ребёнком, а я нет, поэтому ко мне было более холодное, жестокое отношение? Принесла тройку со школы — неделю читать литературу Гоголя и Пушкина; не убралась за отведенное время в комнате — сидишь на кухне, слушаешь со стороны взрослых нотации о том, что такую, как я стыдно замуж выдавать.

— Знаете что, — перед тем как уйти с гордо поднятой головой, решаюсь высказаться. — А я благодарна тому, что моя жизнь в пятнадцать лет круто повернулась. Ведь за эти года, благодаря бабушке, сумела добиться того, чего не смогла добиться сестра: золотой медали, да-да, я смогла окончить школу именно с ней... Отучиться на достойную профессию, подняться по карьерной лестнице и воспитать так сына, как того сама хотела — не соплежуха и маменькиного сынка, а готового постоять за себя мужчину.

Больше ничего не говорю, выхожу из квартиры хлопнув дверью так, что сыплется

грунтовка с потолка. Тяжело дыша, ощущая полное внутреннее опустошение, спустилась на первый этаж. Боже, хоть я и не все высказала родителям и сестре, захлебываясь слюной от животной злости, державшуюся внутри меня самой, все равно такая лёгкость приходит. Наконец-то смогла избавиться от тех людей, что тянули меня саму на дно, не давая дышать, ощущая полную свободу в жизни.

Нажимаю кнопку домофона, издав пиликающий сигнал, потянула от себя дверь. На улице настоящая ночь, освещённая одним фонарным столбом пред подъездная парковка позволяла пройти к стоящим на улице отцу и сыну. Разглядывая на наличие ран Артёма Даниил выглядел очень обеспокоенным. Быстро вошёл в роль родителя, может и просто старшего друга для сына.

— Тварина! — доносится сверху, как на мою голову летит жидкая полупрозрачная субстанция, напоминающая... клей.

Собираю стекающие капли на ладонь, разглядываю очень внимательно. Где-то за стенкой доносятся громкие возгласы мальчишек, шум хлопающих по дороге кроссовок. Ума нет — считай кодекс, так можно описать сестру, решившую поступить таким вот образом.

— Не подымай голову! — на мои плечи накидывают пиджак. — В глаза попадёт...

Вся одежда прилипла к открытым участкам тела, даже туфли. Делаю пару шагов, ощущая неприятное похлопывание в районе пяток. С меня жидкими сосульками стекает мерзопакостная строительная ерунда, попадает в такие места, о которых лучше не знать. И чтобы избавиться от этого меня посадили в чистый салон джипа и повезли туда, где мне пока не место!

Руки дрожат, закусив от взрывающихся всхлипов губу, зажала со всей силы глаза. Мне нельзя плакать в такой ситуации, увидь мою боль, Даня разнесёт всех обидчиков в пух и прах.

Хотя, вче же случилось пред его глазами, мог видеть с калоши этажа, окна выливалась жидкость, кто именно это сделал. Даже держать не буду, умоляя стоя на коленях. Пускай делает все, что взбредёт на ум.

— Артём, — мы заехали к бывшему дому Устинова. Именно здесь, во втором подъезде на четвёртом этаже живет его мама. — Ты побудешь сегодня с бабушкой? — А вы куда? — интересуется. — Разве не проще маме здесь сходить и помыться?

— Не хочу, — мотаю головой. — Сынок, мне не хочется проводить знакомство с твоей новой бабушкой будучи в таком виде. Меня твой папа отвезёт в отель, где смогу привести себя в более достойный вид.

Смогла произнести одну единственную фразу, ощутив моментально горький привкус клея на языке. Выплюнув все содержимое прямо на грязное платье, загородив себя краем пиджака, посмотрела в зеркало правого вида. Волосы превратились в один огромный комок, шея, лицо, руки, одежда — на всем этом были огромные белые пятна. Будь люди глупцами, они бы подумали совершенно о другом, но не сейчас.

Неприятный запах витает по всему джипу, от него даже висевшая ёлочка не помогает, как и приоткрытые окна. Позвонивший своей маме Даниил вышел вместе с Артёмом из машины, махнув мне на прощание, сын впервые встретился с вышедшей из подъезда пожилой женщиной. Увидев точную молодую копию Устинова, она тут же принялась его разглядывать. Касаясь его щёк, ладоней, волос, старушка никак не могла налюбоваться внуком.

Такого стусевавшегося сына вижу впервые. Родные бабушка с дедушкой такого не

делали, вели себя более холодно и отстранённо, делая вид будто нет мелкого спиногорыза. А тут восторженные взгляды, доносящиеся весёлые разговоры. Немного поболтав на улице, обнявшись с мамой на прощание, Даня, похлопав сына по плечу, вернулся ко мне в машину.

— Не переживай, — заверяют мне, вставляя обратно ключ зажигания. — Мама очень сильно обрадовалась Артёму.

— Я заметила.

Посматриваю в зеркало, разглядываю на наличие высохших пятен клея. Высиживая долгое время в джакузи, проливая на себя тонны горячей воды, пыталась привести Божий вид. На всем теле остались неприятные розовые пятна и царапины — отмыть без последствий было невозможно.

Особенно волосы. Пришлось просить Даню помочь с этим делом, тот не отказался от такой возможности, наоборот помог вылив все бутылки с шампунями. Хорошо хоть в моей сумке была расчёска, вычесывали самые мелкие кусочки клея, попутно срезая локоны. Теперь, вместо длинных шелковистых волос — обрубленное выше плеч каре.

Ничего не поделатъ, в жизни отчего-то да необходимо отказаться, оборвать последние концы с прошлым, вступив в новое будущее. Этот день будет отмечен мной, как маленький праздник для моего сердца и души. Избавилась от тягостных отношений со всей роднёй, Артем наконец-то познакомился с бабушкой по линии отца. Жаль до этого не дожил папа Даниила, но я надеюсь он смотрит из облаков и видит построенную жизнь сына.

— О чем задумалась? — горячие ладони накрывают мой живот, притянув к мужскому обнажённому торсу, вздохнула.

— О том, как жить дальше? — развернувшись в кольцо рук, потянулась к крепкой шее.

Мы были оба дико уставшими, хотелось лечь под одеяло огромной отельной кровати и уснуть. Проспать сразу несколько дней подряд, а может и больше. Вот только вставать через пять часов на работу до которой нужно будет доехать, заехав пред ней домой. Грязная в клею одежда встретилась с главным врагом — мусорным баком. Даже нижнее бельё пришлось выбросить.

Стою подле мужчины в одном банном халатике, под ним находится моё обнажённное тело. Пройдясь ладонью ниже, задев край махровой ткани, мужчина пробрался до самой заветной цели.

— Нет, — на мой отрицательный возглас Устинов не повёлся. Оставил все как есть прибавив ко всему прочему лёгкие поглаживания, будоражащих кровь.

Можно смело таять от напора мужчины, поддаться соблазну и завладеть его телом вновь и вновь, но у меня очень веские причины не делать этого. В любой момент может начаться овуляция, попробуй заняться любовью с ним и о бездетной жизни придётся забыть. Наплодит ещё маленьких Артёмов или Софий...

— Я их в гроб закатаю. — слышится нотки злости с его стороны. — Совсем на старости лет чокнутыми стали.

— Успокойся. — тихо прошу, боясь нарушить наше маленькое умиротворение. — Все уже кончено.

— Нет, — теперь его очередь идти в отказ.

Дело его, мои дела: заблокировать Темину симку, приобрести новый телефон. Вспоминаю тот момент с держащим в маленьких ладошках телефон малыша и шлёпаю себя по лбу. Стоило отнять у него да бросить в стенку, лишив всех присутствующих дара речи. На второй вариант — вытребовать деньги, — смысла идти тараном не было.

Отец мог закатить такую бучу, заставив извиняться пред всеми ними стоя на коленях, мама же доносить каждому родственнику о бесстыжей младшей дочери, которую так отчаянно «воспитывали», а та даже помочь не желает. Ни подарками, ни деньгами, ни

собственными силами и нервами. К ни го ед . нет

Помню их воспитание, бабушка не позволяла так себя вести по отношению подростка меня, Дианы с новорождённым правнуком. Давала советы, помогала и всегда, только когда был серьёзный с нашей стороны косяк садилась с нами за стол переговоров, приводя примеры своей бурной молодости. Так и воспитала, пока были жизненные силы. После все самим пришлось делать.

Теплая кровать встретила почти бездыханное тело мягкими подушками. Только легла на укрытую шёлковой наволочкой, как силы стали покидать меня, глаза закрываться, дыхание стабилизироваться...

— Заедем завтра кое-куда? — улегшись на находящуюся рядом подушку, закинув за голову сложенную в логин руку, Даня сверкнул своим темно-карим взглядом.

— Мне завтра на работу. — напоминаю ему. — Так позвони и скажи, что ты не можешь. — по его фразе это так легко сделать: позвонить, сказать о том, что на работе меня не стоит ждать и сбросить трубку.

— Меня так уволят. — даю понять со всей строгостью. — Я не ты, мне нужно работать на обычной работе и зарабатывать деньги. Тем более у Артёма скоро экзамены.

Чуть погода добавляю.

— Ещё ему нужно приобрести новый телефон, — нервозно прикусываю нижнюю губу, пряча лицо в подушку.

Ответной реакции не слышно. Молчит, изредка тяжело вздыхает. Продвинувшись чуть ближе, обхватив полусонную меня, Даня притянул ближе к себе. Укрыв по плечи одеялом, ткнулся носом в макушку. Одаривая лёгкими поцелуями, поглаживаниями по спине, не заметила грядущей пропасти.

Следующий день выдался более мрачным, чем можно ожидать от разозлившегося моими походами директора и походом в детский магазин игрушек. Один вычитает из моей зарплаты прогульные дни, второй, разглядывая на огромной полке детские куклы — цены космические даже для моей любимой Барби, — добрался до огромных коробок с малышами пупсами.

Одна коробка с пупсом мальчиком: голубенький боди, под цвет две соски, горшок, бутылочка; вторая копия, но в розовом цвете. Есть ещё повзрослевшие версии кукол с платьями, с длинными хвостиками. Разглядываю, думаю: зачем всё это нужно Даниилу, может у него есть маленькая дочка, а сам нагло врёт о том, что у него детей, кроме Артёма, нет?

Выбрав самую огромную коробку, он пошёл её оплачивать. Проводив спину взглядом. Не могу его понять. Сначала, пока находилась в ванной комнате, заказал под мои размеры одежду — обычные джинсы и футболку тёмного однотонного цвета, — теперь ходит вместе с продавцом, прося внести в покупки игрушечную коляску.

Прижимаю к низу живота ладонь, слегка сжимаю ткань футболки. Воспоминания с маленьким Артёмом не дают покоя: тяжёлые роды, боязнь брать на руки, бессонные ночи, утренние и ночные часовые прогулки. Было тяжело и очень трудно справляться будучи самим ребёнком, приходилось принимать со стороны Дианы с бабушкой помощь. Кто-то посидит с ним пока отсыпаюсь, кто-то ходил с ним гулять на детскую площадку.

Будь у меня ещё один маленький ребёнок, смогла ли я справиться с той ношей сейчас? Сумела бы вынести лапочку дочку или ещё одного пухлощекого сына, увидеть первые шаги, услышать самое первое слово? «Мама» или... «папа».

— Варя, — подошедший ко мне с покупками Даня выглядел обеспокоенным.

— Что-то случилось? — не понимаю.

Его взор коснулся моей руки на животе. Быстро убрав оттуда, глупо улыбнувшись, попыталась перехватить коробку с куклой в свои руки. Не дал, сам все держал, нёс напрямиком в багажник джипа.

Наша поездка была направлена в сторону психиатрической больницы. Под ложечкой, увидев небольшое трёхэтажное кирпичное здание, засосало, мозг отказал реагировать на сидящего рядом Устинова. Вертел перед глазами пакетиком со сложной булочкой, повторял моё имя. Не реагировала, сжимала вспотевшими пальцами ручку двери. Хотела уже потянуть на себя, открыть путь для побега отсюда.

— Варя.

— Не пойду туда! — резко закричала, вцепившись в ремень безопасности.

— Эй, — меня тут же пытаются успокоить, перехватив моё лицо. Потянув к себе, удостоив губы сладким поцелуем, Даниил попытался успокоить. — Все нормально. Можешь не идти, посиди просто здесь, хорошо?

— Но что тебе нужно от этого места? — интересуюсь, поглядывая на закрытые ворота. — Это ты сюда решил отвезти купленные игрушки?

У страха большие глаза. Все ноги делают. Выходят из машины, подходят к багажнику, пытаются помочь достать обшитую розовой и тёмно-серой тканью коляску. Не знаю для чего здесь все это необходимо, но, спрятавшись за крепкой спиной, шагая по коридору больницы, замечая на дверях небольшие окошки с решётками, прибавила шаг.

— Ой, — увидев шедшую к нам медсестру, схватилась за рукав пиджака.

— Вот уж не ожидала вас увидеть, — произносит через надетую маску девушка, как бы здороваясь с Даней. По её словам он тут является постоянный гостем, словно навещает каждый раз незнакомого мне человека.

Или знакомого. Поговорим с ней минуты три, мужчина, поинтересовавшись чужим состоянием, услышав для себя более менее хороший ответ, вместе со мной направился к одной из палат. Шедшая вместе с нами медсестра, разговаривая на пути с такими же работницами как она сама, достав из кармана верхней рабочей одежды огромную связку ключей, пропустила к больному пациенту.

Открыв для нас вход в просторную залитую солнечными лучами комнату, дав не больше десяти минут для разговора, осталась стоять в коридоре. Оглядывая достаточно светлое помещение, окна с такими же решетками, что и на двери, боязливо делая шаги, оставила коляску прямо по середине палаты.

— Она? — для меня был шок увидеть здесь ту самую девушку блондинку.

В больничной растянутой одежде, завязанными в две косы потускневшие волосы, женщина сидела на койке и играла с таким же пупсом, что был приобретён недавно. Щебеча ласково имя Стефания, поглаживая по резиновой голове пупса, она никак не проявляла к нам интереса. Только к кукле, к своему якобы «ребёнку».

«Она потеряла ребёнка» — вспоминаются слова Дани в номере отеля. Ком застревает внутри горла, заламывая пальцы, нервно дыша, старалась обойти всю эту ситуацию стороной. Она не являлась первой женой Устинова, не являлась второй. Погибший младенец был от Антона, бывшего друга Дани. Ни о какой речи об измене или криках, зачем мы тут находимся, быть не может.

Бедная девчонка являлась разменной монетой для самой Саше, захотевшей встать на

чужое место. Не будь всей это канители родился бы здоровый малыш, все были психически здоровы.

Выходили из палаты также тихо как и зашли. Поглядывать на лицо Даниила не хотелось, особенно видеть в такие моменты его состояние. По нему видно: холодный пронзительный взгляд, выступившие желваки, сжимание разжимание кулаков.

— С тобой все хорошо? — моя очередь пытаться успокоить его.

На улице относительно хорошая погода. Солнце проглядывает из под облаков, тёплый ветерок щекочет открытые участки кожи, летающие по кругу птицы радуют одним только видом. Можно дальше наслаждаться этим моментом, вдыхать аромат настоящей весны, любоваться нетронутой природой.

Прикрываю глаза, не спеша, доверившись шестому чувству, шагаю в сторону машины. Добравшись до капота, проведя по нему указательным пальцем, рисуя на пыльной части небольшие сердечки, глупые смайлики из галочек и кружочком, вскрикнула.

Резко перехвативший, усадивший прямо на мои каракули, Устинов прижался своими губами к моим. Во мне ничего не осталось, один шок от всей представшей картины. Поддавшись небольшому искушению, цепляясь пятерней его тёмной копны, слегка наматывая локоны, превращая те в некрасивые кудряшки, невольно засмеялась.

— Я люблю тебя. — целуя мои щеки, нос, лоб, шею, Даниил повторял одну и ту же фразу. — Люблю. Люблю. Люблю. Очень сильно тебя люблю!

Последняя была произнесена очень громко, аж проходящие мимо мужчина с собакой посмотрел на нас как на глупых любовников, не умеющих скрываться для своих пошлых целей.

— Варя, — Даниил смотрит немигающим взглядом, затрагивая струны моей бедной души, — я люблю тебя. И всегда тебя любил. Пожалуйста, давай начнём все с начала: только ты, я и Артём. Пожалуйста, я очень сильно тебя люблю!

Смотрю на него, медленно поглаживаю волосы, возвращая былую причёску. Изредка покусываю внутреннюю часть губ, возвращая себя с небес на землю. В наших жизнях столько всего произошло: каждый пострадал, излечился, встал на ноги, поднялся по ступеням до того пьедестала, до которого смогли добраться не покладая рук.

Может и правда судьба такая серьёзная штука, которую никогда не понять. Сидишь, думаешь глупыми мыслями, а от тебя ждут ответа, после которого все решится. И я не знаю: что мне сказать?

— Братик, ещё, ещё!

— Ты правда этого хочешь?

— Да!

Играющие на зелёной лужайке дети весело проводили время, играя в обычные детские игры. Бегая босыми пятками, весело хохоча над подбрасываниями к облакам от старшего брата, младший представлял себя самолетиком, взлетевшего высоко-высоко.

Позади меня витал запах готовящегося барбекю. Хотелось аккуратно встать с кресла-качалки, на цыпочках подойти и посмотреть через плечо на румяную корочку стейка. Не могу, в моих руках сопит завернутая в нежно-розового оттенка одеяльце малышка. Наша маленькая с Даниилом дочка.

Прошло три года. За этот немаленький срок серая мрачная жизнь приобрела огромное количество радужных красок, подаривших вместе с матушкой судьбой яркие моменты. Например, благодаря ловкой стрельбе Устинова по мишени, мне пришлось написать на работе заявление об уходе в декретный отпуск. После вообще уволиться, сделав себя самозанятой мадам Брошкину.

Такому подарку, в виде коробочки с пинетки и положительным тестом на беременность, Даниил не мог поверить. Шокировано глядел то на моё лицо, то на еле выпуклый живот — до третьего месяца у меня не было никаких симптомов, даже красные дни ши, — с растущим Вадимом.

Именно это имя выбрал наш старший сын, не мы с Даней, узнав о новом члене нашей маленькой семьи из трёх человек. Сначала было страшно: увидеть его реакцию, узнать то, что он думал на тот момент. Шторм обошёл стороной, сын был более менее рад этой новости. Сначала Артём никак не вникал во все это дело, даже представлять особо не хотел.

Потом все пошло поехало. Функции взрослого старшего брата включились: стал помогать с прогулками, вырывая порой коляску из рук, носить младшего на руках. Вот только потом я узнала, какие именно мотивы сидели в его макушке, представляя своего младшего братика одной из появившейся в его компании девочки.

Нашёл, глупый, как именно подкатывать к женскому полу. Даже отец такого не ожидал от него, особенно присланную в рабочие моменты сообщение от аиста: «Ждите через девять месяцев». И вот, этот маленький аистенок, причмокнув во сне губками, продолжала сопеть.

— Я никак не могу её перенести в люльку, — сообщаю, ощущая на плечах тёплые ладони, — сразу начинает плакать.

Мой любимый муж тянется к свертку, аккуратно сместив в его руки Софию — так зовут малышку, — тот спокойно, без каких-либо серьёзных осложнений, уложил в стоящую рядом с креслом люльку. Папина дочка, только у Дани так спокойно себя ведёт, со мной вечные слёзки, которые не возможно успокоить даже выйдя с коляской.

— Видишь, — лёгкий поцелуй и я начинаю таять от безумной нежности, — все хорошо.

До тех пор пока в наш дом не заходит чета Завьяловых. Услышав громкие восклицания на своего супруга, Диана разбудила малышку. Тихо хныча, набирая обороты, София сместилась со своей кровати обратно в мои материнские руки. Соски мы не признаем — выплевываем, для кормления пока рановато. Ох, придётся укачивать, стараясь не превратить прекрасный вечер двух семей в истеричную.

Огромный укрытый голубым в цветочек платья протискивается через стеклянные двери. Войдя к нам на террасу, Диана, бросив сумку чуть ли не в симпатичное лицо своего мужа, присела на находившийся напротив меня небольшой диванчик. Владимир — она вышла замуж за собственного директора, — ничуть не обиделся на выходки жены, наоборот попытался приободрить её.

Да, ещё два месяца и на свет появятся малыши близнецы. Подруга боится этого — ощутить на себе все материнство, именно поэтому начинает беситься ещё сильнее, заставляя приблизить свои роды ещё раньше. Ей нельзя волноваться, переживать, истерить, но продолжает это делать, иначе будет только хуже.

Она этого не хочет. Наоборот мечтает увидеть здоровых малышей, покупая различные детские игрушки, одежду, мебель. Желает увидеть деток, но продолжает плохо себя вести, создавая небольшие проблемы для себя и Владимира.

— Что на этот раз? — интересуется Даниил, аккуратно присаживаясь на правый подлокотник кресла. — Выбрали не ту коляску или же ремонт детской уже поднадоел?

— Очень смешно, — язвит, начиная поглаживать животик. — Просто бесит уже, хочу поскорее родить, чтоб не чувствовать боль в пояснице.

Улыбаюсь, выслушивая самые серьёзные проблемы беременности. У Дианы впервые это в жизни, ей можно пожаловаться и поплакать на эти проблемы.

Взгляд бросается в сторону повзрослевшего Артёма. Восемнадцатилетний юноша скоро поедет учиться в институт, получая образование учителя иностранного языка начальных классов. Хороший выбор, мы его с Даней поддержали как могли, подбадривая каждый раз, когда тот нервничал и говорил, что у него ничего не выйдет.

Все у него получилось. Как и у нас всех: пройти длительный путь к настоящему счастью, уничтожая оковы прошлого.

Больше книг на сайте - Knigoed.net